

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

ГЛАВА I.

Различное употребленіе слова: *расколъ* въ законодательствѣ, въ полемической противъ раскола литературѣ стараго времени и въ новѣйшей свѣтской печати; каноническое опредѣленіе раскола; раскольники старообрядцы и еретики—сектанты рационалисты и мистики; различіе русскаго сектантства по вопросамъ догматическимъ и въ отношеніи богослуженія; основаніе для причисленія къ расколу т. н. безпоповщины.

Предметъ нашихъ чтеній—русскій расколъ. И первый вопросъ, подлежащій нашему рѣшенію, состоитъ въ томъ: что нужно разумѣть подъ именемъ *раскола*? Вопросъ не напрасный. Не только въ общемъ обыкновенномъ употребленіи, но и на языкѣ администраціи, даже самаго законодательства, именемъ раскола называли и называютъ *всѣ вообще виды* уклоненія русскихъ людей отъ православія, всѣ вообще виды религиозныхъ разномыслий, которыя когда-либо были причастны русскому человѣку. Въ этомъ отношеніи первый законъ о раскольникахъ 7-го апрѣля 1685 года, безусловно воспрещавшій содержаніе раскола,¹⁾ и послѣдній, нынѣ дѣйствующій—«Высочайше утвержденное 3-го мая 1883 года мнѣніе государственнаго совѣта о дарованіи раскольникамъ въ некоторыхъ правъ гражданскихъ и по отправленію духовныхъ требъ»,²⁾—не различаются между собой: въ томъ и другомъ, въ редакціи текста, безразлично употребляется слово «раскольникъ». Правда, въ те-

¹⁾ Собран. законовъ Россійской имперіи т. II, № 1102.

²⁾ Правительственный Вѣстникъ 1883, № 112.

кущемъ столѣтїи различїе религіозныхъ разномыслїй русскаго народа правительствомъ сознавалось и даже вносилось въ законодательство. Первое различїе сектъ и раздѣленїе ихъ на *вредныя* и *менѣ вредныя* встрѣчаемъ не ранѣе 1830 года, когда Высочайше утвержденнымъ 20-го октября 1830 года мнѣніемъ государственнаго совѣта, для руководства въ дѣлахъ о духоборцахъ, молоканахъ, іудействующихъ и послѣдователяхъ другихъ, признанныхъ особенно вредными сектъ, постановлены были правила, напечатанныя въ полномъ собранїи законовъ.³⁾ Это различїе вошло въ сводъ законовъ, а въ 1845 г. и въ уголовный кодексъ. Однако, гдѣ граница между этими двумя подраздѣленїями религіозныхъ разномыслїй, — законодательство ни тогда, ни послѣ не указало. По этому, когда 6-го февраля 1864 года Высочайше былъ утвержденъ временный комитетъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ членовъ для разсмотрѣнїя проекта графа Валуева о законодательной реформѣ по расколу, первымъ вопросомъ для разрѣшенїя онъ поставилъ вопросъ о классификаціи сектъ и по тщательномъ обсужденїи этого вопроса и на основанїи узаконенной классификаціи св. Синода 1842 года,⁴⁾ радѣвшей секты по степени ихъ вреда для вѣры православной на вреднѣйшія, вредныя и менѣ вредныя, заключенїемъ положилъ: «раздѣлить (по извѣстнымъ признакамъ) всѣ секты и толки раскольничьи на *болѣе* и *менѣ* вредныя»⁵⁾. На болѣе и «менѣ» вредныя раздѣлила секты и учрежденная въ 1875 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссія для всесторонняго обсужденїя и разработки Высочайше утвержденныхъ 16-го августа 1864 г. предначертанїй временнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ.⁶⁾ Но когда чрезъ 8 лѣтъ результаты трудовъ коммиссіи получили законодательную санкцію и 20-го мая 1883 г. обнародованъ былъ дѣйствующій нынѣ законъ, оказалось, что въ послѣднемъ, вопреки какъ заключительнымъ опредѣленїямъ коммиссіи 1875 г., такъ и предначертанїямъ комитета 1864 г., дѣленїя сектъ нѣтъ и слово «раскольникъ» употребляется безразлично.

Если затѣмъ мы обратимся къ литературѣ и прежде всего взглянемъ на страницы полемическихъ противъ раскола сочиненїй стараго времени, то въ произведенїяхъ XVII вѣка совѣтъ не найдемъ дѣленїя на разряды людей, находившихся внѣ единенїя съ православною Церковью; всѣ заблуждающіеся назывались тогда однимъ общимъ именемъ

³⁾ Собранїе постановленїй по части раскола 1838 г., 123.

⁴⁾ Собранїе постановленїй по части раскола 1858 г., стр. 408-409.

⁵⁾ Христіанское Чтенїе 1886 г., I. 487.

⁶⁾ Христіанское Чтенїе 1887 г., ч. I, стр. 597.

«раскольщиковъ», хотя въ дѣйствительности сектантство уже распалось на роды съ ихъ видами. Перечень раскольническихъ толковъ впервые встрѣчаемъ въ «Розыскѣ». — полемическомъ сочиненіи св. Дмитрія Ростовскаго, написанномъ въ 1709 г., а изданномъ въ 1745 году. Распределение толковъ здѣсь не точное и главный недостатокъ его, какъ и раздѣленія сектъ во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ (напримѣръ «Полное историческое извѣстіе» протоіерея Журавлева (изд. 1794 г.), Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками», сочиненное въ въ рязанской семинаріи по предложенію арх. рязанскаго и шацкаго Симона (изд. въ 1807 году, и др.), состоитъ въ томъ, что въ немъ все религиозное разномысліе подводится подъ одинъ родъ раскола, такъ что и «христовщина» считается такимъ же видомъ раскола, какъ и «поповщина». Правда, еще въ «Отвѣтахъ» преосвящ. Никифора было сдѣлано указаніе — что нужно называть именемъ раскола (стр. 16 по изд. 1800 г. Москва), а въ 40-хъ гг. XIX ст. уже пытались, хотя и неудачно, устранить недостатки прежней классификаціи русскаго сектантства ⁷⁾, но и въ настоящее время этотъ пробѣлъ окончателно заглаженъ только въ ученой духовной литературѣ. Что же касается свѣтской публицистической прессы, то тамъ слово «расколъ» и по сіе время употребляется безразлично и, мало того, есть даже писатели, которые утверждаютъ, что «всѣ группы раскола будто-бы отнюдь не стоять какими-нибудь изолированными особняками, а, напротивъ, чрезъ посредство своихъ крайнихъ, конечныхъ развѣтвленій близко и тѣсно переплетаются между собою и, такимъ образомъ, составляютъ одно цѣлое ⁸⁾. Въ дѣйствительности же это мнѣніе совсѣмъ несправедливо: русское сектантство, какъ увидимъ ниже, раздѣляется на нѣсколько родовъ и указываемыя конечныя ихъ «развѣтвленія» не суть звѣнья, связующія частныя секты въ «одно цѣлое», а есть нѣчто случайное.

Наконецъ, что касается самихъ заблуждающихся, то и одни изъ нихъ любятъ называть себя «старавѣрами» или «старообрядцами»; это послѣдователи такъ называемой *поповщины* и *безпоповщины*; они раскольниками себя не признаютъ, а считаютъ себя послѣдователями древняго благочестія. Другіе именуютъ себя «духовными христіанами»; характеръ ихъ ученія сказывается въ рационализмѣ съ примѣсью въ нѣкоторыхъ сектахъ извѣстной доли мистическихъ идей; таковы: *духоборцы*, *молокане* разныхъ толковъ, *пугундисты*, *сектанты* «деснаго братства». Третью группу составляютъ мистическія секты, иначе называемыя «тайными»: сюда принадлежатъ: *хлысты*, именующіе себя

⁷⁾ *Надеждинъ* Изслѣд. о скорпешской ереси. 1845 г. см. у *Дельсиса*. вып. 3, стр. 8-11

⁸⁾ *Другавинъ*, «Значеніе сектантства». Русская Мысль 1881 г., № 1-й стр. 349—351

«людьми Божиими»⁹⁾ и сконцы, присвояющіе себѣ названіе «бѣлыхъ овецъ» и «бѣлыхъ голубей». Какъ смотрятъ сектанты другъ на друга увидимъ ниже.

Какую же изъ этихъ трехъ группъ слѣдуетъ назвать *расколомъ*? Или можетъ быть все онѣ подходить подъ это понятіе? Для разрѣшенія этого мы имѣемъ каноническія основанія. Въ Кормчей книгѣ находится каноническое посланіе св. Василия Великаго къ Амфилохію, епископу иконійскому; въ первомъ правилѣ этого посланія читаемъ: «еретикъ есть, иже вѣрою чуждъ. А иже по нѣкому незнаему вопрошенію, той есть раскольникъ. Собирающіи же сихъ, или отъ инѣхъ непокориви, сїи суть подцерковницы, иже отлучившеся сами отъ соборныя церкви, и иную создавше, особно собираются».¹⁰⁾ Изъ этого правила видно, что, по взгляду православной Церкви, все, отдѣлившіеся отъ нея, сектанты раздѣляются на три рода: еретиковъ, раскольниковъ и подцерковниковъ. Различіе между ними то, что еретики содержатъ неправое ученіе въ исповѣданіи *вѣры*, раскольники раздѣляются съ Церковію по предметамъ, *существа вѣры не касающимся* и допускающимъ разнообразіе; подцерковники—это лица учинившіе *самочинное сборище*, когда какой либо епископъ или священникъ отдѣляется отъ законной власти и созидаетъ свой алтарь. *На этомъ основаніи* подъ понятіе раскола можно подводить только *глаголемыхъ старообрядцевъ*. Что же касается сектъ рационалистическихъ и мистическихъ, то это *еретики* въ строгомъ смыслѣ слова, хотя степень уклоненія тѣхъ и другихъ отъ истиннаго христіанства и не одинакова.

Характеристическую черту старообрядства составляетъ смѣшеніе обряда съ догматомъ,—усвоеніе обряду значенія догмата; рационализмъ въ догматахъ вѣры допускаетъ господство разума и свободомысліе; мистики въ опредѣленіи догматовъ руководятся непосредственнымъ чувствомъ. Очевидно, одни, другіе и третьи не могутъ составлять одного цѣлаго. И дѣйствительно, если сравнить этихъ сектантовъ со стороны ихъ вѣроученія, то окажется, что въ ихъ вѣроученіи общаго ничего нѣтъ.

Православная Церковь источникомъ вѣроученія всегда признавала и признаетъ Божественное откровеніе т. е. священное Писаніе и св. преданіе. Въ этомъ отношеніи старообрядцы разнятся отъ православной Церкви только тѣмъ, что въ составъ преданія вносятъ такіа книги

⁹⁾ Хлыстовскія идеи просвѣчиваютъ въ ученіи такъ называемыхъ «шалапутовъ»; но въ немъ же есть и элементы рационалистическіе и послѣднихъ больше мистическихъ; вообще секта «шалапутовъ» есть еще неустановившаяся секта со стороны характера своего вѣроученія. См. ст. *Дороднищина «свѣта шалапутовъ»* въ Чт. общ. люб. дух. просвѣщ. за 1889 г., № 3 и 6.

¹⁰⁾ Кормчая, кн. ч. 1, л. 224 по изд. 1787. г.

(Стогловъ, Книга Кириллова, Книга о вѣрѣ, Катихизисы большой и малый), которыя хотя и употреблялись въ русской Церкви, но не могутъ быть признаны вполне содержащими обязательное для всѣхъ церковное ученіе. Совсѣмъ иное рѣшеніе этого вопроса у другихъ сектантовъ. Сектанты—раціоналисты Библию прямо не отрицаютъ, но значеніе этого источника понимаютъ своеобразно. Такъ, духоборцы не усвояютъ св. Писанію непогрѣшимости: въ немъ, по ихъ убѣжденію, зерно смѣшано съ мякиною; чтобы узнать, что въ немъ вѣрно, для этого служить внутреннее просвѣщеніе Бога—Слова; плодомъ его является преданіе-животная книга, которое, сохраняясь въ памяти и сердцѣ, и составляетъ источникъ вѣроученія. Молоканинъ-знатокъ Библии; но, считая ее единственнымъ источникомъ вѣроученія и отвергая св. преданіе, онъ толкуетъ ее произвольно. Взглядъ штундистовъ въ этомъ отношеніи сходенъ съ молоканскимъ, а шалапуты примыкаютъ къ духоборцамъ. Главнымъ источникомъ вѣроученія у хлыстовъ и скопцовъ служить ученіе ихъ христовъ и пророковъ: Божественное откровеніе они читаютъ поврежденнымъ и если пользуются иногда св. Писаніемъ, то лишь въ интересахъ пропаганды. Такимъ образомъ здѣсь теряется всякая положительная точка соприкосновенія даже съ крайними мистико-раціоналистическими сектами и потому хлыстовство и скопчество должны быть названы сектами нехристіанскаго характера.

Краеугольнымъ основаніемъ православнаго исповѣданія служитъ Никео Цареградскій символъ. Первымъ правиломъ втораго вселенскаго собора постановлено: «иже въ Никее св. отецъ вѣра твердо да держится и пребываетъ». Также и седьмымъ правиломъ третьяго вселенскаго собора запрещено «къ Никейстѣй вѣрѣ иную прилагать.¹¹⁾ Что же видимъ? Старообрядцы ропшуютъ, хотя и совершенно несправедливо, за одну букву «азъ», будто бы выброшенную православными въ Символѣ вѣры (во второмъ членѣ, въ словахъ: „рожденна (а) несотворѣнна“), а сектанты раціоналисты, не говоря уже о мистикахъ, совсѣмъ не признаютъ символа и молokane утверждаютъ, что истинная Христова Церковь существовала только до IV вѣка, когда вселенскіе соборы и учителя Церкви произвольнымъ толкованіемъ Библии извратили христіанство и смѣшали съ язычествомъ. Отсюда и догматическое ученіе символа не содержится этими сектантами. Главнѣйшій христіанскій догматъ—это догматъ о троичности лицъ въ Богѣ. Молokane троичность признаютъ, но Сына Божія и Духа Святаго не считаютъ равными Отцу въ божественномъ достоинствѣ; духоборцы же, шалапуты, хлысты и скопцы понимаютъ троичность пантеистически: Троица понимается не

¹¹⁾ Коржчад, л. 86 и 90 сбор. ч., I по изд. 1787 г.

въ смыслѣ божественныхъ ипостасей, а въ значеніи различныхъ дѣйствій и проявленій Божества въ мірѣ и человѣкѣ. Что же здѣсь похожего на старообрядство, которое въ ревности, хотя и неразумной, по Троицѣ единосущной и нераздѣльной ратуетъ за выраженіе: «Отче и Слово и Душе Святой-противъ „Отче Слово....“, или за- „Душе истинный» противъ „Душе истинъ». А вотъ другой главнѣйшій догматъ христіанскій-искупленіе Исусомъ Христомъ рода человѣческаго. Тогда какъ старообрядцы ратуютъ за одну букву въ имени Спасителя міра: *Исусъ*, у хлыстовъ много своихъ «христовъ», равно и скопцы смѣло изобрѣли себѣ новаго батюшку—искупителя и воздаютъ ему божеское поклоненіе. Въ рационалистическихъ сектахъ челоѣкообожанія нѣтъ, за то есть отверженіе Бого-человѣческой личности Искупителя и вмѣстѣ съ тѣмъ неправильное пониманіе Его дѣла: по ученію духоборцевъ, искупленіе есть не болѣе, какъ духовное просвѣщеніе, историческій же Христосъ есть лучший изъ духовно-просвѣщенныхъ людей: по ученію основателя «Сіонской Вѣсти Ісусъ Христосъ есть распятый Егова, челоѣко-Богъ», онъ «простой еврей» и мессіанство его не имѣетъ никакого смысла, потому что дѣйствительный возродитель-искупитель онъ, штабсъ капитанъ Ильинъ, основатель секты, и т. д. По взгляду молоканъ, между прочимъ, не имѣетъ значенія то: дѣйствительно-ли Христосъ родился *отъ Девы...* Эту ли мысль высказывали первые расколо-учители, когда утверждали, что въ пѣсняхъ и молитвахъ Богородицы слѣдуетъ говорить «како: отроча рождаеши», а не «дѣторождаеши» и «слава матеремъ и дѣвамъ», а не «матеродѣвственная слава»? Или: можетъ ли быть что-нибудь общее у тѣхъ, изъ которыхъ одни—старообрядцы ставятъ въ вину православнымъ то, что въ молитвѣ Богородицѣ мы читаемъ: *благодатная* вмѣсто: *обрадованная*, другіе—хлысты и скопцы имѣютъ своихъ «богородицъ»?

Различаясь догматически, сектанты различаются и въ отношеніи богослуженія. Какъ и православная Церковь, старообрядчество признаетъ необходимою внѣшнюю сторону богопочтенія, причемъ, въ отличіе отъ первой, держится такъ называемыхъ старыхъ обрядовъ, придавая имъ даже догматическое значеніе; оно употребляетъ старыя книги и букву ихъ считаетъ неизмѣняемою; старообрядцы въ полномъ смыслѣ ревнители буквы и извѣстной внѣшности. Не таковы сектаторы—раціоналисты. «Буква мертвитъ, а духъ животворитъ», говорятъ они. «Обряды ни что иное, какъ мертвые знаки, фигуры, буквы. Они безъ силы. Едино токмо злѣйшее лицемеріе.» Поэтому всю церковную внѣшность они отвергаютъ, знаки же внѣшняго богопочтенія у нихъ очень не сложны. И въ этомъ отношеніи эти сектанты уклонились отъ православной Церкви несравненно далѣе, чѣмъ старообрядцы. Папр., старообрядцы крестятся двумя пер-

стами и двуперстіе считаютъ величайшимъ догматомъ; дохоборцы, молокане и др. крестное знаменіе считаютъ «вымысломъ»; старообрядцы почитаютъ крестъ Христовъ и таковымъ считаютъ крестъ осьмиконечный, штундисты почитаніе креста считаютъ даже неестественнымъ; старообрядцы почитаютъ иконы стараго письма, рационалисты иконопочитаніе считаютъ идолопоклонствомъ; церковныя пѣснопѣнія у старообрядцевъ поются на старинный церковный ладъ, у сектантовъ есть свои пѣсни, составленныя на мотивъ простонародныхъ пѣсень; и т. д. и т. д. Что же касается хлыстовъ и скопцовъ, то ихъ богослуженіе, состоящее въ такъ называемыхъ «радвіяхъ», сопровождающихся пляской и бичеваніемъ, ничего общаго съ христіанскимъ культомъ не имѣетъ и, скорѣе, характера языческаго.

И такъ мы видимъ, что русское сектантство разнообразно и—по основанію каноническому—только старообрядцы должны быть названы раскольниками, какъ отдѣлившіеся отъ Церкви по вопросамъ, на вселенскихъ соборахъ не утвержденнымъ, всѣ же прочіе сектанты, какъ повредившіеся въ догматахъ и отдѣлившіеся «въ самой вѣрѣ»,—еретиками. Правда, временами и въ расколѣ появлялись личности, неправо учившіе о Троицѣ, Сынѣ Божіемъ и пр., таковы столпы раскола: первоучитель и законодатель раскола протопопъ Аввакумъ, выгорѣцкій киновіархъ Андрей Денисовъ, учредитель бѣлокриницкой іерархіи Павелъ великодворскій и нынѣшній апологетъ раскола Онисимъ, въ иночествѣ Арсеній Швецовъ. Но за эти лжеученія старообрядцы всегда стыдились, никогда ихъ не принимали и даже подвергали осужденію на соборахъ. Но, возразятъ намъ, если старообрядцы—поповцы должны быть названы раскольниками, то можно ли подводить подъ это понятіе безпоповщину, которая усвоетъ себѣ взгляды, *по существу своему* противныя православному вселенскому ученію, составляющему предметъ катихизисовъ и догматикъ—каковы, напр., безпоповщійскіе доктрины съ оскуднѣніи Церкви, объ измѣненіи ея внутренняго устройства, о всеобщемъ уничтоженіи православной іерархіи и Христовой безкровной жертвы, и т. п.? Отвѣчаемъ: дѣйствительно, ученіе о Церкви нарушается безпоповми и прежде всего практически, т. е. не составляя само Церкви, общество безпоповцевъ находится въ отдѣленіи отъ нея Затѣмъ во многихъ отношеніяхъ безпоповцы содержатъ здѣсь и своеобразныя доктрины, противныя и слову Божію, и древнему благочестивому ученію. Но вопросъ въ томъ: какъ образовались эти доктрины? Они были явленіемъ не добровольнымъ, а вынужденнымъ, не слѣдствіемъ свободомыслія и стремленіемъ проникнуть духъ Писанія, отыскать болѣе глубокой въ немъ смыслъ, а простымъ поддѣкиваніемъ въ Писаніи основаній для защиты своего положенія, въ которое постави-

ла расколъ сама жизнь и которое было не похоже на положеніе до никоновской «благочестивой Церкви». Въ нашемъ расколѣ, говоритъ профессоръ Шамовскій, всѣ вопросы, по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныя, рѣшались сначала практически, въ жизни, а потомъ уже являлась теорія, ученіе, какъ оправданіе практики. И такое или иное практическое рѣшеніе возникавшихъ въ расколѣ вопросовъ являлось не вслѣдствіе какихъ либо новыхъ идей, появившихся у нашихъ расколоучителей, а, или вслѣдствіе привычки, образовавшейся подъ вліяніемъ предшествовавшихъ обстоятельствъ, или вслѣдствіе житейской необходимости»¹²⁾. Безпоповщинскую практику совершенія таинствъ и отправленія богослуженія мірянами впервые встрѣчаемъ въ выговской раскольнической пустыни, образовавшейся въ концѣ XVII столѣтія, среди суровыхъ бесплодныхъ повѣнецкихъ лѣсовъ и болотъ, на половинѣ пути между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ. На образованіе этой практики имѣла вліяніе не теорія, а необходимость, опиравшаяся на мѣстный порядокъ вещей. На малонаселенномъ сѣверѣ, гдѣ и прежде, благодаря въ высшей степени дурнымъ путямъ сообщенія, съ крайнею малочисленностію церквей, которыя часто оставались при томъ безъ священниковъ, естественно было привыкнуть къ мысли о возможности обходиться безъ священниковъ,—эта практика выгорѣцкаго монастыря рѣзко въ глаза не бросалась, а потому только въ 20-хъ годахъ XVIII ст., и то по толчку извнѣ, сдѣлана была попытка обосновать эту практику, когда были написаны такъ называемые «Поморскіе отвѣты» на 106 вопросовъ синодскаго миссіонера, іеромонаха Неофита. Въ 101 вопросѣ Неофитъ спрашивалъ поморцевъ: «скажите, кромѣ Церкви и кромѣ архіерея и іереевъ вся тайны церковныя отъ простолюдиновъ не посвященныхъ могутъ ли совершатися, и православная вѣра безъ священства будетъ ли утверждаться?» Въ отвѣтѣ значеніе іерархіи ни мало не умаляется и, если она отрицается, то лишь по факту, и это составляетъ характеристическую черту своеобразной, впервые здѣсь высказанной, безпоповщинской доктрины. «Аще и опасаемся архіереевъ, говорятъ поморскіе отвѣты, аще и удаляемся рукотворенныхъ церквей: обаче не гордости ради и киченія; ниже за преобиденіе каковое; но ради нововнесенныхъ преданій, ради новинъ отъ Никона положенныхъ, ради новыхъ ученій.»¹³⁾ Такимъ образомъ здѣсь іерархія въ принципѣ не отличается и протестантскаго ученія нѣтъ: самое оправданіе въ неимѣніи священныхъ лицъ основывается

¹²⁾ Крит. разборъ ученія не прием. свящ. стар., Казань, 1883 г., стр. 72.

¹³⁾ Отв. на вопр. 102. Рукоч. СПб. дух. акад. изъ соф. библ. № 1204.

на нуждѣ и частныхъ исключительныхъ случаяхъ мѣстныхъ церквей. Правда, впоследствии явилось ученіе о всеобщемъ безсвященно-словномъ состояніи, но оно утвердилось не ранѣе половины XVIII ст. ¹⁴⁾ и притомъ вопреки тому основному взгляду первыхъ расколотчиковъ, что «міру безъ поповъ быти нельзя.» ¹⁵⁾ Вотъ почему наша высшая духовная власть совершенно справедливо относить къ расколу не только поповщинскія согласія, но и такъ называемую безпоповщину, и, напротивъ, сектантовъ мистиковъ и рационалистовъ за раскольниковъ не считаетъ. ¹⁶⁾

(Продолж. слѣдуетъ).

¹⁴⁾ Въ 1756 г. Иванъ Алексѣевъ Стародубскій написалъ сочиненіе: «О конечности Христова священства и евхаристіи». Каталогъ *Павла Любопытнаго*. М. 1861; г. стр. 92, №№ 318. 7.

¹⁵⁾ Мат. т. V, стр. 221 въ примѣч.

¹⁶⁾ Опред. св. Синода объ откр. въ дух. сем. преисд. кафедръ по расколу въ «Церковномъ Вѣстникѣ» за 1886 г., № 35.

Научно-литературный отделъ.

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

ГЛАВА I.

Продолженіе.

Различіе р. сектанства со стороны гражданской: отношеніе къ существующему государству и обществу. Строю сектантовъ еретиковъ; идеаль государства, устройства по воззрѣнію старообрядцевъ; причина враждебнаго отношенія безпоповцевъ къ существующему государству, порядку.

Если мы перемѣнимъ точку зрѣнія и взглянемъ на тотъ же предметъ съ другой стороны, именно гражданской, то опять придемъ къ выводу, что раскольниковъ старообрядцевъ никакъ нельзя смѣшивать съ другими сектантами. Въ этомъ отношеніи русскихъ сектантовъ можно раздѣлить на два разряда: надежда однихъ—*блаженство въ будущей жизни*—это старообрядцы, идеаль другихъ—*торжество въ жизни на столѣтій*—это сектанты мистики и рационалисты. О послѣднихъ П. И. Мельниковъ говоритъ, что они „отрѣшактса отъ интересовъ современной гражданской жизни простаго русскаго народа, совершенно равнодушны къ успѣхамъ развитія этой жизни, еще менѣе они имѣютъ сочувствія къ преданіямъ, ко временамъ прошлымъ. Для нихъ все въ ихъ баснословномъ будущемъ.“¹⁷⁾ Дѣйствительно, напр. у молоканъ еще съ начала настоящаго столѣтія появились толки о паденіи *Ассура* (т. е. *Руса*, если читать на оборотъ); наставники ихъ пророчествуютъ, что Богъ пошлетъ молоканамъ избавителя, который освободитъ ихъ отъ рабства царю неправославному, соберетъ ихъ въ землю (близъ Ара-ратскихъ горъ), епящую млеко и медомъ и *дастъ имъ царя по сердцу*¹⁸⁾,—и бывали даже случаи (1833—6 годахъ), когда молокане, подъ влияніемъ такихъ пророчествъ, бросали хозяйство, продавали свои дома и имѣнія и толпами изъ разныхъ губерній спѣшили на Кавказъ, гдѣ долженъ былъ явиться избавитель и основать свое тысячелѣтнее царство¹⁹⁾; а въ 1857 году закавказскіе молокане, секты *общихъ*, объявили своего наставника Максима Рудометкина, или Комара, царемъ

*) См. № 23 Ряз. Епарх. Вѣд. 1889 г.

¹⁷⁾ Письма о расколѣ. 1862 г., стр. 82.

¹⁸⁾ *Варадиново*. Истор. мн. внутр. дѣль, т. 8-й стр. 617; Прав. Соб. за 1858 г. ч. 3, стр. 75 и 77.

¹⁹⁾ Прав. Соб. 1858 г. ч. 3, стр. 295-309.

и 19 декабря торжественно короновали его ²⁰⁾. Хлысты и скопцы, как известно, ожидают торжественного возвращения „изъ невѣданной иркутской стороны“ ихъ „искупителя-оскопителя, государя-батюшки, Петра III Θεодоровича“, рожденнаго, по ихъ словамъ, отъ „чистыя и непорочныя дѣвы“ Елисаветы Петровны, „духомъ святымъ разблаженной“, — и добровольно оставившаго престоль ради привлеченія къ себѣ избранныхъ. Духоборцы живутъ надеждою на наступленіе царства Давида ²¹⁾ и отверженіе существующаго государственнаго порядка составляетъ, по выраженію одного указа Александра Благословеннаго, „смысль ихъ ерси“ ²²⁾. Конечныя чаянія основателя «Сіонской вѣсти» заключается въ чувственномъ тысячелѣтнемъ царствѣ на землѣ, вмѣняющемъ наступить по паденію настоящаго государственнаго строя. Наконецъ, шундизму не чужды идеи социализма и коммунизма; по ученію шундистовъ, всѣ природныя богатства: земли, лѣса, воды, какъ созданіе Божіе, не должны составлять чьей-либо собственности; всѣ земли помѣщичьи и государственныя должны пойти въ равный переделъ; нести повинности, а равно имѣть и почитать начальства не слѣдуетъ, ибо всѣ люди на землѣ равны и, по закону Христову нѣтъ ни старшихъ, ни младшихъ... Такихъ нигилистическихъ идей не проповѣдуетъ даже самая отчаянная старообрядческая безпоповщинская секта *странниковъ*. Рисуя идеаль гражданскаго общества, странникъ царя считаетъ не только первымъ звѣномъ въ этой цѣпи, но трактуетъ его, какъ *солнце на землѣ*, какъ Христова намѣстника ²³⁾. Вообще, скажемъ словами П. И. Мельникова: «идеаль гражданской жизни, по понятіямъ раскольниковъ, состоитъ въ той жизни, какая была на Руси въ первой половинѣ XVII и въ XVI столѣтіи. Благочестивый царь съ бородой, молящійся, какъ Θεодоръ Ивановичъ, безпрестанно, то въ церквахъ, то келейно, одѣтый въ парчу и жемчугъ, медленно водимый подъ руки боярами, тоже бородатыми, не пьющими треклятаго зелья табаку, и пр. т. п. По приказамъ бородатые бояре, по городамъ благочестивые бородатые воеводы, и тѣ, и другіе, и третьи строго соблюдаютъ посты, по субботамъ ходятъ въ баню, по воскресеньямъ за крестными ходами, часто ѣздить по св. обителямъ на богомолья, отнюдь не дозволяютъ народу бѣсовскихъ игръ и ристалищъ «яже отъ Бога отводять, къ бѣсомъ же на пагубу приводять», истребляютъ театры, запрещаютъ танцы, музыку, маскарады, воздвигаютъ гоненіе на заморское ученіе и пр. и пр. Судь и расправу они совершаютъ по

²⁰⁾ Прав. Соб. 1859 г. ч. I, стр. 433.

²¹⁾ *Кельсиев*, вып. 3, стр. XVII, предислов.

²²⁾ Полн. сбор. зак. т. XXVII, № 20. 629.

²³⁾ Барнаульскіе отвѣты. Письма о раск. стр. 90.

Кормчей книгѣ, г. е. по градскому закону». Такимъ образомъ идеаль гражданскаго устройства существуетъ въ отдаленномъ и невозвратимомъ прошедшемъ, въ будущемъ же онъ не существуетъ. «Впереди—антихристъ, который долженъ пасть, *но не отъ руки людей*, а отъ десницы самого Иисуса Христа, какъ сказано въ Апокалипсисѣ, и за паденіемъ антихриста немедленно настанетъ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, райскія утѣхи для вѣрныхъ и вѣчный огонь для невѣрныхъ. Торжества своихъ общинъ раскольники не ожидаютъ: такое торжество было бы противно ихъ религіознымъ вѣрованіямъ..... Поэтому разчитывать въ будущемъ на какую—либо политическую дѣятельность раскольниковъ, какъ гражданской партіи, какъ *status in statu*, значить не понимать ни бывшаго, ни тѣмъ еше болѣе современнаго духа раскола. Чтобы ни предстояло Россіи въ будущемъ, раскольники, по духу своихъ вѣрованій, не только не способны быть политическими дѣятелями, но даже и орудіемъ такихъ дѣятелей. Они смѣло и не размышляя, благоговѣютъ только предъ внѣшностію, передъ обрядомъ давно умершей старины. Симпатіи ихъ только въ ней одной и оттого на современное состояніе общества, они смотрятъ, какъ на состояніе упадка и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на отверженіе русской народности, а на будущее, какъ на еше болѣшій упадокъ. Это Лотова жена, обернувшаяся назадъ и оставшаяся неподвижною ²⁴). Признавая вполне справедливыми приведенныя слова, мы не хотимъ сказать, что старообрядцы довольны существующимъ порядкомъ государственной и общественной жизни, нѣтъ, они признаютъ его неправильнымъ и вчастности безпоповцы не молятся за царя и, если повинуются власти, то не «за совѣсть», а только „за страхъ“, государственный порядокъ признаютъ антихристовымъ, только и они далеки отъ мысли перемѣнять его на другой, такой, о какомъ мечтаютъ сектанты рационалисты и мистики, «Тогда какъ,—говоритъ проф. И. Ѳ. Нильскій,—раскольники-безпоповцы въ принципѣ не только не отвергаютъ власти, но считаютъ ее богопоставленною, орудіемъ Божественнаго промысленія о народѣ, и если не молятся за власть существующую, то не потому, чтобы молитву эту считали для себя необязательною, а потому только, что признаютъ существующую власть еретическою, антихристовою, за которую молятся грѣхъ,—дѣхборцы, молокане и пр. отвергаютъ власть не только *de facto*, но и въ принципѣ, считая ее «учрежденіемъ человѣческимъ», и не молятся за нее потому, что такую молитву считаютъ несогласною будто-бы съ словомъ Божіимъ. Поэтому, предположимъ невозможное, еслибы русскій Императоръ когда либо сталъ вѣровать въ «истиннаго Иисуса» и при-

²⁴) Письма о расколѣ, изд. 1862 г., стр. 87. 91-92.

няли другіе раскольничьи «догматы», — оедосѣвцы, филипповцы и другіе безпоповцы немедленно признали-бы его своимъ царемъ-батюшкой и стали-бы молиться за него. Что же касается духоборцевъ и пр., то они не признали бы власти Государя и не стали бы молиться за него и въ томъ случаѣ, если бы Онъ сдѣлался «духовнымъ христіаниномъ»; и тогда въ глазахъ духоборцевъ Онъ былъ бы только равнымъ каждому изъ нихъ.²⁵⁾ Къ этимъ глубоко справедливымъ словамъ слѣдуетъ присоединить столь же справедливыя слова иностранца Шеддо-Ферроти, который, отвѣчая на вопросъ, чего хочетъ русскій расколъ, говорить:²⁶⁾ «онъ хочетъ не свободы и равенства; онъ хочетъ бояръ и князей... въ особенности же царя, который имѣлъ бы распоряжаться ими безъ всякой церемоніи. Если раскольники протестуютъ противъ существующихъ законовъ, то это незначитъ, что они требуютъ законовъ болѣе либеральныхъ, они хотятъ возвратиться къ законамъ 16 вѣка. Что же касается до учреждений представительныхъ, то раскольники не только не желали бы ихъ, но безусловно осудили бы ихъ, потому что ни вселенскіе соборы, ни св. Кириллъ, ни св. Ефремъ никогда не говорили о подобномъ учрежденіи. Необходимость имая, самодержца всея

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ: Русскій расколъ старообрядчества въ предыдущемъ 23 Ел. Вѣд. ошибочно напечатано: на стр. 1093, на строкѣ 21 снизу: *Различное употребленіе* вмѣсто *безразличное употребленіе*; стр. 1096, на строкѣ 1 сверху: *сконцы* вмѣсто *скопцы*; стр. 1097, на строкѣ 14 снизу: *ротуютъ* вмѣсто *ратуютъ*; стр. 1100, на строкѣ 3 сверху: *Шамовскій* вмѣсто *Ивановскій*; стр. 1100, на строкѣ 4 снизу: *принципъ не отличается* вмѣсто *въ принципъ не отрицается*.

... раскольники князь Хованскій ... расколъ ...
никовъ, и лучше ...
стоялъ во главѣ его, задумалъ «царскій корень извести» и уоить не только царицу Наталью Кирилловну и царевну Софію Алексѣевну, но и «обоихъ государей», какъ еретическихъ дѣтей, которые «старую вѣру не любятъ, а новую заводятъ», — онъ не замышлялъ при этомъ уничтожить въ Россіи царскую монархическую власть и установить какую либо другую форму правленія, а только желалъ, чтобы «на мо-

²⁵⁾ Оффиц. записка о даров. раск. правъ Стран. за 1888 годъ № 3, стр. 549-550.

²⁶⁾ Ливанова „Раскольники и остриники“, т. I, изд. 1872 г. СПб. предисл. стр. XXI—XXII.

²⁷⁾ Ист. о вѣрѣ Саввы Романова въ брош. „Три челобитныя“, изд. 1862 г., стр. 125.

няль другіе раскольничьи «догматы», — едосѣвцы, филипповцы и другіе безпоповцы немедленно признали-бы его своимъ царемъ-батюшкой и стали-бы молиться за него. Что же касается духоборцевъ и пр., то они не признали бы власти Государя и не стали бы молиться за него и въ томъ случаѣ, если бы Онъ сдѣлался «духовнымъ христіаниномъ»; и тогда въ глазахъ духоборцевъ Онъ былъ бы только равнымъ каждому изъ нихъ». ²⁵⁾ Къ этимъ глубоко справедливымъ словамъ слѣдуетъ присоединить столь же справедливыя слова иностранца Шеддо-Ферроти, который, отвѣчая на вопросъ, чего хочетъ русскій расколъ, говоритъ: ²⁶⁾ «онъ хочетъ не свободы и равенства; онъ хочетъ бояръ и князей... въ особенности же царя, который имѣлъ бы распоряжаться ими безъ всякой церемоніи. Если раскольники протестуютъ противъ существующихъ законовъ, то это незначитъ, что они требуютъ законовъ болѣе либеральныхъ, они хотятъ возвратиться къ законамъ 16 вѣка. Что же касается до учрежденій представительныхъ, то раскольники не только не желали бы ихъ, но безусловно осудили бы ихъ, потому что ни вселенскіе соборы, ни св. Кирилль, ни св. Ефремъ никогда не говорили о подобныхъ учрежденіяхъ. Необходимость царя, самодержца всея Россіи, для раскольниковъ безусловная истина». А что во всѣхъ приведенныхъ выдержкахъ содержится не фантазія и не риторика, а дѣйствительная правда, — доказать это не трудно. Когда раскольники, ворвавшіеся въ 1682 г. беспорядочною толпою въ грановитую палату для предъявленія своихъ требованій правительству, замѣтили, что надежды ихъ на помощь правительницы государства не оправдываются, они, грубо замѣтивъ Софью Алексѣевну: «давно государыня время вамъ въ монастырь ити, полно въ царствѣ смущенія творить», сряду же прибавили: «намъ-бы Цари-Государи были здоровы, а безъ васъ пусто не будетъ». ²⁷⁾ Фанатики, вѣроятно, рассчитывали, что избранный волею народною десятилѣтній Петръ осуществитъ ихъ надежды на восстановление въ русскомъ царствѣ «старой вѣры». Когда векорѣ послѣ того раскольникъ князь Хованскій, опиравшійся на стрѣльцовъ — раскольниковъ, и лучше понимавшій направленіе правительства, кто бы ни стоялъ во главѣ его, задумалъ «царскій корень извести» и убить не только царицу Наталью Кирилловну и царевну Софью Алексѣевну, но и «обоихъ государей», какъ еретическихъ дѣтей, которые «старую вѣру не любятъ, а новую заводятъ», — онъ не замышлялъ при этомъ уничтожить въ Россіи царскую монархическую власть и установить какую либо другую форму правленія, а только желалъ, чтобы «на мо-

²⁵⁾ Оффиц. записка о даров. раск. правъ *Стран.* за 1888 годъ № 3, стр. 549-550.

²⁶⁾ Ливанова „Раскольники и остржники“, т. I, изд. 1872 г. СПб. предисл. стр. XXI—XXII.

²⁷⁾ Ист. о вѣрѣ *Саввы Романова* въ брош. „Три челобитныя“, изд. 1862 г., стр. 125.

«Оковское царство» выбрали царем его князь Ивана», а патриарха и властей поставили «кого изберутъ народомъ, которые-бы старые книги любили». ²⁸⁾ Когда Талицкій, подъ влияніемъ мысли о Петрѣ I, какъ антихристъ, сталъ писать и бросать въ народъ «письма» «для возмущенія къ бунту и на его государево убійство», фанатикъ указывалъ въ нихъ и преемника Петру, новаго правителя государства, князя Михаила Черкаскаго «для того, что онъ человекъ добрый», ²⁹⁾ Когда едосѣвцы преображенскаго кладбища, отъ имени всѣхъ раскольниковъ отрекались (въ 1812 г.) отъ вѣрно-подданности своему Государю предъ Наполеономъ, они не просили себѣ у грознаго завоевателя, по примѣру поляковъ, какихъ-нибудь конституціонныхъ льготъ, а прямо признавали надъ собою власть французскаго императора ³⁰⁾. Когда въ 1848 г. вспыхнула въ Австріи революція, послѣ которой учреждена была конституція, извѣстный Павелъ Великодворскій такъ отозвался объ этой формѣ правленія въ письмѣ къ московскимъ раскольниковъ: «хочу открыть вамъ ужасное ожиданіе о всемірной конституціи, что значить—*ножь, медомъ помазанъ*, и готовится рано или поздно на закланіе всего міра... Вамъ довольно въ предосторожность только слова того, если услышите «конституція», бойтесь аки вѣскога кровожаднаго губителя, являющагося къ вамъ подъ видомъ благотворителя ³¹⁾. Когда въ 60 хъ годахъ политическіе эмигранты въ Лондонѣ, во главѣ которыхъ стоялъ Герценъ, заигрывали съ нашими раскольниками, то дѣло кончилось тѣмъ, что бѣдившій въ Лондонѣ Пафвутій коломенскій нашель въ мнимыхъ своихъ друзьяхъ людей даже въ Бога не вѣрующихъ и возвратился въ Москву (въ 1862 г.) съ полнымъ убѣжденіемъ, что между старообрядчествомъ и лондонскими эмигрантами нѣтъ ничего общаго по положительнымъ убѣжденіямъ; а 24 февраля 1864 г. въ «архипастырскомъ посланіи» бѣлокриницкаго митрополита Кирилла къ русскимъ старообрядцамъ провозглашена была анаѡема Герцену и всякому, кто будетъ находиться съ нимъ въ сношеніяхъ ³²⁾: «къ симъ же завѣщаю вамъ, возлюбленніи, говорится въ этомъ посланіи, всякое благоразуміе и благо показаніе покажите предъ царемъ вашимъ и отъ всѣхъ враговъ его измѣнниковъ удалитесь и бѣгите, яко же отъ мятежныхъ поляковъ, тако не иначе отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ и оттуда своими писаніями возмущающихъ

²⁸⁾ Акт. Эксп. т. IV, № 258.

²⁹⁾ *Есиповъ*. „Раск. дѣла XVIII ст., т. I, стр. 60-61.

³⁰⁾ Изъ исторіи Преоб. кладбища З. Русск. Вѣстникъ 1862 г., № 37.

³¹⁾ Ррск. Архивъ 1875 г. кн. 2, стр. 112, *Субботникъ*, „Расколъ какъ орудіе вражд. Россіи партій. М. 1867, стр. I-я.

³²⁾ Посланіе напечатано въ Яссахъ. Видержку въ см. въ Русск. Вѣстн. за 1867 г., № 3 въ ст. „Партія Герцена и старообрядцы.“ а также въ Страницѣхъ за 1866 г., т. II, стр. 546-547.

европейскія державы. Бѣгите убо онѣхъ треклятыхъ, имъ же образомъ бѣжить человекъ отъ лица звѣрей страшныхъ, змievъ пресмыкающихся, то бо суть предтечи антихристовы, тщася безначалiемъ предуготовати путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаянiя сихъ цсовъ адскихъ, представляющихся аки бы состраждующими о человечествѣ, и вѣруйте, яко Богъ учинилъ есть начальство въ общую пользу, безъ него же все превратятся и погибнутъ, сильнѣйшимъ немощнѣйшихъ пожирающимъ». Такимъ образомъ о поповцахъ, къ которымъ обращено было посланiе, мало сказать, что они чужды всякихъ демократическихъ стремленiй и по принципу—строгiе монархисты: поповцы окружники по крайней мѣрѣ признають за существующей властью, что она «учинена на общую пользу». Что же касается безпоповцевъ, то хотя они къ существующей власти относятся враждебно, но и ихъ нельзя приравнивать къ духоборцамъ, молоканамъ и др. «Царя и власти считаю нужными», говорилъ у допроса странникъ Дометiанъ Теофановъ,— потому что ни одна земля безъ царя быть не можетъ; но «царь не вѣрующiй въ истиннаго Исуca, еретикъ, антихристъ и власти его не признаю». ³³⁾ Значитъ, причина враждебнаго отношенiя безпоповцевъ къ власти заключается не въ гражданскихъ демократическихъ стремленiяхъ отщепенцевъ, не въ стѣсненiи государствомъ правъ и привилегiй русскаго народа, не въ централизацiи, не въ преобладанiи государственной казны въ ущербъ земству, какъ думаютъ нѣкоторые писатели, ³⁴⁾ со взглядомъ которыхъ намъ придется подробнѣе познакомиться ниже, а въ религiозномъ разномыслии заблуждающихъ съ властью.

³³⁾ Кельсиев. Сборн. прав. свид. о расколѣ, вып. 4, стр. 286-287

³⁴⁾ А. Шаповъ. «Земство и расколъ». СПб., 1862 года.

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе

ГЛАВА I.

Вопросъ о бракѣ, какъ основаніе для различія раскольниковъ—старообрядцевъ отъ сектантовъ еретиковъ: ученіе безпоповцевъ о бракѣ; отрицаніе тайны брака сектантами—раціоналистами; дуалистическое воззрѣніе на бракъ хлыстовъ и скопцевъ. Взглядъ православнаго народа и старообрядцевъ на сектантовъ—еретиковъ и этихъ послѣднихъ на старообрядцевъ. Заключеніе.

Какъ монархическое начало составляетъ коренное основаніе нашего государственнаго быта, такъ и брачный союзъ составляетъ коренное условіе семьи и краеугольный камень всякаго гражданскаго устройства. И въ этомъ отношеніи есть основаніе для подраздѣленія нашего сектанства. Старообрядцы въ принципѣ признаютъ бракъ за таинство, хотя безпоповцы, по неизбѣгну лицу освященныхъ, его не имѣютъ, а нѣкоторые изъ нихъ учатъ даже о всеобщемъ безбрачій; сектанты-раціоналисты, не признавая брака за таинство, признаютъ его какъ актъ гражданскій; сектанты-мистики въ принципѣ отвергаютъ супружескую связь, считая ее скверною. Со стороны вреда для общества, изъ всего старообрядчества должны быть выдвинуты безпоповщинскія секты: еодосѣвцевъ, филиповцевъ и странниковъ. У этихъ безпоповцевъ семья не имѣетъ крѣпости и твердости, да ея (семьи) собственно и совсѣмъ нѣтъ. Вожаки еодосѣвскіе давали такія наставленія: «не жену, а стряпуху держи, отклони зазоръ; дѣтей не роди, а если родишь, тайно воспитай и племянникомъ называй»³⁵⁾. И дѣйствительно, мужчины и женщины, не стѣсняясь, ставили себѣ правиломъ: «каждый для всякой и каждая для всякаго, кому, когда и гдѣ прилучится желаніе свое исполнить»³⁶⁾. Когда же нѣкоторые толки допустили избраніе подругъ и сожительство, то нерѣдко появлялись самыя возмутительныя преступленія. Вступали въ сожительство лица самаго близкаго родства, какъ кровнаго, такъ и духовнаго; дѣти нерѣдко не знали своихъ родителей, почему и случалось, что нравились другъ другу молодые люди, только жившіе въ разныхъ домахъ, но получивше жизнь отъ одного и тогоже дѣвственника. Крѣпость подобныхъ сожительствъ зависѣла отъ воли того, кто избиралъ себѣ для сожительства подругу и

*) См. № 24 Ряз. Епарх. Вѣд. 1889 г.

³⁵⁾ Проф. И. О. Нильскаго, Семейн. жизнь въ р. расколѣ, вып. 2, 1869 г., стр. 89.

³⁶⁾ *ibid.* вып. 1-й 1869 г., стр. 113.

лишь только подруга начинала почему-либо не нравиться своему мнимому мужу, онъ бросалъ ее и прижитыхъ съ ней дѣтей на произволь судьбы, а иногда даже какъ вещь, передавалъ ее другому, самъ же выбиралъ себѣ новую «плутовку», съ которой нерѣдко повторялась таже исторія ³⁷⁾. Вотъ плоды безпоповщинскаго ученія о всеобщемъ безбрачїи! Но и это еще не все. Въ то время какъ безпоповецъ-дѣвственникъ успокоиваетъ себя надеждою получить отъ Бога прощенье за нарушеніе цѣломудрія, безпоповской женщины приходится считаться съ фактомъ инымъ образомъ. Къ еодосѣевскому наставнику является отецъ дочери и говоритъ: «вотъ, батюшка, у меня дочка есть, переросла уже, что мнѣ съ ней дѣлать?» «Учи ее, чтобы за мужъ не шла, нынѣ браковъ нѣтъ», отвѣчаетъ наставникъ. «Да вѣдь она, батюшка худо живетъ: не лучше ли отдать замужъ», продолжаетъ отецъ художившей дочери. «Какъ это можно, возражаетъ наставникъ, отдать замужъ, связать на вѣкъ во грѣхѣ? Лучше пусть такъ родитъ». «Это ничего, пусть бы родила, замѣчаетъ неугомонный еодосѣевецъ да вѣдь она колотить» (т. е. убиваетъ дѣтей). «Пусть колотить, а отдать нельзя», хладнокровно отвѣчаетъ наставникъ. «А какъ, батюшка, на это смотрѣть, что она колотить и докудова это терпѣть? спрашиваетъ мужичекъ. «Устанетъ, перестанетъ», ³⁸⁾ заключилъ свое наставленіе одинъ изъ вожаковъ Преображенскаго кладбища. Нечего, конечно, говорить—какъ вредно такое ученіе для общества и государства! Въ этомъ отношеніи державшіеся этого ученія безпоповщинскіе толки степенью вреда могутъ поспорить съ сектантами рационалистами, хотя это замѣчаніе сейчасъ же требуетъ съ нашей стороны оговорки.—Дѣло въ томъ, что еодосѣевцы, филиповцы и странники, если и отрицаютъ бракъ, какъ таинство, то лишь по факту, его нѣтъ за разсыпаніемъ руки людей освященныхъ. Совсѣмъ другое дѣло въ сектахъ рационалистическихъ: тамъ таинство брака отвергается не *de facto*, а *de jure*. «Бракъ, не есть таинство; бракосочетаніе никакого обряда не требуетъ, а требуетъ только взаимной любви сочетавающихся». Тогда какъ даже тѣ еодосѣевцы, которые вопреки ученію секты о всеобщемъ безбрачїи, рѣшаются иногда вступать въ открытыя брачныя сожительства, заключеніе брака «безъ всякаго церковнаго обряда» считаютъ по выраженію Ивана Алексѣева: «манихейскимъ обычаемъ», или «мордовскимъ понятіемъ», а безпоповцы-поморцы, не говоря уже о поповцахъ, приѣмлютъ бракъ за *вѣчно Богомъ установленную тайну* кт созиданію государственнаго, общественнаго и гражданскаго строя ³⁹⁾ и совершаютъ

³⁷⁾ Сем. жизнь въ р. расколѣ вып. 1, стр. 191-193.

³⁸⁾ Воспом. архим. Павла стр. 706-707.

³⁹⁾ Совр. Изв. 1873 г. №№. 239 и 248.

его непременно по известному чину, духоборець, молоканинъ и др. смотритъ на бракъ, какъ на актъ, таинственнаго ничего не имѣющій. А такъ какъ по глубоко—мудрому замѣчанію митрополита московскаго Филарета, «твердость брака, поставляющая преграду разгулу страстей, зависитъ отъ религіознаго убѣжденія въ святости брака»⁴⁰⁾, то нѣтъ ничего удивительнаго, что исторія засвидѣтельствовала такъ много печальныхъ фактовъ разврата и разрыва супружескихъ связей въ духоборчествѣ, молоканствѣ и друг.... Что касается хлыстовства и скопчества, то тамъ, какъ мы уже сказали, не только не можетъ быть рѣчи о «тайнѣ» брака, но бракъ какъ супружеская связь признается за «скверну» и отрицается въ принципѣ. Одна изъ заповѣдей основателя хлыстовской «секты» гласитъ: «плотскаго грѣха не творите. Неженатые не женитесь; женатые разженитесь. На свадьбы и крестины не ходите». Такое требованіе вытекаетъ изъ дуалистическаго взгляда на тѣло, какъ начало *злог*; человекъ долженъ всевозможными средствами умерщвлять естественныя потребности тѣлесной природы. Отсюда заповѣдь о безбрачїи, отсюда—установленіе изнурительныхъ радѣній. Въ мистическомъ экстазѣ, послѣ радѣній, когда порадовѣшіе становятся причастниками божества, уже не плоть, а любовь духовная, «Христова любовь» и-свадьный грѣхъ есть дѣло религіознаго культа. По ученію скопцовъ, «лѣпость» весь міръ поядаетъ и отъ Бога отвращаетъ, *невозможность* грѣшить достигается чрезъ оскотленіе, т. е. въ хлыстовствѣ обоготвореніе разврата, въ скопчествѣ физическое уродованіе, не избавляющее отъ страстей самыхъ дикихъ и пороковъ самыхъ гнусныхъ: одно другаго стоитъ....

Все сказанное доселѣ съ несомнѣнною доказываетъ, что русское сектанство по своему характеру не одинаково и расколъ старообрядства съ сектами еретическими ничего общаго не имѣетъ. Это и понятно. Старообрядчество—явленіе свое, доморощенное,—хорошее или худое—это другой вопросъ;—секты рационалистическія и мистическія—чужое, но, къ несчастью, привившееся къ русскимъ. Расколъ старообрядства появился въ началѣ второй половины 17 в. по поводу исправленія п. Никономъ церковно-богослужебныхъ книгъ. Духоборчество и молоканство, какъ секты съ этимъ наименованіемъ, появились во второй половинѣ XVIII в. безъ всякихъ видимыхъ поводовъ, а штундизмъ и сіонская вѣсть—очень недавнія секты. Но рационалистическія идеи обнаруживались въ Россіи издавна; въ XV в. онѣ проявились въ ереси жидовствующихъ, а въ XVI в. въ ересяхъ: Матвѣя Бакшина и Θεодосія Косаго. Эти идеи заносились тогда изъ Литвы, поддерживались

⁴⁰⁾ Христ. чт. 1886 Ч. г. I, стр. 715.

лютеранами и другими западными сектантами, являвшимися въ видѣ разныхъ ремесленниковъ, художниковъ, врачей. Въ XVIII ст. рационалистическія броженія усилились, благодаря покровительству Бирона лютеранству и влѣдствіе пропаганды крестьянъ, отданныхъ въ военную службу и долго находившихся въ плѣну между протестантами за границей, во время войнъ за австрійское наслѣдство и семилѣтней. Что касается хлыстовства, то историческая нить произхожденія его затеряна; несомнѣнно только, что въ немъ отразились языческія идеи востока: Индіи, Персіи, и древнихъ ересей христіанской Церкви: сирійскихъ гностиковъ и впослѣдствіи богомиловъ. Какимъ путемъ эти идеи занесены въ Россію, гдѣ и какъ они скрывались до своего рѣзкаго обнаруженія, — остается неизвѣстнымъ. По преданію же самихъ сектантовъ, хлыстовство образовалось около половины XVII в. одновременно, или нѣсколько ранѣ появленія старообрядческаго раскола. Скопчество, какъ секта, выродилось изъ хлыстовства, хотя, какъ явленіе, существовало еще при Моисей (Второз. XXIII, 1), а языческая мифология возводитъ его ко временамъ царствованія боговъ; на Руси же зародыши его находимъ при самомъ началѣ христіанства: чрезъ 16 лѣтъ по крещеніи кievлянъ въ Кіевѣ былъ уже обличенъ богомилъ — скопецъ Адрианъ.⁴¹⁾

Не даромъ нашъ простой народъ, который собственныя дѣла, если не постигаетъ ясно, то всегда чувствуетъ вѣрно, ни духоборцевъ, ни молканъ, ни скопцовъ, ни хлыстовъ и имъ подобныхъ, не считаетъ и не называетъ «раскольниками». Это *темныя*, по выраженію самого народа, секты. По словамъ чиновника Лапранди, изучавшаго расколъ по распоряженію правительства въ 1853 г., хлысты и скопцы презираются народомъ, который далъ этой сектѣ названіе «темной»⁴²⁾. Лопухинъ свидѣтельствуетъ о духоборцахъ, что «поселяне (сосѣди) подлинно ихъ не терпятъ, какъ и всѣ прочіе жители» (въ изюмскомъ уѣздѣ)⁴³⁾. Т. С. Лазаревскій въ своей «официальной запискѣ» утверждаетъ, что наши сектанты еретики никогда не пользовались сочувствіемъ народа⁴⁴⁾. То же говоритъ извѣстный этнографъ и правительственный экспертъ по расколу П. И. Мельниковъ. «Не только православные, замѣчаетъ онъ, но и раскольники дичатся послѣдователей рационалистическихъ и мистическихъ сектъ, питаютъ къ нимъ какое то отвращеніе и даже суевѣрный страхъ, весьма близкій къ страху черта

⁴¹⁾ Н. Рудневъ. Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ. М. 1888, стр. 29—38.

⁴²⁾ «Крат. обзор. рус. расколовъ, ересей и сектъ». 1870 г. стр. 104. См. Чт. въ общ. ист. и древ. Росс. 1870. кн. 2-ю.

⁴³⁾ Записки Лопухина. Лондонъ, 1860. 128.

⁴⁴⁾ Странникъ 1886, III, стр. 95.

или вѣдьмы, считаютъ ихъ какими то загадочными чудесниками, плюютъ и крестятся при одномъ упоминаніи о нихъ⁴⁵⁾. Объ нихъ ходятъ въ народѣ страшныя рассказы съ примѣсью чудеснаго, какъ о колдунахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ и тому подобныхъ пугалахъ робкаго воображенія непросвѣщенныхъ простолюдиновъ⁴⁶⁾. А что дѣйствительно сами раскольники и чуждаются этихъ сектантовъ, это выше всякаго сомнѣнія. Въ старообрядческихъ сочиненіяхъ не рѣдкость встрѣтить замѣчанія, отъ которыхъ видно нежеланіе старообрядцевъ, чтобы ихъ смѣшивали съ упомянутыми сектантами. Для примѣра можно указать на одного вѣдоевца, который, объясняя почему вѣдоевскіе староженцы, обязываящіеся, при переходѣ въ вѣдоевство, вести жизнь цѣломудренную, не разводятся по разнымъ домамъ даже и въ томъ случаѣ, когда они нарушатъ свой обѣтъ и обличатся въ этомъ дѣторожденіемъ, — замѣчаетъ: «храненіемъ сей заповѣди (т. е. о разводѣ) другая заповѣдь величайшая проторилась бы. У христіанина, аще родится одитя и сего ради церковь (т. е. общество вѣдоевское) его отъ единодомовнаго сожитія разлучить, и отъ власти сему нашему дѣйствію укрытися невозможно, но всемъ властямъ будетъ явлено, что наша церковь и чадородія не впускаетъ, и они (т. е. власти) не разсудивъ причины, яко мы ради неимѣнія священства бракъ оставляемъ и рожденіе, *притытъ насъ къ скотцамъ, истребителямъ человечества, вреднымъ государству и прочимъ не полезнымъ еретикамъ...*»⁴⁷⁾ и т. д. Можно указать и факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ ищутъ наши старообрядцы на прочихъ сектантовъ. Когда въ 20 хъ годахъ текущаго столѣтія, благодаря благодушному взгляду Императора Александра Іова расколъ и въ частности благодаря указу 1822 года, которымъ дозволялось раскольникамъ безпрепятственно имѣть у себя бѣжавш ихъ отъ православной Церкви священниковъ, въ раскольническихъ киргизскихъ монастыряхъ устроилось нечто въ родѣ раскольнической метрополіи, — туда стекались бѣглецы и поныне получаютъ тамъ «исправу» и разсылались во всеобщіе концы раскольническаго міра, — и правительстве, узнавъ объ этомъ, потребовало отъ киргизскихъ настоятелей дать подписку не принимать бѣглыхъ поповъ, — то настоятели рѣшительно отказались на томъ основаніи, что, не имѣя священства, они не будутъ причислять себя къ духоворцамъ, молоканамъ и др. и еретическихъ и мнимыхъ сектамъ. А вотъ другой фактъ. Дѣйствующій нынѣ законъ о раскольникахъ 3 мая 1883 г. имѣетъ длинную исторію. Еще въ февралѣ 1864 г. по Высочайшей волѣ былъ учрежденъ временный

⁴⁵⁾ Письма о расколѣ, 1862, стр. 18. ⁴⁶⁾ Мельниковъ. Тайныя секты. 1868, II. ⁴⁷⁾ Странникъ, 1888 г. мартъ, стр. 546.

комитетъ для разсмотрѣнія проекта бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Валуева о законодательной реформѣ по расколу. Согласно проекту, комитетъ предполагалъ даровать нѣкоторыя права гражданскія и по отправленію богослуженія раскольникамъ «менѣ вредныхъ» сектъ. Съ этимъ въ принципѣ была согласна и учрежденная въ 1875 г. при министерствѣ вн. дѣлъ коммиссія для разсмотрѣнія предначертаній комитета, хотя классификацію принимала другую, почему опредѣленія коммиссіи встрѣтили сильную оппозицію не только съ стороны св. Синода и II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, но и даже со стороны министерства внутр. дѣлъ, склонявшихся на сторону классификаціи комитета 1864 г.⁴⁸⁾ Велѣдствіе такого разногласія, а также и по другимъ соображеніямъ, майскій законъ о дѣленіи сектъ совсѣмъ оставилъ. 12 § этого закона предоставлено министру внутр. дѣлъ, при дарованіи раскольникамъ извѣстныхъ правъ, «сообразоваться съ нравственнымъ характеромъ ученія и др. свойствами каждой секты»; прямая же оговорка сдѣлана лишь о скопцахъ — та, что имъ запрещена выдача паспортовъ на отлучку (§ 1-й.) При обнародованіи новаго закона, наша пресса совершенно справедливо привѣтствовала его какъ фактъ весьма отраднѣй⁴⁹⁾; но къ этимъ хвалебнымъ отзывамъ не присоединилась пресса старообрядческая. Говоримъ объ издающейся въ Галиціи, въ городѣ Коломыѣ, раскольнической газетѣ «Старообрядецъ». Еще въ 1879 году издатель ея Никола Чернышевъ, по поводу предположеній коммиссіи 1875 года раздѣлить всѣ существующія секты на болѣе вредныя и менѣе вредныя и къ первой группѣ отнести лишь скопцовъ и хлыстовъ, всѣ же прочія секты считать менѣе вредными, — писалъ: «по смыслу сего предположенія наша старообрядческая община, имѣющая архіерейство (авторъ разумѣетъ старообрядцевъ по австрійскому священству), исповѣдующая единый символъ, единое ученіе вѣры со всею православною католическою Церковью, приемлющая единыя съ нею таинства, единыя иконы св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, приравнена не только къ молоканамъ и шалапутамъ, искажающимъ никейскій символъ и отмечающимъ церковныя таинства и иконы, но и къ иудействующимъ, отвергающимъ Христа Бога. Однако же господствующая въ Россіи церковь... признавала насъ отпадшими отъ нея лишь въ нѣкоторыхъ обрядахъ, и въ неподчиненіи общей ея власти. Мало того, самое это различіе въ обрядахъ почитается ею не настолько существеннымъ, чтобы имъ нарушалось единство вѣры, что и свидѣлствуется благо-

⁴⁸⁾ Христ. Чт. за 1886 г. ч. I и II и 1887 г. ч. I ст. В. В. «Двадцать лѣтъ законодательныхъ реформъ по расколу 1863—1883 г. II 2881 и т. д. архивъ Г. Синодальнаго М. С. Д.»

⁴⁹⁾ См. напр. за 1883 г. Церк.—общ. Вѣст. № 68; Наблюдателя № 7; Вѣст. Евр. № 7; и др.

⁵⁰⁾ Странный 1886, III, стр. 96.

словеніемъ, преподаннымъ ею церкви единовѣрческой.... Такое сопричисленіе насъ къ не-христіанамъ представляется намъ не только противорѣчащимъ возрѣнію самой господствующей Церкви въ Россіи, но и въ высшей степени для насъ прискорбнымъ и едва-ли соответствующимъ благимъ дѣламъ самого превительства.... Можно изъять нашу общину изъ этой позорной классификаціи»....⁵⁰⁾ Вотъ почему, когда въ 1883 г. вышелъ новый законъ о раскольникахъ, «Старообрядецъ» отнесся къ нему не только несочувственно, но даже враждебно (Старообрядецъ, ч. 17 и 18)...

Такъ смотрятъ наши старообрядцы на сектантовъ мистиковъ и рационалистовъ!

Съ другой стороны, и эти послѣдніе не считаютъ себя за одно съ старообрядцами. Такъ, напримѣръ, въ брошюрѣ: «вѣроисповѣданіе духовныхъ христіанъ, обыкновенно называемыхъ молканами», изданной въ 1865 году въ Женевѣ, въ «заключеніи» (о церкви Христовой) прямо говорится: мы не признаемъ ни грекороссійскаго, ни старообрядческаго, ни западно-римскаго согласія принадлежащими къ истинной (т. е. молоканской) церкви Христовой. Эти, такъ называемыя, церкви приняли въ основаніе вымыслы, *противные истинному ученію* и тѣмъ самопроизвольно отпали отъ Христа». Г. Ливановъ говоритъ, что познакомившись съ раскольниками, молкане выражаются о нихъ, что это люди, у коихъ солома въ головѣ вмѣсто мозга. «Богъ есть духъ, говорятъ они, что и Христосъ подтвердилъ своимъ ученикамъ, и кто поклоняется ему духомъ, кто старается приблизиться къ его совершенствамъ и воплотить въ себѣ духъ Христовъ, тотъ воздаетъ Богу истинное поклоненіе, тотъ лишь истинный христіанинъ, а раскольники идутъ на плаху за два пальца въ перстосложеніи, за выстриженную маковицу, чрезъ которую будто бы и можетъ только приходиться благодать Божія на голову. Мы вовсе не крестимся ни двумя, ни тремя перстами, а знаемъ Бога потверже и поближе ихняго»⁵¹⁾. Выше мы говорили, что ни молкане, ни духоборцы, ни хлысты, ни скопцы и имъ подобные не присволяютъ себѣ названія «старообрядцевъ» или «старовѣровъ». Очевидно, сектанты сторонятся отъ старообрядцевъ столько же, сколько послѣдніе чуждаются ихъ.

Итакъ, расколомъ въ собственномъ смыслѣ можно считать лишь наше старообрядчество. Установивъ это положеніе, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію и рѣшенію вопросовъ о самомъ русскомъ старообрядческомъ расколѣ.

Петръ Смирновъ.

(Окончаніе будетъ).

⁵⁰⁾ Газета «Старообрядецъ», № 9 за 1879 г., см. въ книгѣ: Ист. вѣслы къ оправд. старообряд. 1881 г. стр. 321—323.

⁵¹⁾ Раскол. и острожн. т. I, стр. XIII, по изд. 1872.

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе.

ГЛАВА II.

— *Обзоръ существующихъ воззрѣній на расколъ.* а) Взглядъ на расколъ какъ на явленіе церковное. Сущность и значеніе его по сочиненіямъ представителей этого взгляда.—Русскій расколъ и западное протестанство.—На какой почвѣ возникъ расколъ?—Будущность раскола.—б) Происхожденіе взгляда на расколъ, какъ явленіе гражданское съ политическимъ характеромъ.—Расколъ по официальнымъ запискамъ 50-хъ годовъ.—Кельсіевъ—А. Шаповъ.

Что же такое русскій расколъ старообрядчества? Что это за явленіе,—какого характера и свойства? Что лежитъ въ его основѣ? Отъ

чего возникъ расколъ и чѣмъ поддерживается теперь? Поставьте эти вопросы, и вы услышите самые разнообразныя отвѣты на нихъ. Но это разнообразіе главнымъ образомъ касается частныхъ, — вполнѣ же оригинальныхъ и коренныхъ взглядовъ на расколъ собственно два: одинъ взглядъ старый, существующій съ самаго начала появленія раскола, другой новый, появившійся сравнительно недавно. Сторонники перваго видятъ въ расколѣ явленіе церковное, защитники втораго явленіе гражданское. Рѣшить — какой изъ этихъ взглядовъ болѣе приближается къ истинѣ — важно въ томъ отношеніи, что вмѣстѣ съ этимъ рѣшится вопросъ о мѣрахъ борьбы съ расколомъ. Остановимся поэтому на томъ и другомъ и рассмотримъ ихъ, насколько возможно, подробно.

Старый взглядъ на расколъ имѣетъ на своей сторонѣ лучшихъ изслѣдователей. Если не у каждаго изъ нихъ онъ раскрывается въ болѣе подробныхъ чертахъ, за то у каждаго онъ подразумѣваются, прямо вытекая изъ главной основы. Такъ обр. ничто не мѣшаетъ одного писателя пополнить другимъ и тогда разсматриваемый взглядъ обрисуетъ въ слѣдующихъ чертахъ. Расколъ — это „событіе церковной исторіи“¹⁾ и именно „церковный мятежъ“²⁾; „вызванный къ существованію изъ нѣдръ самой же русской Церкви“³⁾; „существенные мотивы образованія раскола — мотивы религиозныя“⁴⁾ и „религія главная суть раскола“⁵⁾. Какъ при возникновеніи⁶⁾, такъ и въ послѣдующее время онъ не преслѣдовалъ какихъ либо „тайныхъ цѣлей“, каковы цѣли политическія⁷⁾. Если и можно говорить, что расколъ „въ своемъ происхожденіи и развитіи“ не есть исключительно явленіе религиозное, но вмѣстѣ и государственное⁸⁾, то лишь въ томъ смыслѣ, что „преслѣдуя цѣли религиозныя“, нѣкоторые раскольническіе толки въ силу своихъ вѣрованій затрогиваютъ существующій строй и порядокъ гражданской жизни несочувственнымъ отношеніемъ къ нему⁹⁾. Съ этой стороны, какъ выраженіе гражданской оппозиціи, расколъ удивляетъ скудостью своего содержанія. „Онъ не имѣетъ никакихъ ясно очерченныхъ идеаловъ. Вся агитация его ограничивается отрицаніемъ и отрицаніемъ. Въ этомъ исключительно отрицательномъ характерѣ раскольнической оппозиціи, въ

¹⁾ Преев. Макарія „Исторія р. раскола“. СПб., 1855, стр. 2 пред.

²⁾ С. М. Соловьева „Ист. Россія съ дрв. времянь“. М., 1863 г., т. XIII, стр. 142—144.

³⁾ Проф. Н. И. Субботина. „О сущности и значеніи раскола въ Россіи“, СПб., 1881 г., стр. 42.

⁴⁾ Проф. Н. И. Ивановска. „Крит. разбор ученія безпопов. о Церкви и таинствахъ“, Казань, 1883 г. стр. 28.

⁵⁾ И. Харламова. „Дѣло“ за 1881 г., № 8, стр. 21.

⁶⁾ Н. Устрялова. „Русская Исторія, т. II, изд. 2, СПб., стр. 268.

⁷⁾ Проф. И. О. Нильскаго. „Нѣсколько словъ о р. расколѣ“. СПб., 1864 г., стр. 1—160. К. Леонтьева „Востокъ! Россія и славянство“, т. II, стр. 249, М., 1886 г.

⁸⁾ Прот. П. Преображенскаго. „Прав. Обзор“, 1881 г., т. III, стр. 322.

⁹⁾ Проф. Н. И. Ивановскаго. „Официальная записка о дарованіи раскольникамъ нравъ“ въ Странникѣ за 1887 г., т. III, стр. 94.

этомъ, если можно такъ выразиться, политическомъ нигилизмѣ раскола — зародышъ его паденія, какъ гражданской партіи¹⁰⁾, у него нѣтъ никакого политическаго будущаго¹¹⁾. Но, какъ „болѣзненное порожденіе самой русской церкви, расколъ есть домашній, внутренній и кровный врагъ ея, именно изъ вражды къ ней получившій свое бытіе“¹²⁾ и „этой враждою исключительно живущій,—это „великое бѣдствіе нашей церкви“¹³⁾. По истинѣ онъ напоминаетъ собою *свитокъ книжный*“, показанный одному изъ пророковъ (Иез. 2. 10), въ которомъ *вписано было только рыданіе, и жалость, и горе*“¹⁴⁾. Появившись какъ „безобразный, сгнившій трупъ, или плевелы при вѣяніи пшеницы“¹⁵⁾, расколъ вноситъ свою заразу въ здоровую жизнь народа,—это *язва*, разъѣдающая народный организмъ¹⁶⁾, его нравственная *болѣзнь*¹⁷⁾, которая искусственно вызывается и поддерживается главн. обр. вожаками и наставниками раскола,—„лжесловесниками сожженной совѣсти“¹⁸⁾, (I Тим. IV, 1—7), „дѣйствующими, по мнѣнію нѣкоторыхъ, не по убѣжденію, а изъ личныхъ видовъ корысти и честолюбія“¹⁹⁾. „Явный и непреложный фактъ, что даже добрыя человѣческія начинанія раскольниковъ ни къ чему, кромѣ худого, не привели“²⁰⁾. Однимъ словомъ, расколъ—это зло, „замедляющее откровеніе обѣтованной земли“²¹⁾, а „со зломъ нельзя мириться“²²⁾.

Такова основа взгляда на расколъ, какъ явленіе церковное! Теперь спрашивается: въ чемъ же состоитъ главное заблужденіе раскола? Исслѣдователи согласны въ томъ, что расколъ возникъ на почвѣ охранитель-

¹⁰⁾ *О. Ливановъ*. „Раскольники и острожники“ СПб. 1872 г. изд. 4, т. I, пред. стр. XXI.

¹¹⁾ Письма о расколѣ. СПб. 1862 г. стр. 92.

¹²⁾ *Проф. Н. И. Субботинъ*. „О сущности и значеніи раскола“, СПб. 1881 г., стр. 15 и 43.

¹³⁾ *М. Н. Катковъ*. „1864 годъ. Собраніе передовыхъ статей „Москов. Вѣдомостей“, вып. 3, М. 1887 г. стр. 53 и 60.—Впрочемъ, на взглядъ нѣкоторыхъ, какъ бы по пословицѣ, что „нѣтъ худа безъ добра“, расколъ послужилъ и къ пользѣ, именно: онъ былъ „обстановкою и свидѣтельствомъ исполненія со стороны церкви величайшаго, благаго дѣла—отдаленія отъ себя того духа, той закваски, чрезъ которую она слѣдилась бы скорѣе *обрядомъ*, чѣмъ живою и духовною религію“ Palmer «Dis-sertations» London. 1858 г. См. выдержку въ Прав. Соб. за 1859 г. ч. III, стр. 80—95 и въ нихъ стр. 93.) и клятва собора 1667 г. на ревнителей буквы, которой (клятвою) начинается официальное существованіе раскола, положили новому періоду въ исторіи русской церкви, который способствовалъ развитію въ Россіи образованія, богословскихъ наукъ и христіанскаго сознанія въ обществѣ, и съ которымъ кончилось буквенное полудѣтское пониманіе христіанства огромнымъ большинствомъ вѣрующахъ русской церкви“, грозившее опасностью застою и запрещенія всякаго церковнаго прогресса“ (Проф. *И. В. Чельцовъ*: рѣчь въ засѣданіи общества любителей дух. просвѣщенія 28 марта 1873 г. см. Христ. Чт. з 1873 г. ч. II, стр. 13 и 7).

¹⁴⁾ *Макарія*. „Исторія р. раск.“ 1855. стр. 367.

¹⁵⁾ Исторія Руск. Церкви преев. *Филарета IV*, стр. 180.

¹⁶⁾ *Проф. Н. Ивановскаго* „Оффич. записка“, Страникъ за 1887 г. т. III, стр. 477 и 675.

¹⁷⁾ Письма о расколѣ. 1862 г. стр. 33.

¹⁸⁾ *Александръ Б.* „Описаніе раск. сочиненій“ СПб. 1861 г. пред.

¹⁹⁾ Предписаніе м. в. д. *Вихкова* у *Кельсеев.* вып. IV, 58.

²⁰⁾ и ²¹⁾ *В. С. Соловьевъ* „О церкви и расколѣ“ въ „Руси“ за 1882 г. № 38 и 370.

²²⁾ *М. Н. Катковъ*. „1864 г.“ стр. 229.

тельного начала; но въ пониманіи характера этого послѣдняго замѣчаются особенности. Такъ, напр, одинъ изъ авторитетныхъ нашихъ расколовѣдовъ проф. Н. И. Ивановскій говоритъ, что „въ основу раскола былъ положенъ строгій, безусловный консерватизмъ, охраненіе древнихъ благочестивыхъ догматовъ, отъ чего послѣдователямъ его и до сихъ поръ усвояются названія *старовѣровъ*, или *старообрядцевъ*“. Это „охранительное начало простиралось до такихъ размѣровъ, что замѣненіе одного слова другимъ, выпущеніе, или прибавленіе, или измѣненіе одной буквы, безъ малѣйшаго нарушенія смысла, перестановка ударенія, новый покрой въ одеждѣ,—все встрѣчало обличенія со стороны защитниковъ „древняго благочестія“, во всемъ старались отыскать печать антихриста, или ересь, или превратность богоотметную, или, по меньшей мѣрѣ, нѣчто не доброе“. Т. о. нашъ расколъ не то, что западный протестантизмъ, первичною цѣлью котораго было не охраненіе чело-л., а разрушеніе.—и такъ какъ расколъ охранялъ и охраняетъ выраженія и буквы, по невѣжеству смѣшивая ихъ съ догматами вѣры, то характерную черту и заблужденіе его и составляетъ *обрядовѣріе* ²³⁾. Другой изслѣдователь, философъ—богословъ В. С. Соловьевъ „начало болѣзни“ видитъ въ томъ, что въ расколѣ „вселенская истина исчезла передъ народнымъ обычаемъ, который выдавался за такую, — что на мѣсто Божескаго и всемірнаго вдругъ явилось *свое отдѣльное*“ ²⁴⁾. Онъ такъ рассуждаетъ: „исходя изъ совершенно вѣрнаго и православнаго убѣжденія, что церковь свята и Божественна не только въ сокровенномъ началѣ, но и въ самыхъ видимыхъ формахъ своихъ, расколъ въ своей національной исключительности ²⁵⁾, лишенный истиннаго понятія о божественномъ, какъ вселенскомъ, не могъ распознать, *какія* именно видимыя формы церкви и въ чемъ именно онѣ божественны, а поэтому смѣшавъ божеское съ человѣческимъ, вѣчное съ временнымъ, частное съ всеобщимъ“. „Нераздѣльно съ *мѣстною* ограниченностью раскола, какъ исключительно *русской вѣры*, является его ограниченность относительно *времени*, какъ исключительно *старой вѣры*“, основанная на томъ убѣжденіи, что „видимая Церковь уже закончила свой

²³⁾ Крит. разборъ ученія непріемлющихъ священство старообрядцевъ, стр. 52—53, 55, 61, 72.— Въ орядовѣріи судяность раскола полагаетъ и другой знатокъ раскола о. архим. Павелъ Прусскій. Предъ раскольниками, говоритъ онъ, присвоивъ себѣ вопреки запрещенію Апостола (Лак. зач. 54.), званіе учительства и отвергнувъ руководство церкви въ дѣлѣ вѣры, не имѣли достаточнаго вѣденія въ св. Писанія и ученія св. отцовъ, а потому не поняли и не различали, что суть догматы вѣры... огражденные отъ измѣненій страшнымъ запрещеніемъ, что суть церковные обряды... въ употребленіи зависящіе отъ церковнаго распоряженія. Это и есть начало и корень всѣхъ ошибокъ, заблужденій и паденій старообрядцевъ, начиная съ отступленія отъ общенія со вселенскою церковью. Собр. сочин. арх. Павла, ч. 1, изд. 4. М. 1833 г., стр. 672—677.

²⁴⁾ О расколѣ въ р. народѣ и обществѣ. Прав. Об. 1884, Май—Іюнь, стр. 24.

²⁵⁾ Срав. Национальный вопросъ въ Россіи, М. 1884 г. стр. 49.

рость, что она есть нечто *совершенное въ прошедшемъ*²⁶⁾. „Въ настоящемъ ничего божественнаго не происходитъ, все божественное уже произошло. Но кто же носитель этого прошедшаго, кто хранитель этого преданія? Церковь въ своей іерархической организаціи. Но вотъ, по мнѣнію старовѣровъ, вся церковная іерархія, и архіереи, и попы, а за ними и большинство мірянъ отступили отъ прошедшаго, замѣнили отеческія преданія нѣвизмами. И такъ, кто же остается хранителемъ преданія? Никто, какъ отдѣльная, личная вѣра и совѣсть. И вотъ, заключаетъ авторъ, какъ бы снаружи ни отличалось наше старовѣріе отъ западнаго протестантства, оказывается, что основной принципъ того и другаго одинъ: *личное мнѣніе противъ вселенскаго опредѣленія Церкви, частное противъ цѣлаго*²⁷⁾... И западный протестантъ и русскій раскольникъ отвергаютъ въ видимой Церкви именно то, что выше и сильнѣе отдѣльнаго лица, что можетъ дѣйствительно исцѣлить его и реально связать съ Божествомъ—всецѣлость и каѳоличность Церкви²⁶⁾, т. о. расколъ, какъ заблужденіе, есть отрицаніе каѳоличности, *протестантизмъ мѣстнаго преданія*, подобно тому, какъ у нѣмцевъ явился протестантизмъ личнаго убѣжденія,—вотъ два взгляда! По первому изъ нихъ консерватизмомъ раскола обуславливается *косность*, неподвижность мысли; если появились въ расколѣ своеобразныя доктрины, то, какъ неизбежный и самими раскольниками оплакиваемый выводъ изъ ложныхъ началъ. Второй взглядъ видитъ въ расколѣ *энергію* мысли, ея протестъ во имя мѣстнаго преданія противъ вселенскаго авторитета. Но для характеристики можно указать мыслителей, дѣлающихъ и еще шагъ впередъ въ этомъ направленіи. Французъ Леруа-Больё²⁷⁾ признаетъ, что расколъ по принципу—консерваторъ и реакціонеръ, онъ былъ попыткой закрѣпить всякую энергію мысли. Однако, по его мнѣнію, и расколъ, пришелъ къ тому же концу, къ какому и протестантизмъ: отвергнувъ авторитетъ власти, онъ былъ не въ силахъ учредить авторитетъ въ собственныхъ нѣдрахъ, почему въ концѣ концовъ и явилась полная *анархія* мысли...

Мы не рѣшаемъ здѣсь вопроса, какой изъ этихъ взглядовъ ближе подходитъ къ истинѣ,—мы отмѣчаемъ лишь разнообразіе взглядовъ у изслѣдователей не одной школы и даже не одного строя религіозной жизни,—и здѣсь для насъ важно знать, какъ, по мнѣнію этихъ изслѣдователей, создалось выразившееся въ расколѣ стремленіе къ охранителю началу? Въ рѣшеніи этого вопроса они сходятся между собою, утверждая, что расколъ возникъ на почвѣ невѣжества. Это мнѣніе—общее

²⁶⁾ Прав. Обзрѣніе за 1884 г. стр. 19 и 26.

²⁷⁾ „Русскій расколъ съ точки зрѣнія иностранца“, въ Прав. Собесѣд. за 1875 г. ч. II, стр. 301 325—извлеченіе изъ ст. А. Leroy-Bolieu «Le rascól et les sectes en Russie».

всѣмъ писателямъ разсматриваемаго взгляда, хотя не у всѣхъ оно доводится до одинаковыхъ размѣровъ. Болѣе крайніе видятъ въ расколѣ сплошное невѣжество, болѣе умѣренные по крайней мѣрѣ не находятъ возможнымъ судить объ этомъ безусловно. Во всякомъ случаѣ на этотъ счетъ высказываются такія мысли. Расколъ есть результатъ „долговременнаго застоя“²⁸⁾, „плодъ невѣжества и вѣками накопившагося суевѣрія“²⁹⁾ и „порожденіе его“³⁰⁾, это „тьма умственная и умственный застой“³¹⁾, „коснѣніе въ невѣжествѣ—главная сила раскола.“³²⁾ Въ немъ видимъ „отверженіе прогресса“³³⁾ и „отрицаніе просвѣщенія“: послѣдователи раскола—это „бѣдные слѣпцы“³⁴⁾ „темные ревнители буквы“,³⁵⁾ они „идутъ противъ самаго принципа прогресса; они герои рутины; ихъ глаза смотрятъ не впередъ, а назадъ“³⁶⁾. Наука раскола 200 лѣтъ не произвела ничего, кромѣ устрашающей массы самыхъ ребяческихъ, самыхъ незамысловатыхъ, схоластическихъ, бесплодныхъ и безграмотныхъ мараевъ, ниже лубочныхъ..... годныхъ только для поддержанія заблужденія и усиленія старыхъ предрасудковъ; его цивилизація въ концѣ концовъ ведетъ къ полному разложенію³⁷⁾. Нѣкоторые еще согласны допустить въ расколѣ обнаруженіе, по крайней мѣрѣ по началу, силу народнаго духа,—преданность православію (хотя, по послѣдствіямъ—скудость и слабость его³⁸⁾, но другіе полагаютъ за безусловное, что расколъ „не имѣлъ и не имѣетъ не только ума, но и чувства, чтобы жить ими, онъ жилъ фанатизмомъ и поднялся деньгами и покровительствомъ“³⁹⁾. Но что же говорятъ сторонники разсматриваемаго взгляда о будущности раскола? По увѣренію нѣкоторыхъ,⁴⁰⁾ расколъ, какъ догма не вѣченъ: онъ носитъ въ себѣ зародышъ своего разложенія и уже отживаетъ послѣдніе дни⁴¹⁾. Но общее убѣжденіе то, что расколъ требуетъ усиленной борьбы съ нимъ со стороны Церкви и жизнь, или смерть раскола будетъ зависѣть отъ степени успѣха этой борьбы....

²⁸⁾ С. М. Соловьевъ. «Ист. Россіи съ древ. врем.», т. XI, СПб. 1861 г. стр. 277—81.

²⁹⁾ Филар. Ист. Русск. церкви IV, стр. 180; Опоикий «О причинахъ появленія въ Русск. церкви раскола», СПб. 1861, стр. 13; Устьяковъ ст. въ Прав. Обзор. за 1887 г. № 5—6, стр. 193—194.

³⁰⁾ Н. Гиббенетъ «Ист. взгляда дѣла п. Никова» СПб. 1882, ч. I, стр. 136.

³¹⁾ Письма о расколѣ, стр. 11.

³²⁾ Лив. „Р. и О. т. I. с. 11—12.

³³⁾ «Прозвѣтъ» м. в. д. Валуева въ Христ. чт. 1886 г. т. I стр. 369; Кельсиев. II, стр. 95.

³⁴⁾ Письма о расколѣ 1862 г. стр. 86.

³⁵⁾ Пере. Ист. Филар. IV, стр. 185.

³⁶⁾ «О причинахъ раскола» Опоикою стр. 67.

³⁷⁾ Прав. Собесѣдникъ 1875 г. ч. II, стр. 323.

³⁸⁾ Ливановъ «Раскольники и острожники», т. I-й, пред. стр. XIV—XV.

³⁹⁾ М. Н. Катковъ. 1864 г. Собр. перед. статей «Москов. Вѣдом.» вып. 3, 1857 г. стр. 230—222

⁴⁰⁾ Зависка Митр. Москов. Филарета наеч. въ Христ. Чт. за 1886 г. т. I стр. 714; Проф. Субботинъ въ Брат. Словѣ за 1888 г. № II, стр. 43.

⁴¹⁾ Ливанова, т. I пред. стр. X.

⁴²⁾ Сборникъ изъ ист. старообр. Цюлова, т. I, стр. 175 М. 1864 г.

Вотъ одинъ взглядъ на расколъ. Какъ мы теперь знаемъ, защитники его видятъ въ расколъ явленіе церковное и болѣе всестороннее изъ нихъ, не отрицая элемента гражданскаго, считаютъ послѣдній за признакъ выводной. Не такъ смотрятъ на расколъ другіе. По ихъ мнѣнію, основныя мотивы—раскола гражданскіе, религиозныя же вопросы служатъ только для прикрытія первыхъ. Постараемся прослѣдить, когда возникъ такой взглядъ, подъ какими влияніями развивался, и въ какомъ видѣ существуетъ теперь.

Существуетъ мнѣніе, и оно высказывается даже печатно, что „тенденція облачить расколъ въ оппозиціонно—политическую хламиду появилась у насъ съ начала возникновенія раскола и была, прежде всего, вызвана стараніемъ Церкви вовлечь государство въ борьбу съ расколомъ“⁴²⁾. Мы не отрицаемъ того, что представители духовной власти старыхъ временъ видѣли въ расколѣ вредъ для государства; но смѣемъ увѣрить, что причиной верасположенія раскольниковъ къ существующему государственному устройству они считали религиозныя принципы раскола. Починъ во взглядѣ на расколъ, какъ явленіе гражданское, принадлежитъ не духовенству, какъ не принадлежитъ ему и инициатива введенія „градскаго казненія“ за содержаніе раскола⁴³⁾. Взглядъ этотъ получилъ начало и развился въ болѣе ближайшее къ намъ время. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, съ возникновеніемъ т. е. славянофильскаго ученія, представители послѣдняго стали высказывать мысли о расколѣ какъ „протестъ противъ бюрократической государственности“. Но не эти мысли имѣли рѣшающее въ давномъ случаѣ значеніе. Вполнѣ тенденціозное и въ болѣе рѣзкой формѣ обнаружившееся мнѣніе о расколѣ, какъ явленіи политическомъ, вышло изъ иныхъ источниковъ. Высказать его было въ интересахъ нашихъ политическихъ враговъ—иностранцевъ. Съ начала 40-хъ годовъ какъ въ періодическихъ заграничныхъ изданіяхъ, такъ и въ особыхъ сочиненіяхъ⁴⁴⁾, напитанныхъ завистью и злобою противъ Россіи, было замѣтно стремленіе всячески доказать, что раскольники, подобно вулкану, таятъ внутри Россіи скрытымъ огнемъ, пожигающимъ ея наружное единство такъ, что это послѣднее рано или поздно, а должно наконецъ рушиться,—что раскольники будто бы родились вмѣстѣ съ домомъ Романовыхъ, а потому составляютъ естественную оппозицію державной власти, и пр. и пр. Подобныя мысли встрѣчаются у иностранцевъ-путешественниковъ того времени по Россіи. Такъ, извѣстный баронъ, Ав-

⁴²⁾ Дѣло, 1881 г. № 8 стр. Идеализаторы раскола, стр. 6. II. 11.

⁴³⁾ Прав. Обзор. 1887 г. Августъ стр. 64 644.

⁴⁴⁾ Russland und die Gegenwart. Leipzig 1851 in '8, 2 vol.

гуетъ Гакстраузенъ въ сочиненіи «Studien über die innern Zustände das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands» (изд. 1847 г.) замѣчалъ, по поводу раскола, что: „Россія должна бы взглянуть на это дѣло очень серьезно; она не воображаетъ, какія опасности грозятъ ей съ этой стороны“ (см. по русск. перев. стр. 279. гл. XIII. т. I. М. 1869 г.); разумѣя Россію какъ общество, сложившееся въ извѣстную общественную форму. Какъ ни неосновательны были эти разсужденія, они не мало способствовали сосредоточенію большаго вниманія правительства на расколѣ. Въ 50-хъ годахъ была сдѣлана со стороны правительства попытка изученія раскола, которое назначало особыя для этого экспедиціи. До насъ сохранились официальные записки слѣдующихъ чиновниковъ: д. с. с. Алябьева, ⁴⁵⁾ с. с. Синицына, ⁴⁶⁾ к. а. Арнольди, ⁴⁷⁾ н. с. Брянчанинова, ⁴⁸⁾ служб. графа Стенбока, ⁴⁹⁾ г. г. Липранди, ⁵⁰⁾ Мельникова, ⁵¹⁾ Аксакова (покойный воитель „Руси“ ⁵²⁾ и др. ⁵³⁾. Чиновники изучали расколъ въ разныхъ губерніяхъ, но тонъ имъ былъ давнѣе: министромъ вѣдѣлъ имъ предписывалось „дозвать о духѣ и направленіи раскольниковъ, какіе между ними ходятъ толки, въ чемъ состоятъ ихъ надежды ⁵⁴⁾. Не удивительно, если при разсмотрѣніи этихъ записокъ замѣчается та особенность, что всѣ онѣ трактуютъ о степени вреда раскола для государства, а нѣкоторые изъ ихъ составителей прямо говорятъ, что прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду „политическое значеніе“ раскола, ⁵⁵⁾ п. что главная причина раскола будто бы — оппозиція противъ правительства и современнаго порядка вещей“; ⁵⁶⁾ что раскольничьи толки составляютъ изъ себя „конфедеративно-религіозную республику“ — общества, желающія приобрести себѣ особую самостоятельность и сопротивляющіяся общимъ постановленіямъ государства и общества, „кои при малѣйшихъ внутреннихъ беспорядкахъ или распряхъ съ сосѣдственными державами могутъ имѣть большое вліяніе на государство по тайнымъ связямъ здѣшнихъ раскольниковъ съ загран-

⁴⁵⁾ Налеч. у Кельсева. въ Сбор. прав. свѣд. о раск. вып. 2, стр. 39—75.

⁴⁶⁾ *ibid.* II, стр. 1—15, IV, 1—53.

⁴⁷⁾ *ibid.* вып. II, стр. 17—22, IV, 295—324.

⁴⁸⁾ *ibid.* вып. II, стр. 23—29.

⁴⁹⁾ *ibid.* вып. IV, стр. 325—343.

⁵⁰⁾ *ibid.* вып. II, стр. 91—170.

⁵¹⁾ *ibid.* вып. I, стр. 167—192.

⁵²⁾ Русскій архивъ за 1866 г. № 4.

⁵³⁾ См. у Кельсева вып. I, стр. 75—167, вып. II, стр. 29—38.

⁵⁴⁾ *ibid.* вып. IV, стр. 326.

⁵⁵⁾ *ibid.* вып. II, стр. 106—163.

⁵⁶⁾ *ibid.* вып. IV, стр. 326.

ничными“⁵⁷⁾. Очевидно, изслѣдователи старались изобразить расколъ политически опаснымъ и дѣлали это съ нѣкоторою затаенною мыслью. Но здѣсь нельзя обойти вниманіемъ еще одну записку, стоящую совершеннымъ особнякомъ,—записку („мысли о расколѣ“) князя Николая Алексѣевича Орлова, написанную въ 1858 г. для представленія Государю Императору Александру Николаевичу и прочитанную Императоромъ въ 1859 г.⁵⁸⁾ Разсматривая церковное и государственное воззрѣнія на расколъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что: а) раскольники не враги церкви православной, они только противники ея казенности и смѣшенія духовной власти съ свѣтскою, и б) что они не враги государства, напротивъ государство обращается съ ними какъ съ врагами, отказывая имъ во всѣхъ человѣческихъ и гражданскихъ правахъ,—а потому и желаетъ полной свободы совѣсти для раскольниковъ наравнѣ съ послѣдователями другихъ исповѣданій; это и составляетъ цѣль записки. Но того же добивались и чиновники,—по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ,—запугивавшіе правительство расколомъ. Въ какомъ курьезномъ положеніи очутились они потомъ, когда правительство рѣшилось дать раскольникамъ права на положеніе въ государствѣ, увидимъ ниже.

Между тѣмъ настала живая, горячая пора 60-хъ годовъ. Освобожденіе крестьянъ поставило вопросъ объ общей экономической и политической реформѣ. И когда скептики и пессимисты утверждали, что мы еще „не созрѣли“, оптимисты принимались считать силы. Исторія вышла на сцену, расколъ особенно заинтересовалъ людей, желавшихъ во что бы ни стало аттестовать нашу способность къ самоуправленію съ наилучшей стороны, желавшихъ свои культурныя мечты и ожиданія опереть на солидный базисъ. Выразителемъ этой тенденціи явился В. Кельсиевъ, тогда эмигрантъ. Бродя по славянской Австріи и Турціи, онъ натолкнулся на нашихъ старообрядцевъ, тоже эмигрантовъ, и познакомился съ ними. Черезъ нихъ онъ раздобылся нѣсколькими вышеупомянутыми чиновничьими доносеніями о расколѣ, нѣсколькими старообрядческими рукописями, и весь этотъ матеріалъ издалъ въ Лондонѣ въ 1860—62 годахъ. Въ предисловіи къ „сборнику“ онъ изложилъ свой взглядъ на расколъ. Не по примѣру изучавшихъ расколъ чиновниковъ, онъ сочувственно относится здѣсь къ раскольникамъ; не вредъ „въ государственномъ отношеніи“ онъ видитъ отъ нихъ, напротивъ въ расколѣ отыскиваетъ „великій залогъ будущаго развитія

⁵⁷⁾ *ibid.* вып. II, стр. 106—163.

⁵⁸⁾ Напеч. въ «Русской Старинѣ» 1881 г., № 5 (т. XXXI) стр. 75—93; «Новости» 1882 г. № 89.

Россіи⁶⁰, именно, изъ ученій разныхъ сектъ онъ вывелъ пѣлую конституціонную систему, во имя которой расколъ будто бы протестуетъ и которую ставить своимъ идеаломъ. Хотя неудачныя заигрыванія лондонскихъ эмигрантовъ съ старообрядцами вскорѣ же должны были разочаровать Кельсіева, но идея назрѣвшая у него тогда же выразилась и въ литературѣ. Въ 1859 г. напечатана была диссертация А. П. Шапова „Русскій расколъ старообрядства,⁶¹“ представляющая болѣе тщательную обработку ранѣе напечатаннаго въ „Прав. Собесѣдникѣ“ его сочиненія „о причинахъ происхожденія и распространенія раскола“, ⁶² а въ 1862 году—брошюра „Земство и Расколъ“. Въ этихъ сочиненіяхъ авторъ высказался о расколѣ не одинаково. По болѣе раннему взгляду, въ расколѣ сохранился, такъ сказать, окаменѣлый отколокъ древней Россіи, выразилась русская народность XVII в., въ ея отрѣшенности отъ иноземныхъ элементовъ реформы Петра Великаго; авторъ видѣлъ въ немъ „церковно—гражданскій демократизмъ, подъ покровомъ мистико—апокалипсическаго символизма, —воплъ противъ Имперіи и правительства, смѣлый протестъ противъ подушныхъ переписей, податей и „даней многихъ“, противъ рекрутства, крѣпостнаго права, областнаго начальства,⁶¹ и т. п.; но причины нерасположенія раскольниковъ къ свѣтской власти и ея учрежденіямъ считалъ религіозные принципы раскольниковъ⁶². Въ брошюрѣ „Земство и Расколъ“ мы видимъ уже совершенно другое. Здѣсь вѣтъ уже длинныхъ разсужденій о мертво—обрядовомъ направленіи религіозной жизни большинства нашихъ предковъ, о суетвѣрной привязанности ихъ къ одной вѣшной буквѣ, о мистико—апокалипсическихъ воззрѣніяхъ раскольниковъ не только на разнаго рода церковныя исправленія, но и гражданскія преобразованія, чѣмъ объяснялъ появленіе и распространеніе раскола г. Шаповъ въ своемъ первомъ трудѣ. Тутъ совершенно другая рѣчь. Религіозные принципы, преслѣдуемые раскольниками, — это — ни больше, ни меньше, какъ вѣшняя оболочка раскола, которою онъ прикрываетъ совершенно другія пѣли, не имѣющія никакого отношенія къ вѣрѣ и Церкви. Докматы и обряды, защищаемые раскольниками, это только личина, подъ которою они скрываютъ чисто политическія тенденціи (стр. 89—91). Расколъ—это „общинная оппозиція податнаго земства противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго, —отрицаніе массою народною греко—восточной, никоніанской церкви и государства, или Имперіи Всероссийской, съ ея иноземными нѣмецкими чинами и

⁵⁹) Казань, стр. I—III, 1—547.

⁶⁰) 1857 г., т. III и IV.

⁶¹) Шаповъ, стр. I—II.

⁶²) *ibid.* стр. 87—132.

установленіями“ (стр. 28—30). Сосредоточившись въ массахъ земства, расколь, по словамъ автора, и *не можъ* взять на себя защиты вѣры, такъ какъ „христіанства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко—восточныхъ преданіяхъ, крестьяне большею частью не знали, да и знать не могли, пот. что они, по словамъ псковскаго архіепископа Маркелла, какъ „люди зѣло простые, отъ времени Владиміра и до XVII в. научились только именамъ: Христосъ, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и произносили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнію, „елико кто что умѣюще“ (стр. 38). Вотъ что ска-
заль А. П. Шаповъ!

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе.

ГЛАВА II.

Мысли Шапова въ сочиненіи Андреева — Перемяна по взгляду на расколъ у иностранныхъ писателей 70-хъ годовъ и причина ея. — Н. И. Костомаровъ — Постановка вопроса о расколѣ въ новейшей свѣтской литературѣ (80-хъ годовъ). Идеализация раскола. — Краткое сужденіе о немъ.

Не смотря на то, что изложенный въ брошюрѣ «Земство и расколъ» взглядъ, противорѣчилъ прежнему взгляду Шапова, не смотря на то, что тогда же была показана вся несостоятельность его ⁶³⁾ и онъ не нашелъ сочувствія даже въ свѣтской *передовой* части прессы, а векорѣ и самъ Шаповъ снова поколебался ⁶⁴⁾; не смотря на все это, т. наз. либеральная часть русскаго общества съ восторгомъ подхватила мнѣніе Шапова, какъ новость, пропѣла ему хвалебную пѣснь за разгаданіе двухвѣковаго сфинкса ⁶⁵⁾; закрѣпила за авторомъ «честь перваго почина на пути философскаго изученія русскаго раскола», и съ тѣхъ поръ стала варировать это мнѣніе на разные лады. Напр. въ «Библиотекѣ для чтенія» за 1863 г. проф. Н. Аристовъ уже развелъ мысли А. П. Шапова водою своихъ соображеній ⁶⁶⁾; а въ 1870 г. на страницахъ «Всемирнаго труда» въ статьѣ «Историческія судьбы раскола» ⁶⁷⁾ В. Андреева эти мысли доведены до геркулесовыхъ размѣровъ. «Оппозиція раскола, говорится здѣсь, носила чисто земскій характеръ», а потому и изучать расколъ можно только съ *земской* точки зрѣнія. «Расколъ явился оппозиціею не только земскихъ вообще, но и мѣстныхъ, областныхъ правъ и преданій объединявшимъ и уравнивавшимъ стремленіямъ центральной власти». Расколъ возникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ потому, что тогда послѣдовало «окончательное закрѣпощеніе крестьянъ», и «властолюбіе и рѣзкій нравъ п. Никола *только ускорили* появленіе раскола». «Отмѣна крѣпостнаго права и

⁶³⁾ См. № 1 Ряз. Епарх. Вѣд. 1890 г.

⁶⁴⁾ «Нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ» 1864 г. проф. И. О. Нильскаго. стр. 1—160 (изъ Христ. Чт. 1864 г. ч. II).

⁶⁵⁾ Дѣло 1867 г. №№ 10—12 «умств. направленія р. раскола».

⁶⁶⁾ Напр. см. «Сынъ отечества» 1862 г. № 44 «наша литература по расколу».

⁶⁷⁾ «Устройство раскольническихъ общинъ», № 7.

⁶⁸⁾ №№ 1—4. Съ добавленіемъ нѣсколькихъ главъ сочиненіе издано отдѣльно подъ загл. «Расколъ и его значеніе».

положеніе о земскихъ правахъ, дарованное въ прошедшее царствованіе, повели къ подрыву раскола», такъ что скоро онъ «совершенно долженъ исчезнуть». Но если расколъ есть явленіе гражданское, то какъ объяснить разнообразіе раскольническихъ согласій? Очень просто: «согласія и толки есть слѣдствіе мѣстныхъ, этнографическихъ явленій». — на нихъ «отразились особенности разноплеменнаго русскаго населенія». «Чѣмъ больше жило разнородныхъ племенъ на русской землѣ, чѣмъ больше было мѣстностей и уголковъ Россіи, не схожихъ другъ съ другомъ, тѣмъ разнообразіе были основанія на которыхъ не принимались представителями раскола объединительныя и нивелирующія формы государственнаго быта, выработанныя въ русскомъ правительственномъ центрѣ; тѣмъ многочисленнѣе должны были явиться толки, на которые дѣлился расколъ». На образованіе главныхъ видовъ раскола, по мнѣнію автора, имѣли вліяніе два рода преданій: «поповщина есть отраженіе старинныхъ московскихъ преданій, безпоповщина древне—новгородскихъ». Однако, отъ чего же, спрашивается, раскольники—представители «земства» постоянно трактуютъ о вопросахъ церковныхъ? «На богословскихъ спорахъ раскольниковъ, отвѣчаетъ г. Андреевъ, отразились неблагоприятныя климатическія, гигиеническія и социальныя условія»; это просто «*mania religiosa*»... ⁶⁸⁾

Отрицая церковные мотивы происхожденія раскола, Андреевъ восклицаетъ: «неужели оттого, что одни крестились двумя перстами,..... а законъ другихъ предписывалъ трехперстное знаменіе... 10 милліоновъ народа отпали отъ прочей массы русскаго населенія, чуждаются ея, избѣгаютъ общенія съ нею? ⁶⁹⁾ Очевидно, авторъ не стѣняется показать свой недостатокъ вѣры, недостатокъ религіознаго чувства и свое незнаніе русской исторіи,—того, что идеалъ святой Руси нравственно религіозный, что Русь уживалась и съ суровостью, и съ злоупотребленіями власти, и съ разными тягостями общественными, но положительно не могла уживаться съ еретичествомъ и русскій народъ всегда крѣпко стоялъ за «Домъ Пресвятыя Богородицы». Не находитъ авторъ ничего смѣшнаго и въ томъ своемъ увѣреніи, что расколъ есть протестъ областныхъ преданій противъ объединенія: удивительный протестъ, начало котораго положено въ Москвѣ, откуда онъ и распространился по другимъ городамъ! Андреевъ видѣлъ въ отмѣнѣ крѣпостнаго права залогъ паденія раскола, а продолжателямъ Андреева, когда время показало советъмъ противное,—приходится говорить, что «какъ ни вели-

⁶⁸⁾ Андреевъ. «Расколъ и его значеніе». СПб. 70 г. «Общія положенія: 3, 4, 5, 9, 12, 17 и стр. 10, 17, 20, 44, 58, 76, 132—3, 374—5.

⁶⁹⁾ *ibid.* стр. 1.

ки по идеѣ реформы Александра», они не могли, разумѣется, вырвать съ корнемъ изъ нашей жизни все то зло, что вѣками накопилось въ ней»⁷⁰). Разумѣется! Такимъ способомъ можно оправдать любую теорію!...

Въ сочиненіи г. Андреева обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, то, что, расколъ представляется совершенно безопаснымъ въ политическомъ отношеніи, — даже болѣе: по словамъ автора, «гонимый изъ центра Россіи на русскія окраины и за русскіе предѣлы, расколъ всюду развивалъ русскую народность и содѣйствовалъ какъ обрусѣнію окраинъ государства, такъ и приобрѣтенію Россіею новыхъ областей»⁷¹). Такъ отозваться о расколѣ тогда умѣстно было потому, что правительство въ это время рѣшилось дать раскольникамъ нѣкоторыя гражданскія права. Даже лица, прежде запугивавшія правительство расколомъ, теперь заговорили иначе. Въ такомъ положеніи оказался Н. И. Мельниковъ. Когда въ 1857 г. имъ была составлена, по порученію Ланскаго, для в. князя Константина Николаевича, записка о русскомъ расколѣ⁷²), онъ видѣлъ въ расколѣ «сильное противъ насъ орудіе государствамъ граничнымъ» и на этомъ основаніи высказывался за предоставленіе правъ раскольникамъ, такъ какъ, благодаря преслѣдованіямъ, сочувствіе раскольниковъ оказалось на сторонѣ иноземныхъ правительствъ. А когда въ 1875 г. правительство готовило законъ о правахъ раскольниковъ «менѣ вредныхъ» согласій, тотъ же Мельниковъ, приглашенный въ качествѣ эксперта, всѣ прежнія свои показанія о расколѣ призналъ несправедливыми и сталъ увѣрять, что раскольники всѣхъ толковъ безвредны не только въ государственномъ, но общественномъ, отношеніяхъ⁷³). Замѣчательно, что даже иностранцы болѣе поздняго времени стали говорить о расколѣ совѣмъ другое сравнительно съ тѣмъ, что говорили они о немъ прежде. Въ нѣкоторыхъ граничныхъ сочиненіяхъ, писанныхъ въ концѣ 60 годовъ, какъ напр. въ «Свободной Россіи» Диксона, еще дѣлается угроза русскому правительству силою раскола: раточая похвалы расколу, авторъ въ излишнемъ усердіи утверждаетъ, что «всѣ раскольническія общества представляютъ болѣе или менѣ заявившія себя политическія партіи, враждебныя и официальной имперіи и официальной церкви Россіи»⁷⁴). Но англичанинъ Мэкензи Уоллеса уже постарались увѣрить, что рас-

⁷⁰) «Русская Мысль» за 1881 г., № 1, стр. 316.

⁷¹) Е. с. общія полож. 8 и стр. 13.

⁷²) Напеч. у Кельсиева вып. I, стр. 169—198.

⁷³) «Оффич. записка» напеч. въ *Стран* за 1886 г. т. II, стр. 534—564.

⁷⁴) *Frel. Russia By William Dixon*, London 1870, т. I, гл. XXIV—XXXIII, стр.

коль не представляет «опаснаго элемента съ политической точки зрѣнія», — что «громадное большинство раскольниковъ состоитъ изъ вѣрныхъ подданныхъ царя» ⁷⁵⁾.

Т. о. взглядъ на расколъ, какъ явленіе гражданское, былъ, т. сказать, очищенъ отъ невыгодной стороны. Оставалось продолжать отыскивать «свѣтлыя» стороны въ расколѣ. Это и взяли на себя другіе писатели. Крупная доля въ этомъ отношеніи принадлежитъ историку Н. И. Костомарову. И прежде говорили о расколѣ, что онъ «будиль, вызывалъ своеобразную народную мыслительность» ⁷⁶⁾; что онъ «не врагъ просвѣщенія» ⁷⁸⁾ и «представители раскола безспорно вмѣстѣ представители ума» ⁷⁹⁾. Но особенно подробно эти мысли развиты у покойнаго Костомарова ⁸⁰⁾. Примыкая во взглядъ на происхождение раскола къ сторонникамъ А. Шапова и утверждая, что при господствовавшемъ въ русскомъ народѣ религіозномъ индифферентизмѣ вмѣстѣ съ невѣжествомъ расколъ, какъ религіозное движеніе, не могъ бы появиться, если бы въ духовенствѣ не существовало раздраженія противъ духовныхъ властей, а въ народѣ — недовольства управленіемъ и вообще существовавшимъ тогда порядкомъ вещей (стр. 482 ср. 484 и 490), онъ считаетъ расколъ «крупнымъ явленіемъ умственнаго прогресса». «Въ расколѣ, говоритъ онъ, привыкли видѣть одну тупую любовь къ старинѣ, бессмысленную привязанность къ буквѣ; его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствіемъ просвѣщенію, борьбою окаменѣлаго обычая съ подвижною наукою. По сущности предмета, который служилъ расколу основою, расколъ дѣйствительно представляется съ перваго раза до крайней степени явленіемъ консервативнаго свойства: дѣло шло объ удержаніи старыхъ формъ жизни духовной, — а по связи съ нею и общественной, — притомъ, до мельчайшихъ подробностей и тонкостей безъ всякихъ уступокъ. Но въ то же время потребность удерживать, что прежде многіе вѣка стояло твердо, не подвергаясь колебанію, вызывало вслѣдъ за собою такія духовныя нужды, которыя вводили русскій народъ въ чуждую ему до того времени область мыслен-

289. 348—349, — то же въ Брат. Словѣ 1876 г. кн. 3, стр. 214—231.

⁷⁵⁾ «Россія» пер. съ англійскаго, СПб. 1881 г., т. II, гл. XX; то же въ «Древ. и Новой Россіи» за 1879 г. № 12, стр. 508—524.

⁷⁶⁾ Шапов. «Земство и расколъ» 1862, стр. 155.

⁷⁷⁾ Записка графа Стеньбока у Кельсіева вып. IV, стр. 327.

⁷⁸⁾ Записка князя Орлова въ Рус. Старинѣ 1881 г. № 5 (т. XXXI) стр. 92-93; Кельсіев. вып. I, пред. стр. XXIX.

⁷⁹⁾ Андреевъ «Расколъ и его значеніе» перед. III.

⁸⁰⁾ «Вѣстникъ Европы» 1871 г. кн. 4. «Исторія раскола у раскольниковъ» (перепеч. въ XII т. «Историческихъ монографій и изслѣдованій» СПб. 1872).

наго труда» (стр. 469—70). Поэтому, продолжаетъ историкъ, «расколъ не есть старая Русь; расколъ—явленіе новое, чуждое старой Руси. Раскольникъ не похожъ на стариннаго русскаго человѣка; гораздо болѣе похожъ на послѣдняго православный простолюдинъ. Раскольникъ гвался за стариною, старался какъ бы точнѣе держаться старины, но онъ оболщался; расколъ былъ явленіемъ новой, а не древней жизни. Въ старой Руси народъ мало думалъ о религіи, мало интересовался ею,—раскольникъ же только и думалъ о религіи; въ старинной Руси обрядъ былъ мертвою формою, и исполнялся плохо,—раскольникъ искалъ въ немъ смысла и старался исполнять его сколько возможно свято и точно; въ старинной Руси знаніе грамоты было рѣдкостью,—расколъ читалъ и пытался создать себѣ ученіе; въ старой Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ,—расколъ любилъ мыслить, спорить, раскольникъ не успокаивалъ себя мыслью, что если приказано сверху такъ—то молиться, то стало быть такъ и слѣдуетъ; расколъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьей приказанія, расколъ пытался самъ все повѣрить и изслѣдовать» (стр. 498—499). Отсюда Костомаровъ дѣлаетъ заключеніе, что расколъ—это «образовательный элементъ для простолюдина» (стр. 506), его значеніе «народно-образовательное» (стр. 535).

Это мнѣніе Костомарова съ теченіемъ времени свѣтская, такъ называемая, либеральная печать постаралась возвести на степень аксіомы, истины очевидной и не требующей доказательствъ. Компиляторами на этомъ поприщѣ явились г.г. Юзовъ, Пругавинъ, Абрамовъ и др., познакомившіеся съ публикой чрезъ «Русскую Мысль», «Отечественныя записки», «Слово», «Вѣстникъ Европы» и др. журналы. Всѣ они ставили своею задачею отыскать въ расколѣ тѣ элементы, которые свидѣтельствовали бы о прогрессивномъ движеніи въ немъ народной жизни. Дѣло представляется у нихъ въ такомъ видѣ. Русскій народъ долгое время жилъ какъ бы несознательною жизнью, не сознавалъ достоинства и правъ своей личности. Но рано или поздно эта стоячая вода должна была всколебаться. «Культурная, умственная жизнь каждаго народа начинается прежде всего въ сферѣ религиозныхъ вопросовъ, наиболѣе для него близкихъ и важныхъ. Пробудившаяся мысль начинаетъ подвергать критикѣ догматы, принятые нѣкогда безсознательно и усвоенные чисто механически»⁸¹⁾. Первымъ внѣшнимъ толчкомъ для русскаго народа на этомъ пути былъ «деспотизмъ» п. Николая⁸²⁾. Вслѣдствіе возникшаго недовольства, у недовольныхъ явилось стремленіе

⁸¹⁾ Русская Мысль, 1881 г. № 1, стр. 304—ср. 314. и 1881 г. № 1, стр. 304.

⁸²⁾ Юзовъ „Старовѣры и дух. христіане“, СПб. 1881. стр. 11—15.

ніе къ повѣркѣ справедливости и законности дѣйствій по отношенію къ нимъ и прежде всего со стороны церковной власти. Результатомъ этого было признаніе погрѣшимости господствующей церкви и отдѣленіе отъ нея для образованія отдѣльнаго церковнаго общества. «Но разъ началась повѣрка релігіозныхъ тезисовъ, возникла потребность въ болѣе сознательной ассимиляціи ихъ, къ нимъ въ сознаніи народа всегда и неизбѣжно примѣшиваются все тѣ соціальныя бытовыя тенденціи и стремленія, до пониманія которыхъ онъ умѣлъ возвыситься и которыя возникли въ немъ подъ вліяніемъ общаго строя окружающей его жизни»⁸³⁾. Поэтому, отвергнувъ церковную власть, расколь «объявилъ вмѣстѣ и крѣпостное право антихристіанскимъ учрежденіемъ и «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича призналъ противнымъ вѣрѣ»⁸⁴⁾. Въ своемъ отрицаніи расколь сталъ „подъ знаменемъ св. Писанія, подъ знаменемъ богословія, т. е. науки. Протестъ противъ соціального строя былъ формулированъ посредствомъ истинъ, взятыхъ изъ богословскихъ книгъ; богословіе было единственной наукой, извѣстной тогдашнему русскому человѣку, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ выразилъ свои чувства и стремленія въ терминахъ и понятіяхъ этой науки. Для него мало имѣла значенія форма въ которой выльются его чувства и идеи,—главной его заботой было систематизировать свои идеи въ извѣстное ученіе; богословіе ему въ этомъ сильно помогло»⁸⁵⁾. Т. о., на взглядъ указанныхъ писателей несомнѣнно, что, при самомъ появленіи раскола, суть дѣла заключалась въ томъ, что „раскольническое міросозерцаніе построено было на совершенно иныхъ началахъ, нежели то, которое лежало въ основѣ тогдашняго *общественнаго* строя“. Что же касается послѣдующаго времени до нашихъ дней включительно, то будто бы „только крайняя умственная близорукость можетъ утверждать, что расколь представляетъ собою явленіе исключительно релігіозное, чуждое всякихъ бытовыхъ и общественныхъ мотивовъ и стремленій»⁸⁶⁾. Нѣтъ, многіе недостатки и нестроенія въ соціально-экономической сферѣ, продолжающіе господствовать и до послѣдняго времени, при существованіи недовольства еще болѣе усиливаютъ необходимость критической повѣрки, и слѣд. усиливаютъ расколь. „Ростутъ экономическія бѣдствія народа, растутъ кулачества, эксплуатація и другія проявленія современнаго капиталистическаго строя,—ростетъ и расколь“⁸⁷⁾....

⁸³⁾ Русская Мысль 1881 г. № 1, стр. 304.

⁸⁴⁾ Юзовъ. стр. 22.

⁸⁵⁾ Юзовъ. 19 стр цитов сочиненія.

⁸⁶⁾ Рус. Мысль 1881 г. № 1, стр. 304.

⁸⁷⁾ *ibid.* стр. 331.

Т. о. раскол—это „сила, громадная, поразительная сила“⁸⁸⁾. Но спрашивается: какого свойства эта сила, какого характера,—положительного или отрицательного? Положительного.—отвѣчаютъ идеализаторы раскола,—раскол—это „самое выдающееся, самое яркое явление умственной и нравственной жизни нашего народа“⁸⁹⁾. Онъ „пополнялся и росъ, воспринимая всегда лучшіе жизненные соки русскаго народа“⁹⁰⁾. „Въ расколъ идутъ люди, наиболѣе одаренные духовными талантами, наиболѣе способные и даровитые“⁹¹⁾. „Во всѣхъ движеніяхъ раскола видится горячее, искреннее стремленіе народа добиться истины, правды. Ученіе раскола постепенно освобождается отъ разнаго рода уродливостей, суевѣрій и предразсудковъ, постепенно становится все чище, разумнѣе и свѣтлѣе. Расколъ стремится къ умственному просвѣтленію и нрав. совершенству. Онъ протестуетъ противъ всякаго рода буквѣдства и схоластики⁹²⁾; противъ современной развращенности нравовъ; противъ господства капитала⁹³⁾. Огромное большинство раскольниковъ стоитъ несравненно выше православнаго населенія по своему нравственному развитію; вмѣстѣ съ тѣмъ раскольники „самая зажиточная“ и „экономически состоятельная“ часть нашего народа⁹⁴⁾; въ домашнемъ быту раскольниковъ царитъ образцовый порядокъ и замѣчательная опрятность⁹⁵⁾. Поэтому, говорятъ идеализаторы, расколъ вовсе „не врагъ общественнаго народа, а лучшій другъ его“⁹⁶⁾. Не даромъ, восклицаютъ они, въ расколъ обращаются *цѣлыми массами*, цѣлыми тысячами⁹⁷⁾ и цифра раскольниковъ достигаетъ теперь до 16 милліоновъ! Вотъ какъ восхваляютъ расколъ сотрудники свѣтской либеральной печати и такъ восхваливъ его, дѣлаютъ и достойное сего восхваленія заключеніе: „расколъ,—говорятъ идеализаторы его, не пропадетъ безслѣдно на вѣки, не рухнетъ какъ обветшалое зданіе—нѣтъ!—онъ будетъ жить, онъ свое дѣло сдѣлаетъ. Православіе въ томъ положеніи, въ какомъ оно находится, въ глазахъ народа па-

⁸⁸⁾ *ibid.* стр. 335, 348.

⁸⁹⁾ *ibid.* стр. 304.

⁹⁰⁾ Юзовъ „Старовѣры и дух. Христіане“ стр. 110.

⁹¹⁾ „Русская Мысль“ 1881 г. № 1, стр. 313; „Недѣля“ 1880 г. № 23.

⁹²⁾ Русск. Мысль 1881 г. № 1, стр. 361. „Безпоповцы, говоритъ Пругавинъ, проповѣдуютъ религіозный рационализмъ“ (*ibid.* 353); вся масса безпоповцевъ, утверждаетъ Юзовъ, мало по малу превращается въ чистыхъ деистовъ (стр. 91-я)

⁹³⁾ Р. Мысль 1881 г. № I, стр. 362.

⁹⁴⁾ „Отечеств. Записки“ за 1882 г. № 1—2 стр. Абрамова „къ вопросу о вѣро-терпимости“.

⁹⁵⁾ Р. Мысль за 1883 г. № 11, стр. В. Безобразова.

⁹⁶⁾ Отеч. Зап., 1882 г. № 1—2.

⁹⁷⁾ Р. Мысль 1881 г. № 1, ст. Пругавина.

дасть все ниже и ниже. Расколъ становится върой, религіей русскаго народа. Это движеніе внесетъ въ сознаніе народныхъ массъ новыя здравыя идеи, поставитъ новые жизненные идеалы“⁹⁸⁾.

Таковъ взглядъ на расколъ, господствующій теперь въ свѣтской литературѣ! Что сказать о немъ? То, что весь онъ, съ начала до конца, совершенно не справедливъ. Взглядъ на расколъ, какъ явленіе гражданское, началъ съ того, что заподозрилъ вредъ въ расколѣ, даже съ политической стороны, а кончилъ открытіемъ однихъ свѣтлыхъ сторонъ въ расколѣ: оборотъ по меньшей мѣрѣ странный! Но дѣло объясняется тѣмъ, что указанные писатели основывались не на фактахъ, а напротивъ факты подбирались ими для оправданія предвзятаго взгляда. При этомъ факты эти заимствовались изъ области сектантства вообще, отчего и являлась возможность собственно расколу приписать несвойственныя ему черты. Не говоримъ уже, что изъ частныхъ случаевъ и исключительныхъ дѣлались общіе выводы. Если А. П. Шапову, смотрѣвшему на расколъ какъ на гражданскую, демократическую, антигосударственную общину, объективнымъ основаніемъ могли послужить черты ученія сектъ рационалистическихъ и мистическихъ, то Н. И. Костомаровъ, принимая во вниманіе литературу раскола, разрисовалъ послѣдователей его людьми лучшими. Въ идеализаціи раскола новѣйшей постановки сквозитъ уже, какъ не несправедливо указываютъ⁹⁹⁾, философская теорія, теорія развитія человечества Конта или теорія прогресса Спенсера. Уже потому, что эти теоріи достаточно неспровергнуты съ пьедестала истины серьезною философскою и научною критикою, можно видѣть несостоятельность опирающейся на нихъ идеализаціи раскола. Что касается жизни, фактовъ, то они, какъ увидимъ въ свое время, говорятъ совѣмъ противоположное, говорятъ не о прогрессивномъ, а о регрессивномъ характерѣ раскола.

⁹⁸⁾ Рус. Мысль 1881 г. № 1, стр. 363.

⁹⁹⁾ Прав. Обозр. 1883 г. т. 1-й стр. 562 ст. Кулетьскаго „По вопросу о русскомъ сектанствѣ“.

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе.

ГЛАВА II.

Историческія замѣчанія о церковной точкѣ зрѣнія на расколъ.

Указавъ происхожденіе и исторію взгляда на расколъ какъ явленіе гражданское, сдѣлаемъ историческую справку о другомъ взглядѣ, сущность котораго мы изложили въ началѣ настоящей главы. Выше мы говорили, что церковная точка зрѣнія на расколъ современна появленію раскола. Теперь слѣдуетъ добавить, что честь установленія ея принадлежитъ высшей русской духовной власти.

Прежде всего такъ смотрѣлъ на расколъ тотъ первоіерархъ русской Церкви (п. Никонъ), церковно—преобразовательныя распоряженія котораго послужили поводомъ къ возникновенію раскола,—онъ видѣлъ въ своихъ противникахъ именно церковныхъ мятежниковъ, непокорниковъ Церкви; объ этомъ говорятъ всѣ официальные показанія п. Никона; на это же указываютъ и принятыя Никономъ духовныя мѣры борьбы съ его противниками.

Въ этомъ же смыслѣ рѣшенъ былъ данный вопросъ какъ на соборѣ 1666 г., такъ и на соборѣ слѣдующаго 1667 г., осудившемъ и п. Ни-

*) См. № 2 Ряз. Епарх. Вѣд. 1890 г.

кона и его противниковъ. Для собравшихся въ Москву въ 1666 г. русскихъ святителей не было тайною—о какомъ „расколѣ“ имъ нужно разсуждать. Они хорошо понимали, что имѣють дѣло съ церковнымъ расколомъ, съ церковнымъ мятежемъ. (Дѣян. собор. изд. брат. св. Петра митр. 1881 г. л. 8), а потому и „новыхъ мятежниковъ“ прямо, ничтоже сумняся, назвали „врагами и супостатами Церкви Божіей (тамъ же л. 14)“ Свою задачу отцы собора понимали по аналогіи съ задачею соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, собиравшихся по поводу тѣхъ или другихъ церковныхъ нестроений (тамъ же л. 4—6). Они такъ разсуждали. Боролась Церковь съ врагами своими въ древнее время, подобаетъ бороться ей и теперь. Обѣщавшій Церкви неодолимность, Христосъ въ тоже время попустилъ на нее брань „да покажетъ свѣтлѣйшую ея побѣду“ (Кн. о вѣрѣ л. 19). И вотъ, говорили отцы собора, не перестававшій никогда „радовать на церковь православную“ „ветхій змій“ т. е. діаволь (Дѣян. соб. 1666 г. л. 3 обор.) и „въ наша послѣдняя времена, внутрь ограды стада Христова, обрѣтъ себѣ сосуды угодныя, сыны погибельныя, научи я яко пси лаяти на пресвѣтлую невѣсту, въ солнде правды облеченную, на церковь Христову, иже ничесоже въ ней мрачнаго видяще, точію мящесе видѣти, яко пси всеу лають, да угодни будутъ господину своему змію, ему же подчиняся“ (тамъ же л. 6). Такимъ образомъ соборъ 1666 г. въ противленіи „новоявльшихся мятежниковъ“ видѣлъ одну религіозную или точнѣе церковную подкладку и болѣе ничего.

Съ этимъ совершенно былъ согласенъ и соборъ 1667 г., бывшій подъ предсѣдательствомъ восточныхъ патриарховъ. И онъ безусловно полагалъ, что „мятеж“, появившійся по поводу „исправленія церковныхъ нужнѣйшихъ потребъ“, ратуетъ только за религіозные принципы, видѣлъ въ раскольникахъ только „непокорниковъ святѣйшей восточной церкви“ (Дѣян. соб. 1667 г. изд. 1881 г., л. 82 обор.).

Этого основнаго взгляда на расколъ высшая духовная власть всегда держалась неизмѣнно и держится доселѣ. Нѣтъ надобности доказывать это подробно. Достаточно отмѣтить, какъ высказался св. Синодъ по этому вопросу при началѣ своего учрежденія и въ послѣдніе годы. Въ первый же годъ своего учрежденія св. Синодъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій (по части раскола и изъ нихъ видно, что вновь учрежденная высшая духовная инстанція „раскольническую прелесть“ полагала въ томъ—„еже отвратитися отъ св. восточной церкви вселенской“ т. е. считала раскольниковъ именно за противниковъ церкви (Полн. собр. постанов. и распор. по вѣдом. прав. испов. Росс. имп. т. 1, СПб., 1889 г. стр. 54, 56, 57, 58, 115, 116, 134, 153, 196, 245, 283, 348). Совершенно въ томъ же смыслѣ св. Синодъ высказался въ послѣднемъ по части раскола своемъ чрезвычайно важномъ актѣ: „изъясненіе о содержа-

щихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старые обряды“, изданномъ въ 1886 г. (Брат. Слово. 1886 г., т. I, стр. 589—603).

Но если именно духовная власть впервые высказала взглядъ на расколъ—какъ явленіе церковное, то не она одна признавала его вполне вѣрнымъ и справедливымъ. Религіозные мотивы старообрядства не упускались изъ вида и гражданской высшею властью. Починъ въ этомъ принадлежитъ, какъ и подобало, царю Алексѣю Михайловичу. На соборѣ 1666 г. онъ говорилъ рѣчь и вотъ что слышали русскіе святители изъ устъ его. „Насѣя домовитъ небесный благогозвитуя ниву православныя державы нашей чистаго *благочестія* пшеницею, но врагъ завистный спящимъ вамъ, имже Богомъ вручися стражъ ея, вся куколь *душевердный*.... Чистая есть пшеница—истинное слово Божіе“, „проповѣданное“ св. ап. Андреемъ, „насѣянное“ учителями „словянскими“ св. Кирилломъ и Меодіемъ и утвержденное св. князиею Ольгою и св. княземъ Владиміромъ. „Куколь же есть душепагубныхъ секратъ діаволомъ насѣянные расколы, ихже тлетворное прозябеніе щитится чистую слова Божія истинныя католическія вѣры отецъ святыхъ преданія искоренити пшеницу“. Что дѣйствительно такъ слѣдуетъ понимать новопоявившійся расколъ, въ доказательство этого царь указалъ на ученіе раскольническое. По его словамъ, сущность этого ученія состоитъ въ похуленіи Церкви—„яко нынѣшняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя—не тайны, крещеніе—не крещеніе, архіереи—не архіереи, писанія лествна, ученіе неправедное, и вся скверна и неблагочестна“ (Дѣян. соб. 1666 г., изд. 1881 г., л. 10 об.—11). При этомъ Алексѣй Михайловичъ добавлялъ, что благодаря такому „душеубійственному“ ученію, многіе „заблудиша отъ церкви въ ново-прозябшая сонмища, крещеніе отложиша, грѣховъ не исповѣдаша, тайнамъ животворящимъ не причащахуся“,—коротко сказать: „весьма отъ Бога и отъ церкви отчуждишася“. Въ виду этого и свою заботу объ „утоленіи мятежа“ царь повималъ какъ „побореніе по церкви Божіей“ (тамъ же л. 11 обор.).

Соборъ 1667 г., анаемой котораго началось официальное существованіе раскола, не ограничился духовными мѣрами противъ раскольниковъ и подвергъ ихъ „градскому казненію“. Русскіе іерархи повинны въ этомъ дѣлѣ и обвиненіе ихъ въкоторыми писателями (Ист. министр. внутр. дѣлъ *Варадинова*, т. 8, стр. 10—11) несправедливо. Рѣшеніе о „градской казни“ состоялось подъ вліяніемъ грековъ (Дѣян. соб. 1667 г.—л. 81—82) и по „указанію“ свѣтской власти (Акт. ист. т. V, № 75, стр. 111). Но и свѣтская власть поступила такъ „ревнуя по Господь Возь и обороняючи матеръ свою святую церковь отъ ея враговъ“ (тамъ же). Это было вполне согласно съ существовавшимъ

уже „Уложением“ Алексѣя Михайловича, первую статью котораго преступникамъ противъ вѣры опредѣлялась смертная казнь чрезъ сожженіе (Улож. ст. I, изд. 2-е 1737 г.).

Какъ смотрѣла на раскольниковъ высшая свѣтская власть въ послѣдующее время? Спустя нѣсколько лѣтъ по своемъ учрежденіи правительствующій Сенатъ обще съ членами св. Синода, опредѣленіемъ 1-го іюня 1724 г. причисливъ раскольническія дѣла къ злодѣйству, въ основаніе своего опредѣленія указалъ: „попече раскольническая прелесть, упрямства исполненная, *правотврю противна* и злодѣйственна есть“ (Собран. пост. по части раск. 1860 г. кн. I, стр. 99). Нужно замѣтить, что это было въ царствованіе Петра I, который вообще склоненъ былъ трактовать объ всемъ съ точки зрѣнія гражданской. И даже самъ Петръ далъ, на примѣръ, указъ Синоду, которымъ повелѣвалось отправить въ Олонецкія страны „въ Выгорѣцію“ духовное лицо для разглагольствованія съ тамошними раскольниками о происходящемъ *со св. церковію несогласіи* и ради увѣщанія ихъ“ (Описан. док. и дѣлъ св. Синода т. I, № ⁴⁰³/₂₆₂), вслѣдствіе чего на Выгъ дѣйствительно и посланъ былъ, гдѣ и скончался (Опис. док. и дѣлъ св. Синода т. I, стр. 482), состоявшій у раскольническихъ дѣлъ при св. Синодѣ іеромонахъ Неофитъ.

Въ періодъ двухсотъ—слишкомъ—лѣтняго существованія раскола отношенія къ нему гражданскаго правительства были очень неодинаковы. Самыя строгія репрессивныя мѣры смѣнялись законами самыми либеральными, которые въ свою очередь оставались дѣйствующими иногда только до новаго царствованія. Но это не значитъ, чтобы правительство колебалось во взглядѣ на расколъ: религиозные принципы раскольниковъ для него всегда были внѣ всякаго сомнѣнія. Дѣйствующій нынѣ законъ о раскольникахъ 3 мая 1883 года, даруя раскольникамъ нѣкоторыя права гражданскія, подробно трактуетъ объ ихъ правахъ по отправленію духовныхъ требъ, причемъ главною заботою имѣеть охраненіе интересовъ православія и, очевидно, потому, что признаеть что опасности и враждѣ со стороны раскола подвержена прежде всего Церковь.

Мотивы и стремленія свѣтской власти хорошо были понимаемы высшею духовною властію. Такъ, на примѣръ, прошло 15 лѣтъ со времени окончательнаго отдѣленія раскола отъ Церкви—и патр. Іоакимъ открыто свидѣтельствовалъ, что какъ царь Алексѣй Михайловичъ въ борьбѣ съ расколомъ руководился ревностію его „по св. православной церкви“ (Увѣтъ, л. 46 об. по изд. 1682 г.), по псалмопѣвцу „жалость дому Господню сѣде мя“ (тамъ же л. 48), такъ точно тѣже интересы охраняли его два сына Іоаннъ и Петръ (въ правительство Софьи) и, достойно примѣчанія, дорожили этими интересами настолько, что „из-

волища оставити царство, нежели благочестіе предати... въ пограние“ (тамъ же л. 68 об.).

Признавая расколъ церковнымъ явленіемъ, и свѣтская и духовная власть видѣла въ немъ именно *врага* Церкви (Дѣян. соб. 1666 г. л. 14; соб. 1667 г. л. 82 об.) и притомъ очень опаснаго. Еще Алексѣй Михайловичъ говорилъ отцамъ собора 1666 г.: „аще ревность ваша умедлитъ исторгнути и искоренити“ расколъ, „бѣдство будетъ“ для чистаго благочестія (Дѣян. соб. 1666 г. л. 10 об.)... Къ великому прискорбію, эти злополучныя слова вполне оправдались...

Будучи врагомъ Церкви, расколъ въ этой враждѣ получаетъ свое возмездіе. „Возсташа на церковь“, поборники раскола чрезъ это возстаніе „злѣ падоша“ (Увѣтъ, л. 1), ибо, по выраженію собора 1667 г. „въ страшный судъ о семъ осуждени будутъ“ (Дѣян. л. 34 по изд. 1881 г.). Только повинующійся церкви не погибнетъ (Увѣтъ, л. 8 обор.). Раскольники же „смертію недугуютъ; имъ тьма вѣчная во вѣки блюдется“ (тамъ же л. 14 и 15). Невозможно одолѣть церковь и борющійся съ ней самъ погибаетъ (тамъ же с. 77 обор.). Такъ образомъ раскольники, по выраженію изданнаго благословіемъ собора 1887 г. „Жезла правленія“, — орудіе діавола и вмѣстѣ *достояніе* его (л. 16 об. 17 по изд. 1667 г.).

Какъ же произошло паденіе? Невѣжествомъ, обусловленнымъ „безсвѣтіемъ и самоуниженіемъ“ (Дѣян. соб. 1667 г. л. 91; — Увѣтъ л. 9 изд. 1682 г.). По выраженію отцовъ собора 1667 г. раздорники „неискуствомъ и поученіемъ разумъ свой потопили“ (Дѣян. л. 16). Расколочители вышли отъ тѣхъ, которые „ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей“ (тамъ же л. 17); но гордости захотѣли быть учителями и, самочинно „влѣзоша на амвонъ учительства“ (Жезлъ л. 13 изд. 1667 г.), стали превратно толковать о церкви, — разъ навсегда установленное, не вѣдая — въ чемъ оно заключается (Увѣтъ л. 13), смѣшали съ зависящимъ отъ церковнаго усмотрѣнія (Дѣян. собор. 1667 г. л. 91), да и въ этомъ послѣднемъ не умѣя распознать лучшаго, возмнили ратовать на церковь «яко тьма на свѣтъ» (Жезлъ л. 16 обор.).

И такъ, по взгляду осудившаго расколъ собора 1667 г., въ происхожденіи раскола оказала печальную услугу самочинная невѣжественность — исконный источникъ «мятежей и расколовъ» (Дѣян. л. 17.). Въ этомъ смыслѣ высказался въ 1721 году и свят. Синодъ (Полное собр. пост. и распор. по вѣдом. прав. испов. т. 1, стр. 153), и этого взгляда держится доселѣ (Брат. Слов. 1886 г. т. I, стр. 590).

Впрочемъ, взглядъ собора 1667 г. на «невѣжественныя самочинная мудрованія» раскольниковъ нѣсколько отличенъ отъ взгляда на тотъ же предметъ собора 1666 г. Послѣдній, указывая, что причиною «церковнаго мятежа» служитъ у однихъ — «многое невѣденіе божест-

венныхъ писаній и житіе растлѣнное», у другихъ «всякое несмыслѣнство и самомнѣнное мудрованіе», а у нѣкоторыхъ даже «ревность, но не по разуму» (Дѣян. л. 36—36 обор.), — не хотѣлъ сказать, что это «мудрованіе» имѣло вліяніе на происхожденіе самого обряда и текста, которые были поставлены знаменемъ мятежа, — нѣтъ! — онъ видѣлъ заблужденіе именно въ томъ, что возмущившіеся «нарицали новопечатныя книги еретическими и уничижали исправленныя съ греческихъ книгъ и древле російскихъ чины и обряды» (тамъ же л. 36 обор.). Вотъ въ чемъ, по выраженію отцовъ собора 1666 г., «обьюродѣна мящіеся быти мудри», — и это — то и требовало «духовнаго наказанія» (тамъ же л. 48). Соборъ 1667 г. шелъ далѣе. Въ протестѣ мятежниковъ онъ видѣлъ не одно отстаиваніе существовавшаго, но и заподозривалъ еретичество. «Невѣжество», сказавшееся въ расколѣ, онъ характеризовалъ этимъ признакомъ, понималъ его въ этомъ смыслѣ (Дѣян. гл. III, л. 29—35). Въ этомъ сказалось греческое пониманіе русскаго раскола. Разумѣется, это тоже церковная точка зрѣнія на расколъ.

Научно-литературный отдѣль.

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

ГЛАВА П.

Историческія замѣчанія о церковной точкѣ зрѣнія на расколъ.

(Продолженіе *)

Пониманіе раскола въ смыслѣ церковнаго явленія находимъ и во всей литературѣ по расколу въ теченіе почти двухъ столѣтій. Прежде

*) См. № 5 Ряз. Епарх. Вѣдом. 1890 г.

всего слѣдуетъ коснуться сочиненій, написанныхъ по поводу раскола при самомъ появленіи его. Сочиненія эти, написанныя съ цѣлью полемическою, принадлежатъ: одни южно—русскимъ ученымъ, другія иностранцамъ. Великоруссы не рѣшались еще писать противъ того, чего не такъ давно сами держались. Особенный интересъ имѣютъ сочиненія иностранцевъ, — потому что въ нихъ высказанъ взглядъ нерусскаго чело-вѣка на русское явленіе и притомъ высказанъ впервые, — слѣдовательно, самостоятельно. О расколѣ писали: Газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ; архимандритъ аѳонскаго Иверскаго монастыря Діонисій; католическій священникъ Юрій Крижаничъ—Небоюшскій—Яква-ница.

Паисій Лигаридъ, родомъ грекъ (о немъ см. въ Словар. писат. дух. чин. м. *Евгенія* т. 2, стр. 145—49, по изд. 1827 г.;—Приб. къ твор. св. отц. XXIX;—Христ. Чт. 1839 г. № 11—12), писалъ сочиненіе противъ раскола «по царскому и соборному (1666 г.) повелѣнію». Черновой, съ поправками, переводъ паисіева сочиненія, собственноручно, польскими буквами, писанный Симеономъ Полоцкимъ, находится въ ркп. москов. дух. акад. № 68. Замѣчанія о расколѣ встрѣчаются и въ другомъ сочиненіи Паисія—«О соборн. судѣ надъ п. Никономъ» (кн. 1 гл. XXXI).—Лигаридъ видѣлъ въ расколѣ «духовный недугъ» — воз-станіе противъ церкви и «корень» сего «недуга усматривалъ въ от-сутствіи образованія». Исаихъ, — говоритъ онъ, — корене сего духовнаго недуга, преходящаго нынѣ въ семь христо-имевитомъ царствѣ, и тщах-ся обрѣсти, откуда бы сіе ересей наводненіе истекало и возрастало на толику нашу пагубу? Напоследокъ, умою обращая, обрѣтохъ изъ двою истекшее; отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыхъ книго-хранительницы. Еже да бы ми показать и предъ очима явѣ представити, нѣкая назвамену зна-менованія достойнѣйшая. Прехрабрый нѣкто воевода Алквивіадъ отвѣтъ даде древле аѳянамъ, яко ко благополучно ратованію три вещи суть вужны: первая есть злато, вторая есть злато, третья—злато. Азь же вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кіи были столпы и завѣсы обою, рекль быхъ: первое—училища, второе—училища, третье училища пренужны быти. Училища суть, оттоду же духъ животный чрезъ жилы во все тѣло разливается, суть крылѣ орляя, има же сла-ва пролетаваетъ всю вселенную... Въ тѣхъ училищехъ укрощается ис-полинское дерзновеніе, пиклопская восхлащается жестота, эпикурское исправляется житіе» (Приб. къ твор. свят. отц. 1845 г. ч. 3, стр. 160—162). Признавая такое значеніе за образованіемъ, Лигаридъ ус-матривалъ въ расколѣ проявленіе крайняго невѣжества. Одного изъ видныхъ расколуучителей—попа Никиту онъ называлъ «ефемернымъ теологомъ, даже и концомъ перста не коснувшимся теологіи» (Прав.

Обозр. 1888 г., № 7 прилож. стр. 16 ввприм.). Паисій хорошо понималъ, что протестъ мятежниковъ былъ въ сущности протестомъ противъ греческой церкви. «Возникли въ русской церкви въ некоторые новыя раскольники, — писалъ онъ, — бездну дѣли они написали противъ насъ, далеко превосходящую зловонный навозъ Авгія» (Мат. для ист. раск. т. I стр. 189 въ примѣч.). Въ результатъ же возстанія онъ шушусматривалъ «облеченіе въ неправовѣріе», «уклоненіе въ ересь» (Прав. Обозр. 1888 г. № 7 стр. 15 прилож.).

Подобное же пониманіе смысла старообрядства находимъ у архим. Діонисія, столь же виднаго грека въ исторіи русской Церкви при возникновеніи раскола, какъ и Паисій Лигаридъ. На взглядъ Діонисія, въ моментъ возникновенія раскола было только обнаруженіе зла. Начало же его одновременно появленію на Русь тѣхъ, отличныхъ отъ греческихъ русскихъ обрядовъ, которые расколь поставилъ своимъ знаменемъ. И самое происхожденіе этихъ обрядовъ обязано не столько «простодушному невѣденію», сколько будто бы «злomu еретичеству». Виновникомъ насажденія этихъ обрядовъ былъ, по мнѣнію Діонисія, самъ дьяволъ — «обрѣтающе время обрѣтникъ злобы дьяволъ посѣя многая визанія» (на Руси), почему Діонисій обращаясь къ мятежникамъ, говорить: «отъ сатаны, отца и друга вашего и учителя, слышасте и и навикосте сія». Дьяволъ дѣйствовалъ чрезъ латинянь, — новорусскіе обряды отъ латинянь взяты. Возможность же вліянія латинскаго объясняется прекращеніемъ церковныхъ отношеній русскихъ къ грекамъ. Когда, говорить Діонисій, «хождаху російскія митрополиты въ Царь градъ хиротонисатися, и хождаху и гречестіи архіереи въ Россію, тогда возсіяше благочестіе и православіе — больше здѣ въ Россіи». А когда со времени паденія Константинополя русскіе митрополиты перестали ставиться у константинопольскаго патриарха, перестали обращаться къ нему за рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ и недумѣній, а «гречестіи архіереи изыщивъ» перестали ходить на Русь, то съ этого именно времени у русскихъ и появились въ церковной практикѣ разные обряды и чины еретическаго происхожденія и смысла. Съ этого времени «земля русская осталась не орана, и возрасте тернія и триволи и иная дикія визанія и темнымъ омраченіемъ омрачншися» и притомъ такъ сильно, что на Руси стали принимать «зло за добро и сладкое за горькое». Поэтому, когда благодаря снова усилившемуся сближенію Руси съ греками «земля російская паки нача въ православіе вправлятися» и въ царствованіе Алексѣя Михайловича «совершенный свѣтъ истинны возсія православно», «тернія и триволи и прочая дикія визанія въ образѣ раскола «отступн» (т. е. произошло отдѣленіе отъ Церкви) (Сочин. Діонисія напечат. въ Прав. Обозр. за 1888 г. № 7 и 12) отож». Въ данномъ случаѣ для насъ важно не взглядъ Діонисія на происхожденіе русскихъ обрядовъ, а его церковная точка зрѣнія на расколь.

съ мнѣніемъ Паисія и Діонисія) любопытно сопоставить взглядъ на расколъ славянина (серба-хорвата) Юрія Крижанича (о немъ см. въ соч. *Маркевича*: Юрій Крижаничъ и его литерат. дѣятельность — въ Прилож. къ Варшав. Универ. Извѣст. за 1876 г.), который (взглядъ) достоинъ вниманія и самъ по себѣ. Сужденіе сербскаго католическаго священника о русскомъ расколѣ находимъ въ его «Обличеніи на соловецкую челобитную», написанномъ въ 1675 г. въ Tobольскѣ, гдѣ Крижаничъ находился въ ссылкѣ. (Обличеніе напечатано при Прав. Собр. сѣд. за 1878 г. №№ 3—7; Опис. его см. въ «Опис. рукоп. Москов. Синод. библ. II, 3, № 283; — Изслѣд. въ Твор. св. отц. за 1860 г. (приб. XIX) стр. 503—585; въ Прав. Обозр. 1870 г. т. I стр. 365—378; у Маркевича стр. 83—98).

Происхожденіе раскола въ смыслѣ отдѣленія нѣкоторой части вѣрующаго отъ Церкви (Прибав. къ изд. твор. св. отц. 1860 г. ч. XIX стр. 528) Крижаничъ объясняетъ вліяніемъ духа злобы, который воспользовавшись невѣжествомъ нѣкоторыхъ членовъ русской Церкви, по поущенію Божію, увлекъ ихъ къ фарисейству и поддерживаетъ въ нихъ упорство и жестокосердіе (тамъ же стр. 568). Богъ, говоритъ Крижаничъ, попускаетъ раздоры, чтобы истина открылась въ большемъ свѣтѣ; пот. что истина, чѣмъ болѣе встрѣчаетъ борьбу со стороны противниковъ, тѣмъ лучше уразумѣвается, крѣпче утверждается и становится яснѣе. Промысль Божій обыкновенно изъ яда извлекаетъ врачевство (тамъ же стр. 517). Разумѣется, не безъ поущенія Божія произошло и въ русской церкви совращеніе нѣкоторыхъ ея членовъ съ пути истины. «Выслушайте одну простую рѣчь, обращается Крижаничъ къ соловьянамъ, — здѣсь на русскомъ языкѣ чародѣи (которые говорятъ съ бѣсами) называются еретиками, а на другихъ языкахъ того нѣтъ, но чародѣи зовутся чародѣями, а еретиками называются тѣ, которые проповѣдуютъ что—л. противное соборной церкви. А я такъ думаю, что такой *объемай* русскаго языка произошелъ не безъ уважительныхъ причинъ; ибо сообразно съ истиною, что всякіе вожди ересей были чародѣи и имѣли тайный совѣтъ и уговоръ съ сатаною. Самъ Лютеръ признаетъ это о себѣ: онъ пишетъ, какъ онъ съ диаволомъ съѣлъ пудъ соли и какъ съ диаволомъ много соеязался о вѣрѣ, и какъ диаволь одолѣлъ его. Тоже прилично думать и объ Аріѣ, Діоскорѣ и другихъ еретикахъ. Изъ сихъ ересеначальниковъ, которые были и на соборахъ, ни одинъ не покорился, но всѣ ожесточенные и подвластные диаволу, въ нечестіи своемъ злѣ погубили. И нынѣ во всемъ раздорѣ Аввакумъ и Лазарь не покорились собору, но бывъ опутаны диаволомъ погубили въ своемъ жестокосердіи. И я знаю въ Сибири нѣкоторыхъ, которые проносятъ сквернѣйшія хулы противъ соборной церкви и народъ мутятъ: эти люди чародѣи и совѣтники диаволу» (стр. 568, 569).

Считая удовлетворительнымъ, такъ сказать, до времени это объясненіе, Крижаничъ, разумѣется, не останавливается на немъ и показываетъ дальнѣйшія условія возникновенія зла. «Глава заблужденія вашего, — говоритъ Крижаничъ, и всецѣлое основаніе вашего востанія, честныя отцы, есть одно то невѣжество, что вы не умѣете молитвы и церковнаго обычая отличить отъ вѣры. Вы думаете молитву перемѣнить и вѣру перемѣнить одно и тоже? Какая ошибка! (тамъ же стр. 538). Замѣчательно, что Крижаничъ не признаетъ за этимъ «заблужденіемъ» русскаго происхожденія. Онъ винить въ немъ грековъ. «Вы, писалъ онъ соловьянамъ, научились отъ грековъ пустымъ вещамъ придавать большое значеніе, ибо они, прїѣжая на Русь «по серебру», за перстовъ сгибаніе стали изрекать проклятіе» (Опис. рукоп. Москов. Синод. библ. II, 3, 395). Но такъ какъ, договариваясь до конца, въ данномъ случаѣ собственно слѣдовало указать на древнихъ фарисеевъ, то Крижаничъ такъ и дѣлаетъ. Укоряя раскольниковъ за упорное отстаиваніе обряда, онъ говоритъ: «такъ дѣлали фарисеи, которые важныя вещи презирали, и о малыхъ и ненужныхъ беспокоились (Прибл. къ изд. Твор. св. отц. 1860 XIX, стр. 571). Вѣра фарисеевъ была суетвѣріемъ, богочестіе ихъ — суетнымъ богочестіемъ: *devoidicismis, superstitio*; таково и раскольническое богочестіе. И такъ, Крижаничъ подводитъ вину новоявившихся мятежниковъ поль грѣхъ *церковнаго раздѣленія* (тамъ же стр. 531 и 535), и старается показать имъ, что ихъ общество не составляетъ церкви Христовой: «ибо какая церковь можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ пастырей и святителей, а скоро не будетъ и священниковъ», говоритъ онъ (тамъ же стр. 529). Дѣлая по этому поводу историческую справку, Крижаничъ сравниваетъ русскій расколъ съ западнымъ протестантизмомъ. Обращаясь къ соловьянамъ, онъ говоритъ: «я вамъ назову по имени и покажу, какова ваша церковь. Ваша церковь — Лютерова, и вы въ лютеровомъ костелѣ, а не въ Христовой церкви. Ибо, когда православные христіане спрашиваютъ лютеранъ: гдѣ ваши епископы и священники? — лютеране отвѣчаютъ: епископы и священники намъ не нужны... все мы священники и епископы. Такъ и вы, отцы, разсуждаете и изъ церкви Христовой перешли въ лютерову синагогу» (тамъ же стр. 529). Говоря такъ, Крижаничъ очевидно, ошибался и несправедливо русскому старообрядству приписалъ принципъ лютеранскій, хотя поводъ для этого, можетъ быть, и былъ (Акт. ист. IV, № 248). Но для насъ въ данномъ случаѣ важна и любопытна не вѣрность взгляда, а лишь самое существованіе его, т. е. признаніе авторомъ церковнаго характера за расколомъ.

Такъ обр. первые писатели о расколѣ въ частныхъ сужденіяхъ о немъ между собою различались, но никто изъ нихъ не видѣлъ въ немъ иной основы и сущности, кромѣ религіозной. Мы видимъ, что ино-

Странцы различныхъ національностей были согласны съ мнѣніемъ русскихъ святителей събора 1666 г. Равно мы знаемъ и то, что частныя сужденія Паисія, Діонисія и Крижанича повторены учеными сторонниками церковнаго пониманія раскола въ позднѣйшее время. Обстоятельство очень важное. Оно уже достаточно показываетъ, какое изъ двухъ основныхъ пониманій раскола вѣрно и справедливо. Очевидцы происхожденія раскола, лично знавшіе первыхъ расколоучителей и притомъ менѣе всего имѣвшіе интереса представить расколъ съ церковнымъ характеромъ, не на сторонѣ г. Шапова и его сторонниковъ...

Что пониманіе раскола въ смыслѣ церковнаго явленія проходитъ ярезь всю литературу по расколу (полемическую и историческую) стараго времени, подробно говорить объ этомъ нѣтъ надобности. Достаточно сказать, что заблужденіе раскола полагалось писателями въ смѣшеніи вѣры съ внѣшнимъ выраженіемъ ея, догмата съ обрядомъ; почвой же, на которой это заблужденіе возникло и держалось въ полнѣйшій степени признавалось наслѣдованное отъ темныхъ вѣковъ невѣжество. Читайте на примѣръ, «Розыскъ» св. Димитрія Ростовскаго, или «Обличеніе» архіепископа тверскаго Теофилакта Лопатинскаго, или «Увѣщаніе» митр. московскаго Платона, и вы увидите, что главная мысль этихъ сочиненій—та, что «ни едина отъ статей, т. е. разногласія между расколомъ и православіемъ, ни вси купно довольни суть къ раздору церковному: не суть бо сія догматы апостольскія православныя вѣры, но внѣшнія чины и обряды церковнаго моленія (предисл. къ «обличенію» изд. 1745 г.). Что же касается пресловутаго невѣжества, то оно настолько было очевидно, что заставляло судить о раскольникахъ тономъ презрительнымъ. Отсюда и видимъ, что, по представленію православныхъ писателей стараго времени, сочиненія заблуждающихся—это: произведенія неукровъ, образцы «бабской богословіи», въ «нихъ нѣтъ ни единаго слова правильно писаннаго», творцы ихъ «тонутъ на брезѣ грамматическаго разумѣнія», отвѣчать имъ—значить собственно себя унижать—«богословцамъ» становится въ рядъ съ «буесловцами», которыми еще «никакого отвѣта» не дано на «множество книгъ премудрыхъ пастырей и учителей церковныхъ». Разумѣется, въ этихъ сужденіяхъ есть крайность. Но для насъ важно то, что писатели дошли до этой крайности, а не до противоположной..

Мы обозрѣли существующія воззрѣнія на расколъ, изложили исторію того и другаго, указали сущность ихъ и, насколько это требовалось, коснулись подробностей. Теперь задача состоитъ въ томъ, чтобы дать этимъ воззрѣніямъ надлежащую оцѣнку. Мы, какъ могъ замѣтить читатель, видимъ въ расколѣ явленіе церковное. Чтобы показать—въ какомъ видѣ это можетъ быть принято, представимъ для этого фактическія данныя изъ исторіи возникновенія и современнаго состоянія

раскола. Итакъ, переходимъ къ третьей главѣ, въ которой будемъ говорить о происхожденіи раскола.

Русскій расколъ старообрядства.

Продолженіе *).

ГЛАВА III.

Происхожденіе раскола.

Вступленіе. Смерть патр. Іосифа и причина произведеннаго ею впечатлѣнія.—Вступленія Никона на патриаршество.—Никонъ предъ судомъ исторіи.—Главнѣйшее событіе его патриаршества.—Первый моментъ исторической борьбы, известной подъ именемъ раскола.—Первая попытка п. Никона къ исправленію церковныхъ обрядовъ и его противники. Дальнѣйшія событія 1654—1658 г.г.

15-го апрѣля 1652 года, въ великій четвертокъ, умеръ росскій патріархъ, святѣйшій куръ Іосифъ. Смерть его не была неожиданностію для Москвы. Вступивъ на патриаршій престолъ въ преклонныхъ лѣтахъ, Іосифъ часто хворалъ. За 10 дней до смерти онъ встрѣчалъ останки патріарха Іова, простудился и заболѣлъ лихорадкой; въ вербное воскресенье онъ только «на злую силу» могъ совершить известный обрядъ шествія на ослати; во вторникъ на страстной недѣлѣ онъ былъ на погребеніи жены боярина Плещеева уже «гораздо болѣнъ»; въ среду, навѣщая патріарха, царь Алексѣй Михайловичъ замѣтилъ, что больной «забывается», а въ четвергъ патріарха «не стало». Однако смерть патріарха произвела сильное впечатлѣніе на царя, бояръ и духовенство. Молодой и набожный царь благоговѣлъ предъ старцемъ патріархомъ; особенно сильно подѣйствовала на Алексѣя Михайловича мысль, что патріархъ «преставился къ такимъ великимъ днямъ» — некому будетъ торжественно отправлять богослуженіе въ наступающій праздникъ Пасхи, а при погребеніи—то обстоятельство, что разрѣшительную грамоту надъ патріархомъ читалъ казанскій митрополитъ, «сынъ разрѣшалъ и благословлялъ отца». Впечатлѣніе, произведенное на царя смертію патріарха было такъ сильно, что онъ «надѣлся плачучи на его свѣта смотря, а свои грѣхи вспоминаючи». Когда трикратный ударъ колокола возвѣстилъ о смерти патріарха, то у бывшихъ въ Успенскомъ соборѣ при службѣ «цѣвчихъ и властей со страху и ужаса ноги подломились». Смущеніе было такъ велико, что при погребеніи патріарха забыли даже звонить въ колокола. «Да такой грѣхъ, владыка святой, писалъ послѣ Алексѣй Михайловичъ митр. Никону, погребли безъ звону: всѣ позабыли въ страсъ; я вспомятоваль, какъ начали поклоны класть» ¹⁾. Ошибочно было бы думать, что самая по-

* См. № 7 Ряз. Епарх. Вѣдом. 1890 г.

¹⁾ Акт. археогр. Экспед. т. IV, № 57, стр. 77—83.

теря личности патріарха произвела такое потрясеніе въ Москвѣ. При всей своей добротѣ п. Іосифъ не пользовался особеннымъ расположеніемъ современниковъ. Когда на другой день послѣ смерти тѣло патріарха было перенесено изъ патріаршихъ палатъ въ Ризположенскую церковь и царь навѣстилъ его здѣсь, то не нашелъ ни одного «сидѣльца» при немъ, кромѣ читавшаго надъ нимъ евангеліе священника. «Тѣ», которыхъ патріархъ «жаловалъ», теперь «разъѣхались» прежде другихъ. Смерть патріарха озаботила многихъ по другимъ обстоятельствамъ. Смѣна такого важнаго іерархическаго лица не могла не сопровождаться перемѣнами въ церковныхъ дѣлахъ. Благодаря слабости Іосифа, церковными дѣлами въ его патріаршество завѣдывали люди свѣтскіе, да нѣкоторые протопопы: теперь занималъ всѣхъ вопросъ—останутся—ли дѣла въ прежнемъ положеніи?

Личность новаго патріарха была предугадана на Москвѣ. Всѣмъ извѣстенъ былъ митр. новгородскій Никонъ, еще въ бытность свою новоспасскимъ архимандритомъ пріобрѣвшій любовь царя и народа. Сохранилось сказаніе, что когда Никонъ, прибывъ на епархію въ Новгородъ, поѣхалъ въ Хутынской монастырь къ проживавшему тамъ на покой своему предшественнику митр. Аѳеонію, и началъ просить у него себѣ благословеніе, то Аѳеоній отвѣчалъ: «ты меня благослови» и послѣ долгаго препирательства между ними объ этомъ, сказалъ наконецъ: «благослови мя, патріарше Никоне? «Ни, отче святой,—возразилъ Никонъ,—азъ грѣшный митрополитъ, а не патріархъ». «Будешь патріархъ», пояснилъ свою мысль Аѳеоній и получилъ благословеніе отъ Никона²⁾. Во время смерти п. Іосифа Никонъ былъ на пути въ Соловки за мощами св. Филиппа. Въ маѣ царь отправилъ къ нему посланіе, въ которомъ, извѣщая о смерти патріарха, и величая Никона «великимъ архіереемъ, солнцемъ сіяющимъ, любимцемъ и особеннымъ другомъ» своимъ, писалъ: «возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, обирать на патріаршество именемъ Θεогноста (т. е. извѣстнаго Богу), а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся», и далѣе: «а сего мужа три человекъ вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный; тай не въ примѣръ, а сказываютъ святы мужъ³⁾. Никонъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что рѣчь была о немъ. И дѣйствительно, по возвращеніи Никона въ Москву, онъ былъ избранъ патріархомъ. 23 іюля 1652 года происходило нареченіе новоизбраннаго патріарха, а 25-го посвященіе.

Со смерти п. Никона (+ 17 августа 1681 г.) прошло болѣе двухъ

²⁾ Житіе п. Никона, напис. и под. Шушеринымъ, стр. 19, изд. 1817 г.,—см. у Гиббетт. ч. I. стр. 3.

³⁾ Авт. арх. Экс. т. IV, стр. 75—81.

соть лѣтъ; однако полной біографіи и безпристрастной оцѣнки его дѣятельности мы еще не имѣли. Писано о п. Никонѣ очень много. Матеріалы для біографіи п. Никона и исторіи его патріаршества находимъ въ дѣяніяхъ собора 1667 г., судившаго Никона; въ сочиненіяхъ первыхъ расколо-учителей; у архид. Павла Алеппскаго; въ сочиненіи газскаго митрополита Паисія Лигарида; въ «житіи» Никона иподіак. Шушерина⁴⁾. Затѣмъ мы имѣемъ «начертаніе житія и дѣяній п. Никона» архим. Аполлоса (М. 1845 г.) и «жизнь п. Никона» изд. Воскресенскаго монастыря (М. 1879 г.). Наконецъ—историко-критическіе труды: проф. Н. Субботина; свящ. Михайловскаго, митр. Макарія, Н. Гиббенета; проф., прот. П. О. Николаевскаго и др.⁵⁾. Личность патр. Никона такъ необыкновенна, что ею интересовались даже иностранцы: ученый англичанинъ Пальмеръ написалъ о п. Никонѣ шесть большихъ томовъ. Популярнымъ изложеніемъ отличается книга Суворина.

Не смотря однако на это, взглядъ на п. Никона еще не установился. У изслѣдователей встрѣчаемъ самыя противоположныя о п. Никонѣ отзывы. Эта противорѣчивость обнаружилась еще у первыхъ біографовъ Никона. Такъ, Паисій Лигаридъ нарисовалъ личность Никона мрачными красками; Шушеринъ, наоборотъ, не ведѣлъ въ ней «ни сучка, ни задоринки».

Такое разногласіе первоисточниковъ очень невыгодно отозвалось на произведеніяхъ послѣдующихъ писателей и изслѣдователей. Для примѣра можно указать имена двухъ—трехъ авторовъ, сочиненія которыхъ служатъ доказательствомъ существованія крайнихъ и невѣрныхъ взглядовъ на п. Никона. Такъ, замѣчанія о п. Никонѣ *Берха* (Ист. царств. Алексѣя Михайловича изд. 1831 г.) пригодны развѣ только для раскольниковъ: его трудомъ пользовался, напр., Павелъ Бѣлокриницкій при написаніи своей «церковной исторіи». Взглядъ на Никона историка *Соловьева* (Исторія Россіи, т. XI, глав. 4.) давно признанъ несостоятельнымъ. Не говоримъ уже о такихъ писателяхъ, какъ *Мордовцевъ* или *Филиповъ*, которые въ своихъ романахъ «Великій расколъ» и «патр. Никонъ» только исказили образъ Никона.

⁴⁾ Дѣянія собора 1667 г. нанечат. въ 2 т. мат. д. ист. р. раск. и отдѣльно изд. брат. св. Петра митр. 1881 г.; сочиненія расколуучителей—въ мат. д. ист. раск. т. I, III—VIII; *Павелъ Алепп.* написалъ «путешествіе патр. антиох. Макарія», т. I—II (изд. въ Лондонѣ въ 1836 г.); отъ *Паисія Лигарида* осталась исторія б. въ Москвѣ собора на п. Никона; отъ *ипод. Шушерина* «житіе» патр. Никона изд. 1817 г.

⁵⁾ «Дѣло п. Никона» (М. 1862 г.) *Субботина*; святѣйшій Никонъ, патр. всероссійскій (въ Странникѣ за 1863 г. № 7, 8 и 9) *Михайловскаго*; «Исторіи русск. церкви» т. XII (СПБ. 1883 г.) *митр. Макарія*; «Истор. изслѣдов. дѣла п. Никона» ч. 1—2 (СПБ. 1882—1884 г.) *Гиббенета*; ст. прот. *Николаевскаго* въ Христ. Чт. за 1883 (ч. 1-я) и 1886 г. (ч. 1-я). Не упоминаемъ здѣсь о статьяхъ *Костомарова* (Р. Ист. вѣст. IV, стр. 157 и слѣд. изд. 1874 г.), свящ. и *Склябовскаго* (Прав. и Обзор. 1883 г. т. 2-й) и нѣкот. др.

По мнѣнію однихъ, патр. Никонъ—аскетъ, съ желѣзной волею; по взгляду другихъ—жалкій честолюбецъ, умѣвшій выставить себя на показъ, человекъ съ жестокимъ характеромъ, визионеръ въ родѣ прот. Аввакума. Намъ нѣтъ нужды искать середины между этими двумя крайностями. Мы знаемъ, что Никонъ былъ замѣчательный человекъ своего времени. Его исторія—цѣлая драма; его судьба представляетъ полный оборотъ колеса фортуны. Изъ крестьянской хижины онъ умѣлъ дойти до патриаршихъ палатъ и царскихъ чертоговъ и тамъ чувствовалъ себя какъ дома! Но насколько были блестящи первые шаги Никона, настолько былъ печаленъ конецъ: святѣйшій патриархъ и великій государь Никонъ снова сдѣлался смиреннымъ инокомъ и даже разстригою и кончилъ заточеніемъ...

Но и это еще не все. Страданія этого человека продолжаются и по смерти его до сего дня. Были и есть люди, которые искаженіемъ нравственного облика Никона сдѣлали, по выраженію Игнатія Воронежскаго, изъ него „страшилище, которое кошмаромъ давитъ цѣлые милліоны людей и притомъ не во снѣ, а наяву, и не годъ, а вотъ уже третье столѣтіе. Мы говоримъ о нашихъ раскольникахъ. Какъ извѣстно, въ патриаршество Никона возникъ великій русскій расколъ...

Къ вопросу о происхожденіи раскола мы теперь и переходимъ.

Спустя около шести съ половиною мѣсяцевъ послѣ вступленія Никона на патриаршество, именно 11 февраля 1653 г. вышла въ свѣтъ книга *Слдов. Псалтирь*, начатая печатаніемъ 9 октября 1652 года⁶⁾. Сличая эту псалтирь съ изданіями ея при п. Іосифѣ, современники могли видѣть, что въ ней нѣтъ двухъ, занимавшихъ видное мѣсто въ іосифовскихъ псалтиряхъ, статей: а) о земныхъ поклонахъ при чтеніи молитвы Евфрема Сирина и б) о дуперетіи для крестнаго знаменія и благословенія. Статьи были выпущены, конечно, по особому распоряженію п. Никона и отсюда можно было заключить, что въ отношеніи указанныхъ двухъ пунктовъ новый патриархъ намѣренъ произвести измѣненіе. И дѣйствительно, вскорѣ же предъ наступленіемъ великаго поста 1653 г. патр. Никонъ разослалъ по московскимъ церквамъ слѣдующую „память“: „по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ вамъ творити поклоны, еще и трема персты бы есте крестились“⁷⁾. Распоряженіе о поклонахъ имѣло въ виду не отмену вообще земныхъ поклоновъ, а, какъ мы уже сказали, сокращеніе числа ихъ при чтеніи въ постъ молитвы: „Господи, Владыко живота моего“. Не извѣстно, указалъ ли Никонъ мотивы для своего распоряженія и, если указалъ,

⁶⁾ Псалтирь библиот. С.П.бургской духов. акад. № 545.

⁷⁾ Мат. для ист. русск. раск. т. V, стр. 18.

то какіе, потому что подлинникъ „памяти“ доселѣ не найденъ. Но извѣстно, что сразу же у Никона нашлись противники. То были протопопы; московскаго казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ, Юрьевца Повольскаго Аввакумъ, костромской Данииль, муромскій Логгинъ, Павелъ, епископъ коломенскій и нѣкоторые другіе. „Мы же, рассказываетъ объ этомъ Аввакумъ, задумались сошедшеся между собою, — видимъ, яко зима хоцетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь; а самъ единъ скрылся въ Чудовъ (монастырь), седмицу въ полаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа глазъ бысть во время молитвы: время приспѣ страданія! Подобаеть вамъ неослабно страдати“. Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ; таже коломенскому епископу Павлу..., потомъ Даниилу, костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братіи. Мы же съ Данииломъ, написавъ изъ книгъ выписки о сложеніи персть и о поклонахъ, и подали Государю: много писано было; онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрылъ ихъ, — мнитися Никону отдалъ⁸⁾.

Скоро обстоятельства осложнились. Никонъ принялъ отъ муромскаго воеводы жалобу на протопопа Логгина и въ Іюль 1653 г. созвалъ соборъ по этому дѣлу. Логгина обвиняли въ похуленіи образа Спасителя, Богородицы и святыхъ. Обвиненіе основывалось на одной придиркѣ. Именно: былъ однажды Логгинъ у воеводы на дому и, когда жена воеводы подошла къ протопопу за благословеніемъ, онъ спросилъ ее: „не бѣлена ли ты“? „И то слово подхватили“ бывшіе тутъ гости: „что-де протопопъ хулишь бѣлина, а безъ бѣлили-де не пишется и образъ Спасовъ, и Пречистыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ“. Логгинъ на это замѣтилъ: „кому орудію что пристобить, и какими составы образы пишутся, такъ и составляютъ писцы; а какъ-де на ваши рожи такіе составы положить, такъ-де и не похотите“. На соборѣ при этомъ Логгинъ заявилъ: „не буди мнѣ образа Господа нашего Ісуса Христа, и Пресв. Богородицы, и святыхъ не токмо словомъ хулити, но и помыслити что хульно!“ Не смотря на это, Никонъ призналъ Логгина виновнымъ и велѣлъ отдать его „за жестокаго пристава“. Защитникомъ Логгина выступилъ Нероновъ и между нимъ и патр. Никономъ произошла очень бурная сцена въ присутствіи цѣлаго собора; Нероновъ дозволилъ себѣ самыя грубыя и рѣзкія выходки противъ патріарха. „За что Логгина отдать за жестокаго пристава“? возразилъ онъ Никону. „Сіе дѣло великое, Божіе и царевое, и общее всѣхъ православныхъ христіанъ“. Никонъ будто бы отвѣтилъ. „Я себѣ не требую царскаго совѣта, и (на царскій совѣтъ и помощь) плюю и сморкаю!“ Тогда Нероновъ завопилъ: „патріархъ Никонъ! взбѣсился ты, что такія слова говоришь на государское величество, и его

⁸⁾ Мат. д. ист. раск. т. V, стр. 18—19.

царскаго совѣта себѣ не требуешь и ругаешь“. При этомъ Нероновъ рѣзко порицалъ не одного только Никона, но и весь соборъ. „Таковы соборы, говорилъ онъ, были на великаго святителя Іоанна Златоустаго, и на великаго святителя Стефана Сурожскаго“.—„За великое безчиніе“, по каноническимъ привиламъ, Нероновъ былъ лишенъ скуфьи и сосланъ „подъ крѣпкое начало“ въ Спасокаменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, гдѣ и велѣно его держать „въ черныхъ службахъ“⁹⁾. Такая же участь скоро постигла и другихъ сообщниковъ Неронова. Проводивъ Неронова въ ссылку, Аввакумъ 13 августа пошелъ ко все-нощной въ Казанскій соборъ, намѣреваясь, какъ бывало прежде, читать въ положенное время, вмѣсто Неронова, поученіе къ народу изъ толковаго евангелія. Но казанскіе священники не дали ему читать и сказали: „ты протопопъ въ Юрьевцѣ, а не намъ“ и патриаршій архидіаконъ велѣлъ намъ самимъ читать поученія къ народу. Долго не думая, Аввакумъ вышелъ изъ церкви, „пустилъ въ прихожанѣхъ славу, что у него попы книгу отняли и изъ церкви выслали“, пошелъ на дворъ къ Неронову и тамъ въ сушильѣ сталъ пѣть всенощную. Разумѣется, нашлись прихожане Казанской церкви, которые вмѣсто собора пошли молиться съ Аввакумомъ. Но не успѣлъ протопопъ кончить все-нощную, какъ явились стрѣльцы, окружили сушило и забрали богомольцевъ въ тюрьму. Черезъ недѣлю всѣ участники аввакумова самочиннаго сборища приведены были въ храмъ, преданы анаѣмѣ и отлучены отъ Церкви¹⁰⁾. Судъ надъ Аввакумомъ былъ отложенъ. Между тѣмъ, по словамъ Аввакума, Никонъ „остригъ Логгина въ обѣдню, во время переноса (великаго выхода), въ соборной церкви“. „Остригше, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логгинъ же, разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ въ олтарь въ глаза Никону плевалъ. Распоясаяся, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ. И, чудно! растопорся рубашка и покрыла на престолѣ дискосъ бытъ-то воздухъ“¹¹⁾. Такъ безчинствовалъ Логгинъ! Закованный въ цѣпи, онъ былъ высланъ въ Муромъ. Нѣсколько ранѣе былъ разстриженъ протопопъ Данииль и сосланъ въ Астрахань, гдѣ и умеръ въ „земляной тюрьмѣ“¹²⁾. 15-го сентября п. Никонъ хотѣлъ „стричь“ Аввакума; но заступничество государя спасло протопопа и онъ былъ сосланъ, съ женой и дѣтьми, въ Тобольскъ¹³⁾.

⁹⁾ Мат. д. ист. раск. т. I, стр. 41—51, 128—129, 234—237.

¹⁰⁾ Мат. д. ист. раск. т. I, стр. 21—31.

¹¹⁾ Мат. т. V, стр. 21.

¹²⁾ *ibid.* т. I, стр. 24—25; т. V, стр. 19.

¹³⁾ *ibid.* т. V, стр. 22.

Вотъ начало столкновѣнія патр. Никона и воспротивившихся ему духовныхъ лицъ! По видимому, оно не обѣщало важныхъ послѣдствій. Непокорные патріарху и протопопы были осуждены по каноническимъ правиламъ и возмущенію какъ будто былъ положенъ конецъ. А между тѣмъ здѣсь завязывался узелъ той великой исторической борьбы, которая извѣстна подъ именемъ раскола. Прошло съ тѣхъ поръ 13 лѣтъ. Никона на патр. престолѣ уже не было. 12 декабря 1666 года, рѣшеніемъ собора русскихъ и восточныхъ святителей, онъ былъ изверженъ изъ сана и въ одеждѣ простаго монаха былъ сосланъ въ Одерпонтонскій монастырь¹⁴⁾. Но тотъ же соборъ въ слѣдующихъ своихъ засѣданіяхъ осудилъ и противниковъ Никона, подвергнувъ ихъ гораздо большому наказанію. 13 мая 1667 г. „освященный соборъ“ подписалъ свитокъ, въ которомъ „данною ему отъ всесвятаго и животворящаго Духа властію“ всякаго „непокорника“ предаль анаемѣ и „отсѣкъ“ отъ Церкви Божіей „яко еретика“. При этомъ соборъ добавлялъ: „а кто не уразумится и не возвратится въ правду съ покаяніемъ, да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его, и душа, со Іудею предателемъ, и со распятыми Христа жидовы... Жельзо, каменіе и дрѣвеса, да разрушатся, а той будетъ не разрѣшенъ и не растленъ, да растлѣтся, и яко тимпанъ, во вѣки, вѣковъ, аминь“¹⁵⁾. Какимъ образомъ могло дойти до необходимости произнести эти страшныя слова? Въ прежнее время по вопросу о происхожденіи раскола было написано нѣсколько специальныхъ изслѣдованій и статей. Однако онъ не былъ рѣшенъ удовлетворительно. Зависѣло это отъ скудости и отсутствія необходимаго матеріала. Въ настоящее время, когда этотъ недостатокъ восполненъ, когда съ одной стороны напечатаны сочиненія первыхъ расколо-учителей, а съ другой—учеными даны капитальныя изслѣдованія по частнымъ относящимся сюда вопросамъ,—вопросъ о причинахъ возникновенія раскола возможно рѣшить и болѣе легко и болѣе вѣрно.

Прежде всего, разумѣется, необходимо обратить вниманіе на фактическую сторону дѣла. Она давно извѣстна и подробности ея можно читать въ XII т. „Исторіи Русск. Церкви“ м. Макарія (стр. 138-214). Но нельзя не остановиться на хронологіи этихъ фактовъ, пот. что официальные данныя, изъ которыхъ почти до послѣдняго времени почерпались свѣдѣнія о нихъ, показываютъ ее не точно, да и у высокопреосвященнаго историка она не во всемъ исправлена. А между тѣмъ знаніе точной послѣдовательности этихъ событій важно для ха-

¹⁴⁾ Макарія Ист. р. церкви т. XII, стр. 740—745.

¹⁵⁾ Дѣян. собор. 1667 г. л. 7 по изд. 1881 г. Москва.

рактеристики п. Никона въ его дѣлѣ церковныхъ исправленій. Событія эти слѣдующія.

Еще ранѣе изданія извѣстной намъ „памяти“, именно 11 января 1653 года, п. Никонъ, рѣшившись на исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, слѣлалъ распоряженіе о собраніи въ Москву изъ русскихъ монастырей древнихъ слагянскихъ, писанныхъ на хартии, книгъ ¹⁶⁾. Затѣмъ, черезъ годъ, въ январѣ 1654 г. патриархомъ былъ посланъ на востокъ извѣстный намъ Арсеній Сухановъ для приобрѣтенія старыхъ рукописныхъ греческихъ книгъ, для чего былъ снабженъ „многю казною“ ¹⁷⁾. На пространствѣ второй половины марта и первой апрѣля тогоже 1654 г. ¹⁸⁾ въ Москвѣ происходилъ соборъ русскихъ святителей подъ предсѣдательствомъ царя Алексѣя Михайловича, созданный по инициативѣ протопопа Неронова и по желанію п. Никона и опредѣлившій исправленіе богослужебныхъ книгъ. Вскорѣ послѣ собора ¹⁹⁾ п. Никонъ составилъ грамоту къ п. константинопольскому Паисію, въ которой предлагалъ на разрѣшеніе вселенскаго патриарха вопросы о церковномъ исправленіи; грамота послана съ грекомъ Мануиломъ Константиновымъ, который выбылъ изъ Москвы не ранѣе 15 мая 1654 г. ²⁰⁾. Въ сентябрѣ 1654 г. возвратился съ востока Арсеній Сухановъ ²¹⁾. Онъ побывалъ на Аѳонской горѣ, посѣтилъ Царьградъ, а за второй разъ Іерусалимъ и другія мѣста востока. Болѣе всего книжныхъ сокровищъ нашелъ Арсеній на Аѳонѣ въ монастыряхъ Ватопедскомъ, Хиландарскомъ, Иверскомъ, Пантократоровомъ, Русскомъ, Павловскомъ и другихъ, и оттуда доставлено было въ Москву 498 греческихъ древнихъ книгъ. Въ числѣ ихъ находились книги библейскія, творенія св. отцовъ, и книги собственно—богослужебныя: служебники, требники, уставы, часословы, тріоди, минеи и другія. Нѣкоторые изъ этихъ книгъ были написаны за 400 лѣтъ, другія за 500, 600, 700 и болѣе лѣтъ, а одно евангеліе даже за 1050 лѣтъ. Кромѣ того не менѣе 200 книгъ прислали іерархи александрійскій, антioxійскій и др. Далѣе, не позже 20 декабря 1655 г., былъ соборъ въ Константинополѣ по поводу московскихъ вопросовъ, потому что этимъ числомъ датирована грамота Паисія къ царю Алексѣю Михайловичу ²²⁾.

¹⁶⁾ Христ. Чт. за 1882 г. № 9—10, стр. 446.

¹⁷⁾ Записк. русск. археол. общ. т. 2, стр. 519; Хр. Чт. 1882 II, 447.

¹⁸⁾ Христ. Чт. за 1881 г. ч. 2, стр. 428—430.

¹⁹⁾ *ibid.* стр. 418.

²⁰⁾ Христ. Чт. за 1881 г. ч. 2, стр. 796—797.

²¹⁾ Христ. Чтен. 1882 г. т. II, 455. Это первая поездка Арсенія. Вскорѣ по своемъ возвращеніи изъ путешествія на Аѳонъ и въ Константинополь, вѣроятно въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцѣ 1654 г., онъ былъ отправленъ п. Никономъ въ Іерусалимъ, откуда возвратился вѣроятно 13 февраля 1653 г. (1655) года. (*ibid.* стр. 455—458).

²²⁾ Налеч. въ Христ. Чт. 1881 г. ч. 2, стр. 800—805.

Не дождавшись отвѣта изъ Константинополя, п. Никонъ созывалъ новый соборъ, который, по свидѣтельству Павла Алепскаго, и происходилъ въ 1655 г. на пятой недѣлѣ великаго поста, между 25 и 31 марта, ²³⁾ въ присутствіи двухъ восточныхъ патріарховъ—антиохійскаго Макарія и сербскаго Гавріила; на немъ, между прочимъ, положено напечатать вновь исправленную книгу—служебникъ. Спустя полтора мѣсяца послѣ собора, именно 15 мая 1655 г. ²⁴⁾ возвратился грекъ Мануиль и привезъ съ собою отвѣтную грамоту Паисія I къ п. Никону ²⁵⁾ и особое письмо ²⁶⁾. Получивъ одобреніе отъ Паисія въ своемъ дѣлѣ, Никонъ не спѣшилъ однако созваніемъ новаго собора. Соборъ состоялся 23 апрѣля 1656 года и не прежде, какъ со стороны восточныхъ іерарховъ было произнесено проклятiе на крестящихся двуперстно,—какъ устно въ недѣлю православія (24 февраля 1654 года), такъ и письменно—въ отвѣтномъ посланіи Никону отъ всѣхъ бывшихъ въ то время въ Москвѣ восточныхъ святителей. На соборѣ присутствовали русскіе архіереи; они также положили отлученіе на двуперстниковъ и свое опредѣленіе скрѣпили подписями 2 іюня 1656 года. Еще ранѣе окончанія этого собора, именно 18 мая, былъ частный соборъ на прот. Неронова, по поводу его бѣгства изъ мѣста ссылки, на которомъ было изречено проклятiе на Неронова и его единомышленниковъ за ихъ противленіе Церкви во всемъ томъ, въ чемъ они противлялись.....

²³⁾ Макарія т. XII, стр. 172.

²⁴⁾ Христ. Чт. 1881 г. ч. 2, стр. 800—805.

²⁵⁾ Напеч. въ Скрижали 1656 г. въ числѣ 27 вопросо-отвѣтовъ, съ опущеніемъ 26 вопр-отв;—въ Службникѣ 1658 г. 15 мая въ числѣ 25 вопр-отвѣтовъ, съ опущеніемъ 8, 9 и 26 вопр-отвѣта;—въ Христ. Чт. за 1881 г. ч. 1, стр. 303—353, 539—596 напеч. греческій подлинникъ грамоты и русскій переводъ.

²⁶⁾ Напеч. въ пред. къ Службнику 1655 г. и къ «Уѣта духъ».

Научно-литературный отдѣлъ.

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе *).

ГЛАВА III.

Книжные справщики при п. Никонѣ.—Изданіе книгъ.—Усиленіе церковнаго раздора въ періодъ 1654—1666 г.—Свидѣтельства объ этомъ.—Общаніе собора.—Челобитныя и др. сочиненія противниковъ Никона.—Ихъ содержаніе: 1) главный вопросъ; 2) доказательства: а) въ пользу старыхъ церковныхъ порядковъ б). Доказательства раскольничьихъ челобитныхъ противъ новыхъ церк. порядковъ: а) сужденія апріорнаго характера; б) гаданіе по числу 1666; в) замѣтанія о „совѣтикахъ“ Никона; г) критика источниковъ, которыми руководился Никонъ при исправленіи книгъ; д) взглядъ на „новшества“ Никона, какъ на латинскія ереси и главное доказательство его; е) критика новоявленныхъ книгъ; ж) сужденіе о способѣ распространенія послѣднихъ. 3) Значеніе личныхъ отношеній; взглядъ на царя. Выводы: а). Причины старообрядческаго движенія, или: или что такое расколъ?

Между тѣмъ печатный дворъ, находившійся въ вѣдѣніи дворцоваго приказа, по царскому указу былъ переданъ со всѣмъ его имуществомъ въ завѣдываніе патр. Никону. Когда состоялся этотъ указъ, точно неизвѣстно, и передаточной описи печатнаго двора не сохранилось; но по записямъ нужно думать, что передача двора патр. Никону рѣшена была въ половинѣ декабря 1653 года, производилась въ январѣ, а закончена не позже февраля 1654 г. Съ начала 1654 г. п. Никонъ является полновластнымъ распорядителемъ на этомъ дворѣ за все остальное время своего управленія русскою церковью; съ этихъ поръ всѣ указы о печатаніи книгъ, о выпускѣ ихъ въ продажу, о назначеніи должностныхъ лицъ и выдачѣ имъ жалованія, указы, направляющіе всю дѣятельность печатнаго двора исходятъ исключительно отъ имени патріарха ¹⁾. Патріархъ избралъ новыхъ книжныхъ справщиковъ, хорошо знавшихъ греческій и славянскій языки, именно: южно-русскаго ученаго іеромонаха Епифанія Славеницкаго, старца Арсенія Суханова, старца Чудова монастыря Евфимія, старца Спаса Новаго монастыря Матѣя, архимандрита аѳонскаго Иверскаго монастыря Діонисія, старца Арсенія грека, и др. Еще до собора 1655 г. справщики приготовили къ печати служебникъ, который, по одобреніи его соборомъ, былъ изданъ 31 августа тогоже года. Затѣмъ въ 1656 г. выпущена въ свѣтъ съ дозволенія собора этого

¹⁾ Христ. Чт. за 1890 г. № 1—2, стр. 123—125.

*) См. № 9 Ряз. Епарх. Вѣд. 1890 г.

года книга „Скрижалъ“—твореніе грека Іоанна Наанаила, присланная п. Паисіємъ еще въ 1653 г. Въ томъ же 1656 г. были напечатаны: въ мартѣ—тріодъ постная, въ маѣ—ирмологій, часословъ и приготовленъ къ изданію требникъ. Въ 1657 г. слѣдованная псалтирь, евангеліе напрестольное, апостолъ и вновь—ирмологій. Въ 1658 г. напечатанъ требникъ и вновь изданы: служебникъ и псалтирь.

Таковы главнѣйшіе факты 1654—1658 г.г! Особенное вниманіе обращаетъ на себя клятва, положенная на ослушниковъ церкви. Преосв. Макарій говоритъ, что съ собора 18-го мая 1656 г. „началось дѣйствительное отдѣленіе русскихъ раскольниковъ отъ православной церкви“ (XII, 214). Дѣйствительно, безъ преувеличенія можно сказать, что въ разсматриваемое время церковный раздоръ достигъ громаднхъ размѣровъ. Свидѣтельствъ объ этомъ сохранилось не мало. Напр. попъ Никита писалъ Алексію Михайловичу: „во многихъ градѣхъ твоя благочестивыя державы, наипаче же въ селѣхъ, церкви Божіи зѣло возмущены, еже есмь много хождахъ, и не обрѣтохъ дву, или трехъ церквей, чтобы въ нихъ единочленно дѣйствовали и пѣли, но во всѣхъ разствіи и велий раздоръ: въ той церкви по книгамъ никоновымъ служатъ и поютъ, а въ иной по старымъ... И отъ того, великій государь, много христіанскихъ душъ, простой чади, малодушныхъ людей погибаетъ, еже во отчаяніе впади и къ церквамъ Божіимъ поскуду учали ходитъ, а инии и не ходятъ, и отцевъ духовныхъ не учали имѣть“²⁾. Нероновъ въ 1659 г. въ челобитной писалъ, что „тысящи тысящъ душъ христіанскихъ, сомнѣнія ради церковныхъ вещей, чужи общенія пречистыхъ тайнъ“³⁾. Бояринъ Андрей Плещеевъ въ увѣщательномъ посланіи къ Аввакуму (1662—1663 г.) свидѣтельствуетъ, „яко мнози въ церкви не входятъ, и служебники исправленные отрицаютъ, велѣдствіе чего многіе „кромѣ святыни исповѣданія и св. пречистыхъ Христовыхъ тайнъ причащенія умроша“⁴⁾. Сама власть хорошо понимала неопредѣленность и неустойчивость вещей. Когда въ 1665 г. Никонъ выразилъ желаніе пріѣхать въ Москву, царь велѣлъ сказать патриарху, что ѣхать ему въ Москву „не пристойно“—„потому что въ народѣ нынѣ молва многая о разствѣ церковныя службы и о печатныхъ книгахъ“ и пріѣздъ его произведетъ только „соблазнъ“⁵⁾. Въ томъ же году посланные отъ царя говорили іерусалимскому патриарху Нектарію, что въ Россіи „весь церковный чинъ въ несогласіи, въ церквахъ служить всякъ по своему“⁶⁾.

²⁾ Мат. для ист. раск. т. IV, стр. 155—157.

³⁾ *ibid.* т. I, стр. 170.

⁴⁾ Прав. Собесѣд. 1858 г. ч. 11, стр. 597—598.

⁵⁾ *Гиббенет.* Ист. изгльд. д. п. Никона ч. I стр. 256.

⁶⁾ Макарія XII, 516.

Противники патріарха для прекращенія происходившаго въ церкви «смущенія» «видѣли единственное средство въ созваніи собора. Объ этомъ просили царя: Нероновъ, Никита, Лазарь и др. 7). Соборъ, дѣйствительно, былъ обѣщанъ, и очень рано, не позже іюля 1663 г. Въ одномъ памятникѣ говорится, что 21 декабря 1662 г., въ день памяти святаго телѣ московскаго Петра, великій государь, находясь на всенощномъ бдѣніи въ соборной церкви, у мощей святаго, „приде во умиленіе о ней, что она вдовствуетъ безъ пастыря уже пятое лѣто, и о несогласіи въ церковномъ пѣніи и церковныхъ службахъ, вслѣдствіе чего въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы. И въ тотъ же день царь далъ указъ—быть собору 8). А какъ скоро соборъ былъ обѣщанъ, среди противниковъ Никона закипѣла дѣятельность. Они стали готовить орудіе, съ которымъ можно было бы явиться на соборъ, и оправдать себя: этимъ и объясняется появленіе челобитныхъ и другихъ произведеній. Они принадлежатъ: епископу Вятскому Александру, протопопу Юрьевца—Повольскаго Аввакуму, Романо—борисоглѣбскому попу Лазарю, суздальскому соборному попу Никитѣ Добрынину, московскаго казанскаго собора протопопу Ивану Неронову, черацу Савватию, діакону московскаго благовѣщенскаго собора Теодору, муромскому архимандриту Антонію и др. Намъ необходимо подробно остановиться на этихъ произведеніяхъ, потому что въ нихъ находимъ рѣшеніе двухъ коренныхъ, существенно важныхъ вопросовъ: что такое расколъ? и отчего возникъ онъ? Сначала изложимъ содержаніе всего того, что было сказано и написано противниками никоновыхъ преобразованій, а затѣмъ подвергнемъ критическому разбору.

Перечитывая написанное ревнителями старины до собора 1666 г., мы можемъ усмотрѣть мысли слѣдующаго рода. Христосъ Спаситель, создавъ Церковь на землѣ для спасенія своего „достоянія“, обѣщавъ ей неодолимость до скончанія вѣка сего: *созижду церковь мою*,—сказалъ Онъ,—и врата ада не одолѣютъ ей (Мат. для ист. раск. VI, 22). Посему неложному словеси, церковь до днесь пребываетъ „непреклонна и недвижима“ въ своемъ устройствѣ и догматахъ вѣры (VI, 37). Но нужно знать, гдѣ именно теперь держится знамя церкви вселенской, церкви Христовой? Знамя церкви вселенской крѣпко держать въ Русскомъ царствѣ, и только здѣсь. Здѣсь и царь благочестивый, тутъ находятся и всѣ мощи. Въ другихъ помѣстныхъ церквахъ произошло или конечное „оторваніе“ отъ православія, или по крайней мѣрѣ гибельное шатаніе. Извѣстно, что въ половинѣ XI в. произошло

7) Мат. д. ист. раск. т. I, 199; I. 384 и IV, 77; IV, 210.

8) Губбенет. ч. I стр. 242—246, ср. Макарія т. XII, стр. 433—434.

раздѣленіе церквей: западная церковь отпала отъ православія—ветхій Римъ палъ. Тогда исполнилось предсказаніе: *по тысящи лѣтъ развязанъ бысть сатана, да льститъ народы* (VI, 2, 14, 17). Въ концѣ XVI столѣтія совершилось второе отступленіе—была заключена западно русская унія,—это дѣйствіе тогоже развязаннаго сатаны (Апок. XII, 4): *змій отторже хоботомъ своимъ третью часть звѣздъ и поверже на землю* (VI, 2 и 8), какъ сказано въ апокалипсисѣ. Но тамъ же сказано: *уже имать умъ, да почтетъ число звѣрино: число бо человѣческо есть, и число его 666* (XIII, 18). Посему числу нужно ожидать новаго отступленія (VI, 14—15). Гдѣ же? Въ греческой церкви православіе уже „зѣло повредилось“ еще со времени флорентійской уніи, а также „отъ утѣсненія поганыхъ и отъ еретическаго насилванія“ (VI, 34), второй Римъ—Константинополь тоже палъ. Значитъ, остается церковь русская, Москва—третій Римъ. Задача этого новаго Рима—блюсти православіе, какъ зеницу ока, ибо четвертому Риму уже не быть. Но событія показываютъ очень опасное. Въ 1660 (1652) г. вступилъ на патріаршество Никонъ и произвелъ церковныя перемѣны въ русской церкви. Онъ ввелъ богослужебныя книги новаго перевода и старыя обряды замѣнилъ новыми: двоецерстіе—троецерстіемъ, сугубую аллилуію—трегубой, осмиконечный крестъ—четвероконачнымъ, семи-просфоріе на проскомидіи—пятипросфоріемъ и т. п. Все это—ереси, взятая изъ греческихъ книгъ, печатанныхъ въ Венеціи и другихъ еретическихъ латинскихъ городахъ. Такимъ образомъ исправленія Никона не исправленія, а „искривленія“; онъ вводитъ римскія ереси и посему вѣдь должно быть ясно, что Никонъ есть орудіе тогоже древняго змѣя. „Кои догматы ни законоположилъ Никонъ, не полезны суть церкви“; онъ уготовляетъ путь антихристу и наводитъ гнѣвъ Божій на „богоснабдимое царство Русское“ (VI, 42). Кто же изъ истинно православныхъ сыновъ церкви послѣдуетъ ему! Подобаеть хранить древнее благочестіе и блюстись нововведеній, да не „зло постраждемъ“, по прореченію Книги о вѣрѣ.

Эти свои мысли противники п. Никона излагали очень пространно и давали имъ обширную аргументацію.

Какъ видимъ, всѣ ихъ мысли, всѣ разсужденія вращались исключительно около вопроса о Церкви. „Не своя хочу глаголати.—писалъ царю діаконовъ Феодоръ,—ни о своихъ, но о матери нашей св. церкви Христовой, и о яже въ ней положенномъ духовномъ богатствѣ, реку святыхъ непорочныхъ книгъ (чего ради мы, убогіи, и стражемъ (VI, 22). „Не ваша страданія нудятъ насъ къ тебѣ, государю, вопити, писалъ Алексѣю Михайловичу другой расколуучитель протопопъ Иванъ Нероновъ,—ниже скорбей ради и мученій нашихъ моленіе къ тебѣ, государю, приношу; но страхъ одержитъ мя о семь, дабы благочестіе

истинѣ въ поругави не было и гнѣвъ Божій да не снидеть.... Сего ради припадаю къ державѣ твоей, самодержче! О, благочистивый царю, устави, молю, бурю, смущающую церкви!... О, благочестиве! молю тя: скорби бо и гоненія, еже претерпѣхомъ за любовь Господа нашего Ісуса Христа, радость намъ воистину; а еже зрѣти, или слышати люди Божіи смущаемы и печалію погружаемы правовѣрія ради и благочестія отъ бѣдъ и скорбей нестерпимо“ (I, 37—38). „Охъ, оувы, благочестивый царю, писалъ Нероновъ въ другомъ посланіи. Стани добръ, о церковное чадо, и воми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцовъ, предвари и ущедри мать твою, святую соборную и апостольскую церковь, да не до конца растлять тою красоту сынове вѣка сего“! (I, 65 сн. 53). Тоже самое говорили и другіе расколоучители. „Молить тебя, христілюбивый царь,—просиль Алексѣя Михайловича епископъ Вятскій Александръ,—и, падая на колѣна, милости просиль, даждь миръ святой церкви“ (Гиббенет. ч. 2 стр. 26). „О христілюбивый царь государь, истинный ревнитель благочестія! писалъ царю архимандритъ Антоній. Молю тя и не единъ азъ, но и вся Христова церковь плачетъ и рыдаетъ, и молить тебя, государя, умильно припадая со слезами, да умириши св. церковь, мать свою, которая тебя духовно породила и осватила, воспитала неслетнымъ млекоу, православными догматы, а нынѣ много лѣтъ страждетъ и бѣдствуетъ, смущаема отъ многихъ вѣтровъ ученія, ихже никогда же знаеше и держаше, но всегда своя держитъ непремѣнно и недвижимо“ (VIII, 115 сн. 114 и 118). „Государь—свѣтъ, православный царь,—обращался къ Алексѣю Михайловичу въ одной челобитной протопопъ Аввакумъ. Вѣмъ, яко скорбно тебѣ отъ доуки нашей. Не сладко и намъ... егда томятъ на морозѣ голодомъ. А все церкви ради Божія стражемъ“ (V, 122 сн. 120).—И такъ, ничто, кромѣ „церковнаго“, не входило въ заботы противниковъ п. Никона (см. еще I, 94 95, 168—169, 170, 179—180, 343, 398; IV, 66 и др.). Поэтому и на свое столкновение съ патриархомъ они смотрѣли какъ на раздоръ церковный. Такъ, архимандритъ Антоній писалъ царю: „надежа наша, православный государь—царь, даруй церкви Божіей миръ и единомыслие въ вѣрѣ истиной. Или мнится тебѣ, великому государю, мало сіе паденіе, еже раздоръ церковный? Ей, государь, не мало; понеже то наша глава и совершеніе вѣрѣ, егда церковь безмятежна и люди въ любви пребудутъ“ (VIII, 128—29). Тоже самое говорилъ и Нероновъ. „Смущеніе велие, государь, въ великой Россіи о церковныхъ вещехъ, писалъ онъ, якоже и самъ вѣси, благочестивый государь-царь. Но все убо седмь лѣтъ тысящи тысящъ душъ христіанскихъ сомнѣнія ради церковныхъ вещей, чужи общенія пречистыхъ таинвъ, и ученія нѣсть, паче же и несогласія ради церковныхъ учителей“ (I, 170).

и Слагая съ себя вину въ церковномъ раздорѣ и обвиняя патріарха, противники его такъ разсуждали.

«Христось, создавъ церковь, обѣщаль ей неодолимость до скончанія вѣка» (VI, 22). Поэтому, Никонъ оболгалъ церковь, сказавъ, что требуются исправленія въ вещахъ церковныхъ (VI, 36). „Церковь всегда своя держитъ непремѣнно и недвижимо, яко Христось созда и основа ю на своемъ камени и рекъ, яко врата ада не одолѣють ей“ (VIII, 115), говорилъ архим. Антоній. „Како же, государь,—писаль діаконъ Ѳеодоръ,—глаголють нынѣ, яко исправленію подлежитъ и яко бо поблудиша отцы наши въ церковныхъ догматѣхъ? И аще тако, по ихъ лжи, то Христово слово должно будетъ и врата одолѣша Церковь Христову? Ни, убо, ни, государь, не блудитъ Церковь Христова, въ ней же Христось самъ живетъ, во блудитъ еретическая,—сего—дни тако, а утрѣ инако творить, шатается сюду, и сюду, то прибавить, то убавить догматъ своихъ!... Христова же, како пріять свои догматы, тако и держать, незыблимо стоять: основана бо на камени своемъ Христѣ, а не на пещѣ тщеславія“ (VI, 22).

Ту неодолимость, которою Христось Спаситель обѣщаль церкви вселенской и притомъ въ существенномъ ея устройствѣ, противники п. Никона приписали и перенесли на обрядовую сторону помѣтной церкви Русской. Не правда то,—писаль діаконъ Ѳеодоръ,—какъ поколебатися церкви Христовой!... Непреклонну и недвижиму тоя утверди Христось своею кровію.... Какъ, государь, прародители твои держали вѣру и отецъ твой, государь нашъ: тако и мы тѣже догматы хожемъ держати и спастися, а претворяти ихъ не хожемъ“ (VI, 36). Подобно этому говорилъ и архим. Антоній. „Ничево не смѣемъ премѣнити, или предложить,—писаль онъ царю,—но якоже родители твои и святѣйшія прежнія патріархи кои догматы держаше спасахуся сипе и и мы хожемъ спастися и горняго Иеросалима достигнути“ (VIII, 118).

Ссылаясь на старину, восходящую по ея началу ко князю Владимиру (I, 61; IV, III, 159 и др.), ревнители старины указывали на ея богатство угодниками Божиими. „Еще же, великій государь,—писаль попъ Никита Пустосвятъ,—и о семъ вспомяну твоему христіанскому милосердію, что колико въ Троицы пѣваемый Богъ своею милостию въ твоей государевѣ отчинѣ, въ величій Россіи, угодниковъ своихъ прославиль, и многоцѣлебными ихъ мощми и чудотворными раками всю землю твою, аки небеса многими пресвѣтлыми звѣздами, украсиль и почтиль ю паче всея вселенныя.. И посему, великій государь, Божию призрѣнію и неизреченной его милости разумно есть веѣмъ, благочестно живущимъ, что въ російскомъ твоемъ государевомъ царствѣ, истари самая истинная христіанская православная вѣра.. И будетъ бы, великій государь, отчина твоя, великая Россія, не истинную вѣру со-

— и будетъ: иже бо хранитъ церковныхъ заповѣдей, паче же бо

держала: и тобъ всемогій Богъ можаше толикую свою благодать и инудѣ послать“ (IV, 160—161). Точно также Иванъ Нероновъ „привода“ царю „святыхъ“ вѣхъ на всей поднебесной дрезнихъ и всея Русіи“, „ихже аще имяны исчести покусимся, уподобимся исчести хотящему звѣзды небесныя“,—наставительно замѣчалъ: „сихъ ли святѣйшии есмь?... На сихъ ли возносимся, имже видишь ты, благочестивый царю, и вси православніи князи, и боляря, и архіерей, и іереи, и вси православные христіане со страхомъ многимъ любезно св. ихъ мощи цѣлуете... яко да молятъ о насъ челоуѣколюбца Бога да милостивъ будетъ намъ въ день судный,—на сихъ вознестися имамы? О, благочестивый царю, кто отъ вѣрныхъ не посмѣется безумію нашему, паче же и оплакати будетъ лукавая дерзновенія наша, смупающая церковь и соблазнъ творящая церковнымъ чадамъ“! (I, 58—60).

Чистота русскаго православія, по словамъ противниковъ Никона, засвидѣтельствована, кромѣ того, вѣмъ извѣстнымъ событіемъ переселенія на Русь «бѣлаго клобука», какъ говорится о томъ въ «исторіи о бѣломъ клобукѣ». Сей клобукъ «строенъ бысть Божиимъ смотрѣніемъ» и данъ «въ почестъ» благочестивому папѣ Сильвестру, но «за злочестіе прочихъ папъ отъяся», послѣ чего Богъ «тою великою честію почитилъ святителей Нова-града», т. е. отдалъ имъ клобукъ за ихъ «благочестіе» (IV, 143—144). Явно, что истинное православіе только на Руси (VI, 35 сн. V, 147)!

Эти ревнителі старины прямо и утверждали. «Вѣдомо тебѣ, великому государю,—писалъ попъ Никита,—яко ветхій Римъ падеся аполлинаріевою ересью, второй же Римъ, еже есть Константинополь, агарянекими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ: твоежъ государство, російское великое царство, третій Римъ, и отвсюду все христіанское благочестіе въ него едино собрася, и отъ тебе, благочестиваго царя, превеликій Господь господствующихъ и Царь царствующихъ Христосъ Богъ нашъ свой талантъ съ прикупомъ вземлетъ» (IV, 158—159). «Вся царства, государь въ конецъ стекошася,—подобно сему писалъ и діаконъ Феодоръ,—сирѣчь въ твое богохранимое царство: здѣ истинная православная христіанская вѣра: не пошто намъ искати! за блудити будетъ. Въ космографіи написано: нѣсть подъ солнцемъ такого благочестія и вѣры правыя, яко въ Московскомъ государствѣ, а по инымъ вѣхъ съ ересыми смѣсшася и навькоша дѣль ихъ» (VI, 35—36).

Такое свое мнѣніе о православіи Россіи ревнителі старины старались оправдать указаніемъ на политическое состояніе Россіи. Такъ, напримеръ, протопопъ Аввакумъ, доказывая, что вездѣ и всюду православіе «пестро» и только на Руси оно соблюдается неизмѣнно, говорилъ восточнымъ святителямъ: «впредь пріѣзжайте къ намъ учитца: у насъ,

пркднхъ вонн, чужд обрщн пркднхъ тань, и члени нху дачнмъ и несогласн радн церковныхъ учнхъ» (I, 170).

Божією благодатію, *самодержство*» (V, 78). Подобно этому и попъ Никита, желая убѣдить Алексѣя Михайловича въ чистотѣ русскаго православія, титуловалъ его: «боговѣнчаннымъ великимъ государемъ, самодержцемъ великія и малыя и бѣлыя Русіи, обладателемъ многихъ государствъ, во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ и великоименитымъ, достойнѣйшимъ царемъ во всей подсолнечной» (IV, 158), т. е. политическое благоденствіе Россіи поставлялъ внѣшнимъ признакомъ истинности ея вѣры (ср. 158—159). Такое пониманіе основывалось на мысли, что въ мірѣ все зависитъ не отъ человѣка, а отъ Бога, благоденствіе государства есть слѣдствіе истинности вѣры. «Егда,—цитировалъ слова Кормчей попъ Никита,—святія божественныя церкви безъ пакости и немятежни въ мірѣ бывають, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бывають подаема: миръ и умноженіе плодомъ, и врагомъ одолѣніе» (IV, 167). Эту же выдержку приводилъ въ челобитной царю и Нероновъ, съ замѣчаніемъ: «зри, благочестивый царю, яко небреженія ради церковныхъ вещей съ преслушанія ради божественнаго писанія вся злая приходитъ на ны» (I, 177).

Такая точка зрѣнія, разумѣется, давала возможность обѣщать награды—въ одномъ случаѣ, и грозить бѣдствіями—въ другомъ. «Потщися, святопомазанный, о соединеніи святія церкви,—обращался къ царю архимандритъ Антоній,—да паки царство твое въ тишинѣ и во благоденствіи пребудеть, и врази твои вспяты да возвратятся, и постыдятся и погибнуть, а мы всѣ въ мирѣ и любви пребудемъ» (VIII, 118). «Сице аще сотвориши... царствія скипетры возвеличиши» (VIII, 129). Подобно сему и епископъ Вятскій Александръ, прося царя даровать «миръ церкви»,—добавлялъ: «аще обрящемъ благодать предъ тобою, государь... державу царствія твоего исполниши благихъ и Бога милостива ко всѣмъ намъ сотвориши и самаго себѣ радостна узриши» (*Гиббенет.* ч. 2, стр. 24). И полякъ Ѳеодоръ Трофимовъ писалъ свою обвинительную противъ Никона «роспись» въ надеждѣ «да сохранится держава русскаго царствія непоколебима, и немятежна, и неизвратна въ вѣчныя роды родомъ» (IV, 298). А протопопъ Аввакумъ говорилъ еще прямѣе. «Потщися, государь,—писалъ онъ,—исторгнути злое никоново и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не приде, и огонь съ небесе, или моръ древній, и прочая злая насъ не постигло. А егда сіе злое кореніе исторгнемъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ» (V, 130—131). Не менѣе откровенно говорилъ и Нероновъ въ своей челобитной царю: «сама,—писалъ онъ,—сама св. соборная и апостольская церковь молить ты: взыщи миръ сыну церковный и пожени его; яко да во благихъ поживетъ душа твоя, и царствіе мира и всякія благодати исполнено будетъ; идѣже бо храненіе церковныхъ заповѣдей, паче же Бо-

жизнь и правильное житие, (там) изобильство благих и миръ водворяется (I, 170—171). Слово о законе и благодати св. Кирилла Иерусалимского, гл. 18.

Русскій раскол старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе *).

ГЛАВА III.

Книжне справщики при и. Никонѣ. — Изданіе книгъ. — Усиленіе церковнаго раздора въ періодъ 1654—1666 г. — Свидѣтельства объ этомъ. — Общаніе собора. — Челобитныя и др. сочиненія противниковъ Никона. — Ихъ содержаніе: 1) главный вопросъ; 2) доказательства: а) въ пользу старыхъ церковныхъ порядковъ, б) доказательства раскольниковыхъ челобитныхъ противъ новыхъ порядковъ: а) сужденія апіоріаго характера; б) гаданіе по числу 666; в) замѣчанія о „совѣтникахъ“ Никона; г) критика источниковъ, которыми руководился Никонъ при исправленіи книгъ; д) взглядъ на „новшества“ Никона, какъ на латинскія ереси и главное доказательство его; е) критика новоявленныхъ книгъ; ж) сужденіе о способѣ распространенія послѣднихъ. 3) Значеніе личныхъ отношеній; взглядъ на дари.

Выводы: а). Причины старообрядческаго движенія, или: что такое расколъ?

Такъ доказывая мысль о чистотѣ и неповрежденности русскаго православія, противники Никона переходили затѣмъ къ обсужденію факта церковныхъ исправленій патріарха. Они начинали, такъ сказать, издалека.

Церковь исправленій не требуетъ; а потому явно, что исправленія Никона — не исправленія, а «искривленія», точнѣе — «ко антихристу присвоеніе». Мы, — разсуждали они, — живемъ на концѣ вѣка сего (VI, 39; VIII, 114), имѣюшемъ послѣдовать по истеченіи семи тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра (VI, 40). А въ послѣднее время, по Писанію, не «исправленіе вѣры» будетъ, а «отступленіе отъ вѣры» (VI, 39; V, 145): возстанутъ лжеучители (VI, 40—41), чтобы уготовать путь противнику Христа (VI, 40) — то отступленіе, которое, по апостолу, имѣетъ быть предъ пришествіемъ антихриста (VI, 2 и 40): придетъ Сынъ человѣческой и не обрящетъ вѣру на земли (VI, 3). Выходя изъ этого положенія, возмущившіеся протопопы даже на самыхъ первыхъ порахъ заподозрили въ Никонѣ предтечу и слугу антихриста. Нероновъ еще въ 1654 г. въ посланіи къ царю довольно не двусмысленно замѣчалъ по поводу преобразованій Никона: какъ бы намъ не пострадать «отъ хотящаго прийти на послѣдокъ и возмутити вселенную» (I, 53). А поцъ Никита выражался еще прямѣе. Произнося свое послѣднее слово о дѣлѣ п. Никона, онъ увѣрялъ: «ей, ей, великій государь, сбытесея апостольское слово, яко въ послѣдняя дни отступятъ вѣщи отъ вѣры, никимъ же нудими» (IV, 146). Не менѣе былъ откровененъ и поддѣякъ Ѳеодоръ Трофимовъ. «Хотятъ они (Никонъ и его сторонники), — писалъ

* См. № 10 Ряз. Епарх. Вѣдом. 1890 г. в. 03, стр. 480—481.

онъ, — дабы никто не пребывалъ въ прежней православной христіанской вѣрѣ.... И то есть послѣднее знаменіе настатія антихрестова: ибо, по Григорію Богослову, «въ послѣднія времена изыдутъ тайныя волки и явятся скрытыя тати и обнажатъ красоту церковную» (IV, 296—297). Подобно этому бояре Плещеевы писали Аввакуму еще въ 1655 г.: «духъ антихрестовъ широкимъ и пространнымъ путемъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ, — тшчатся ратующія церковь Христову до конца испроврещи» (Прав. Собесѣд. за 1858 г. ч. 2 стр. 588—589).

Противники п. Никона тѣмъ болѣе во всемъ этомъ были увѣрены, что въ современныхъ событіяхъ видѣли исполненіе предсказанія. По ихъ словамъ, объ опасности «настоящаго» времени для вѣры было предсказано въ Книгѣ о вѣрѣ (VI, 17 прим. I). По апокалипсическому числу звѣря (VI, 2 и 14), въ Книгѣ о вѣрѣ предречено опасаться 1666 г., въ которомъ имѣеть быть третье великое «отступленіе». Два «отступленія» отъ вѣры совершились. «По тысячномъ лѣтѣ» Римъ со всѣми западными странами отпалъ отъ православія (IV, 163; VI, 15) — первое дѣйствіе сатаны «по развязанію» его. Въ 595 лѣто по тысящи, жители въ Малой Русіи къ римскому костелу приступили и на всей волѣ римскаго папы заручную грамоту дали. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточной церкви (IV, 163; VI, 15—17). «Оберегая же сіе», писатель Книги о вѣрѣ «пишетъ, егда исполнится 1666 лѣтъ, да не чтобы отъ прежде бывшихъ винъ зло некаково не пострадати и намъ» (IV, 163). И еще: «по исполненіи лѣтъ числа 1666 не непотребно и намъ отъ сихъ винъ опасеніе имѣти, да не вѣкое бы что зло пострадати, по преждедеченныхъ исполненія писанія свидѣтельствъ» (IV, 164). «И сіе, великій государь, добавлялъ попъ Никита, — изыщно повелѣваетъ намъ въ нынѣшнія настоящіе лѣта оберегатися: понеже бо явственню видимъ противъ того писанія все сбывающесея, еже толико церквамъ Божіимъ возмущеніе и христоименитой вѣрѣ благочестиваго твоего великаго государства развращеніе» (IV, 164). Отъ кого? Отъ Никона «папешскаго ревнителя» (IV, 166). Ниже мы увидимъ, что всѣ «новшества» Никона трактовались его противниками какъ *латинскія* ереси. Подобно Никитѣ разсуждали и другіе расколотчики. Такъ, діак. Θεодоръ, опираясь на ту же Книгу о вѣрѣ, замѣчалъ относительно «новаго отступленія», что оно какъ выразался Нероновъ, вѣкимъ «малымъ» (I, 53) «время открываетъ», какъ предсказалъ толковникъ апокалипсиса Андрей Кесарскій (VI, 15). «Всѣмъ имѣющимъ умъ нерастлѣнень и себѣ внимающимъ», по словамъ діак. Θεодора, ясно, что новое отступленіе началось чрезъ Никона, взявшагося за церковныя исправленія близко 1666 г. «Егда, писалъ онъ, выполнилось послѣ уніи 60 лѣтъ по апокалипсису, тогда здѣ, въ ве-

лицей Россіи, попущеніемъ Вожіимъ, грѣхъ ради нашихъ великій раздоръ церковный учинился и Никонъ патріархъ... вся церковныя догматы преложили и книги старыя превратилъ» (VI, 17 сн. 15). Даже бояре Плещеевы писали Аввакуму: «и иніи вѣщїи раздоры внити хошуть вскорѣ, и непокоряющимся бѣды и мученїя навестися хошуть... сбудутся хотящїи быти раздоры, по прореченїю Книги о вѣрѣ, въ ней же пишеть о отпаденїи запада и отступленїи юнитовъ къ западному костелу, по числу еже отъ антихриста. Повелѣ бо и намъ отъ такихъ же винъ опасенїе имѣти, егда исполнится отъ воплощенїя Сына Божїя 1666 лѣтъ» (Прав. Собесѣдн. 1858 г. ч. 2 стр. 588). Чтобы придать значенїе такимъ разсужденїямъ, естественно требовалось доказать важность словъ Книги о вѣрѣ. Съ этою цѣлью попъ Никита писалъ: «а всѣмъ разумно есть, что въ той книгѣ, глаголемой о вѣрѣ, то обереганїе по истинѣ по Божїю откровенїю написано, а не умысломъ какимъ: понеже отъ еретика и отъ гадателя ко христіанскому строенїю не можетъ обереганїе быти» (IV, 165). Ту же мысль Никита доказывалъ и инымъ образомъ. «Еще же, великій государь,—писалъ онъ,—то написанное обереганїе и посему истина познавается, что все милостивый и челоувѣколюбивый Богъ... въ то самое написанное лѣто (1658, по счету же Никиты 1666) того Никона изъ сана испровергъ» (IV, 166).

Послѣ этихъ, такъ сказать, апрїорныхъ разсужденїй ревнители старины переходили къ обсужденїю дѣла Никона по существу.

Прежде всего они утверждали, что Никонъ взялся за свое дѣло не безъ посторонняго влїянїя,—его смутилъ чернецъ Арсенїй Грекъ, одинъ изъ книжныхъ справщиковъ (I, 64, 68; IV, 77, 109, 161; VI, 16, 31). А тотъ Арсенїй, по словамъ ихъ, вѣдомый воръ (IV, 77), еретикъ (I, 64 и 150), врагъ Христовъ, жидовскїй сбръзанецъ (IV, 77, 109, 161), іезуитъ (VI, 16 и 31; I, 150). «Той чернецъ,—писалъ діако. Ѳеодоръ, вѣдомой еретикъ, за то и заточенъ былъ по отпискѣ вселенскаго патріарха (Паисїя Іерусалимскаго, см. у Неронова I, 64 и 150) въ Соловецкомъ монастырѣ, а Никону той еретикъ полюбился: онъ взялъ его оттуда и сдѣлалъ книжнымъ справщикомъ. Тамъ въ Соловецкомъ монастырѣ свидѣтельствовалъ его отецъ духовной и судилъ его быти отриновенна отъ церкви за ересь, и святыхъ тайнъ лишилъ до смерти ево. Сказываютъ, что и жидомъ былъ и папѣ римскому прихлякнулъ» (VI, 31 сн. 16). Бояре Плещеевы писали Аввакуму, обвиняя п. Никона: «нынѣ папе гречанину Арсенїю, соблазнившемуся въ латынѣ, нежелїи похвальной правдѣ Христовой, вѣровати велятъ» (Прав. Соб. 1858 г. ч. II стр. 588).

Затѣмъ указывали на южно-русскихъ ученыхъ. Такъ, чернецъ Савватїй утверждалъ, что Никона «свели съ ума прїѣзжіе нехаи» (хохлы)

(Три челобит. изд. 1862 г. стр. 26—27). Они, по словамъ противниковъ Никона, также недостойны вѣроятія: свидѣтельствовалъ о томъ нѣкогда и самъ Никонъ. Нероновъ однажды говорилъ Никону: «прежде сего у тебя же слышали, что многожды ты говаривалъ намъ: гречане де и малые Русии потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ; *покой де и честь тѣхъ* прельстила, и *своимъ де нравомъ* работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія нимало. А нынѣ у тебя то и святые люди и закона учителя» (I, 150 сн. 68).

Эти слова имѣють особенное значеніе. Надо замѣтить, что не допуская исправленія «въ вещахъ церковныхъ», противники Никона вполне допускали и даже требовали исправленія «житія». «Старыя книги, государь — писалъ діаконовъ Ѳеодоръ, право исправлены.. Добро намъ всякому житіе свое правити по закону Господню, а не книги. Законъ бо Господень не пороченъ, — какъ стоялъ, такъ и стоитъ» (VI, 42). Само собою разумѣется, разсуждали они, что и въ «законѣ искушенъ» только тотъ, кто «въ житіи добродѣтеленъ, — цвѣтушъ смиренномудріемъ» (*Гиббенет. ч. 2 стр. 26*). Что же видимъ, какъ бы такъ продолжали противники Никона: «Совѣтники и учителя» Никона-люди «порочны» (I, 150), творящіе волю людскую, а не Божию (I, 68). Какого же исправленія въ законѣ ждаты отъ такихъ людей? — имъ есть цѣль «извращать» законъ. «Видимъ, — писалъ попъ Лазарь, иже духовныя мужи плотское все разумѣюще и въ мѣръ семь по плоти живущіе, а не по духу, и ради свободнаго житія законы превращаютъ, и предѣлы уставленныя имъ прелагаютъ и отъ вѣры отступаютъ» (IV, 292—293). «Они, — писалъ подобно Лазарю подьякъ Ѳеодоръ Трофимовъ, о Никонѣ и его послѣдователяхъ, — они ради свободнаго житія законы превращаютъ и уставы преданныя имъ прелагаютъ, и отъ вѣры отступаютъ» (IV, 296).

Скажутъ намъ, — рѣшали возраженіе противники патр. Никона, — что «совѣтники Никона — люди ученые. Но нѣтъ! — «старыя книги не требуютъ исправленія отъ пѣнахъ философовъ, кои возносятся на разумъ Божій, то не такъ, иное не етакъ, сказываютъ» (VI, 42)! Да «сломить» Богъ и державный царь ихъ «гордость» (IV, 296). Неужели въ руссiйскомъ государствѣ лучше и мудрае ихъ никто не бывалъ, и все русскіе чудотворцы писанія съ ихъ не знали» (IV, 109)! «Ей, смутилися» (Три челобит. стр. 36), клятвенно увѣряли расколо-учители. Да и какова ихъ (книжныхъ при Никонѣ справщиковъ) ученость! — восклицали они. «Напрасно, государь, — писалъ чернецъ Савватій, — насъ безпомощныхъ за грамматику ихъ разорять: мелка грамматика ихъ, добро грамматика — кто умѣется совершенно. А съ ихъ грамматика точно книгамъ пагуба, а людямъ соблазнь» (Три челоб. стр. 29), «глуна грамматика ихъ» (*ibid.* стр. 28, сн. 23). Были въ Москвѣ «у книж-

ной справки» знающіе люди и прежде (ibid, стр. 36).—есть и теперь. «Есть, государь,—писаль царю архимандритъ Антоній,—въ твоёмъ царствіи такіи богомудріи мужіе, иже могутъ добръ разсудити между православными догматы и не православными Божествъ писаніемъ, иже измлада сему поучишася и вся дни живота своею надъ тѣмъ просидѣша, и душу и тѣло свое Христу Богу предаша (VIII, 115).

Никонъ оправдывалъ свои исправленія желаніемъ единенія съ греческою церковію. Противники его не оставили безъ разбора и этого основанія. Они утверждали, что это указаніе патріарха не оправдываетъ его, а обвиняетъ. Ибо греки давно, по ихъ увѣренію, лишились православія. «Въ грекахъ, государь,—писаль діаконъ Ѳеодоръ, благочестіе зѣло много повредилося отъ утѣсненія цогавыхъ и отъ еретическаго насилванія: тамъ стѣснены, яко овцы посреде волковъ,—едва уже дышуть, смущаемы отъ римскихъ наукъ... Явлено, государь, отъ преподобнаго и премудраго Максима грека (VI, 34). «А вселенскіе патріархи,—писаль также попъ Никита,—отъ великаго гоненія берменска... христіанское благочестіе все потеряли и нынѣ намъ отъ нихъ уже нечего искать: былъ они источникъ, и пресохъ, и сами велики жаждутъ» (IV, 173). Протопопъ Аввакумъ на убѣжденіе восточныхъ патріарховъ креститься тремя перстами,—ибо такъ крестится вся Палестина,—и Серби, и Албаносы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи,—держаль такую рѣчь на соборѣ 1667 г.: «вселенстіи учителя! Римъ давно упалъ и лежитъ несклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіанамъ. А и у васъ православіе пестроу стало отъ насиленія турскаго Махмета,—да и дивитъ на васъ нельзя: немощни есте стали. И впредь пріѣзжайте къ намъ учитца» (V, 78). Греки, по словамъ ревнителей старины,—«самое свое спасеніе потеряли, еже въ крещеніи по римски обливаются и кропляются, а въ три погруженія не кропляются» (IV, 8; то же VI, 35; VIII, 117). «И то крещеніе по святымъ правиламъ не православно есть, но и отреченно» VIII, 11),—это есть римская ересь (VI, 35) «Тому—ли поревновать!» (IV, 143).

Въ частности относительно греческихъ церковно-богослужебныхъ книгъ и противники Никона утверждали, что онѣ испорчены латинянами, ибо печатаются на западѣ, въ еретическихъ городахъ. «А нынѣшняя книга,—писаль діаконъ Ѳеодоръ,—что посылалъ покупать Никонъ патріархъ въ Грецію, съ коихъ нынѣ здѣ переводятъ, словутъ греческія, Ѳа тамъ печатаются тѣ книги подъ властію богоотступнаго папы римскаго въ трехъ городахъ: въ Римѣ и въ Парижѣ, и въ Венециѣ, греческимъ языкомъ; но не по древнему благочестію, и тѣ книги у нихъ покупаютъ греки, и за нужу, что въ своей у нихъ землѣ печати нѣтъ,» сказалъ о семъ Максимъ грекъ великому князю Василию» (VI, 41).

Тоже самое можно читать и въ челобитной архим. Антонія (VIII, 116—17). Итакъ, по мнѣнію противниковъ Никона переводить съ этихъ «иноземскихъ» книгъ — значитъ дѣлать «на расколъ христоименитой вѣры», какъ выражался попъ Никита (IV, 109)—именно: Никонъ вводитъ *латинскія* ереси. «Явно есть по всему,—писаль Никита,—что онъ, Никонъ, бывшій патріархъ, нарочно съ хромыхъ книгъ цвельные слова снискивалъ и въ христоименитую вѣру вѣвалъ, чтобъ ему како ю смутить и всяко съ латиною соединить» (IV, 147). Такъ обр. въ исправленіяхъ Никона противники видѣли даже злонамѣренность, «чтобы ему во всемъ съ римляны не разниться и словенскіе бѣ книги соединить съ латинскими» (IV, 149, см. 114, 120, 124, 144, 147, 166 и др.). Съ этой точки зрѣнія они и трактовали о каждомъ исправленіи, прибавленіи, убавленіи или измѣненіи. Насколько противники Никона въ данномъ случаѣ были придирчивы и несправедливы, можно видѣть напр. изъ того, что въ замѣнѣ слова «церковь» словомъ «храмъ» видѣли присвоснiе къ папѣ (IV, 148—149). Но главное доказательство истиннаго смысла «новшества» Никона усматривали въ фактѣ исправленія текста Символа вѣры. Именно римляне, говорили они, стали искажать Символь вѣры прежде другихъ, а затѣмъ извѣстныя отступленія отъ православія ознаменовались новыми искаженіями Символа. «Римъ, егда отпаде со всеми западными странами, писаль діак. Ѳеодоръ,—тогда прежде символъ правыя вѣры повредиша... приложиша исхожденіе св. Духа и отъ Сына (VI, 14). Когда была введена западная унія, уніаты стали читать въ 7 членѣ «не будетъ конца» вмѣсто «вѣсть» (IV, 216). Это же выраженіе ввелъ и Никонъ. Но важное другое его измѣненіе—то, что слово «истиннаго» въ 8 членѣ «выложилъ» (VI, 15), будто бы сказавъ «яко не подобаетъ нарицати св. Духа Богомъ истиннымъ» (VI, 14). И то, государь, жаловался попъ Никита, Никонъ напечаталь... ревнующи римскому папежу: той бо папежъ во исповѣданіи разнится съ православными» (IV, 124). И мы, государь, зѣло скорбимъ о семъ, чтобы намъ тѣмъ Никоновымъ нарушеніемъ не учиниться тѣми христіанскими отступники, съ папежскими присяжники, въ проклятiи» (IV, 129). По существу дѣла: мудрствовали противники Никона, это «новшество» — величайшій, не простительный грѣхъ, хула на Духа Святаго, которая, по слову Христа, не отпустится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ (VI, 20). «Отъ сего слова,—писаль діаконъ Ѳеодоръ,—мозгъ мой и вси уди мои трепещуть» (VI, 20). Во грѣхѣ похуленія Св. Духа обвиняли Никона еще на томъ основаніи, что имъ была оставлена одна (въ навечеріи Пятидесятницы) молитва св. Духу. «Зѣло, государь,—писаль чернецъ Савватій,—дерзостно, еже молитва та оставлена. Страшно, государь, не хранити чести Св. Духа! Забыли сіе, яко и Самъ Сынъ о чести и величествіи Его съ грознымъ

прещениемъ изрече, яко на Сына челоуѣческаго хулившему оставится, а на Св. Духъ хулившему не оставится, ни въ сей вѣкъ, ни въ грядущій» (Три челоуѣб. стр. 42—43). Продолжая обсуждать дѣла Никона, его противники касались «новопроеведенныхъ» книгъ. По этому вопросу диаконъ Θεодоръ писалъ: «а иудже (мнятея исправляти, отъ государь, искривляють шаче, а не исправляють, и подкапываютъ и крадутъ церковное богатство» (VI, 22). Утверждая это, противники Никона устанавливали слѣдующую точку зрѣнія на предметъ. По слову Спасителя: *испытайте писанія*, говорили они, «не просто подобаетъ примати (книгу), но аще по всему согласуютъ догматомъ и преданіемъ св. отецъ и аще то сами съ собою во всемъ согласуютъ, а нигдѣ же разликують» (IV, 208). Что же видимъ? «Вникохомъ въ новая книги,— писалъ попъ Лазарь и разсмотрихомъ по елико дарованнѣй намъ благодати, и обрѣтохомъ въ нихъ многая, въ самыхъ къ себѣ несогласныя и противныя слова, сами съ собой не согласуютъ, но и много разликують, а иныя противныя новыя догматы» (IV, 208). Т. е. неправильность и неправославіе новыхъ книгъ противники Никона доказывали: а) несогласіемъ между собою разныхъ изданій, б) мнимо—невѣрными прибавленіями, убавленіями и измѣненіями. «Шесть выходовъ служебниковъ новыхъ, а межъ собою несогласны», — писали диаконъ Θεодоръ (VI, 17, 23, 25) и попъ Никита (IV, 109). Тотъ же Θεодоръ замѣчалъ: «нынѣшніе справщики яко мыши грызуютъ божественныя писанія» (VI, 32). «Не оставили въ книгахъ ни единого словечка, еже бы не премѣнити, или и не положить (VI, 37 сн. IV 155). А все напрасно, ни единыя вины обрѣтше (VI, 37), только ради еретической новизны и дабы «покинуть старое доброе» (Три челоуѣб. стр. 44). Старыя книги были свидѣтельствованы: а) при еп. Макаріѣ (VI, 25; IV, 159) и б), п. Іосифѣ (VI, 25; Три челоуѣб. стр. 36). Тогда «порока въ нихъ не обрѣли ни единого» (VI, 25), утверждалъ диаконъ Θεодоръ. «И аще быша кую ересь въ старыя книги вложиша, то бы намъ сказали, что ересь и кое слово противно божественному писанію» (VI, 41). Это и понятно. Въ русскомъ государствѣ, по словамъ діакона Θεодора, — не бывало еретиковъ прежде, кои бы святыя книги превращали и противныя въ нихъ догматы вносили» (VI, 41). Такимъ образомъ, по увѣреніямъ противниковъ Никона, старыя книги исправны и непорочны. А непорочныя книги безъ вины перемѣнять грѣхъ есть» (VI, 41) и значитъ только — «искривлять» (IV, 208; VI, 31). Въ довершеніе показаній, что дѣло Никона неправое, ссылались на то, что онъ ввелъ новыя книги въ употребленіе «мучительно» (VI, 37, сн. 36), «насильствомъ» (IV, 109), съ великимъ запрещеніемъ (IV, 181). Диаконъ Θεодоръ, обращаясь къ царю, убѣждалъ: «не по

вѣрь, государь одному Никону: мучительски вся твориль, — не смѣль никто съ нимъ слова молвить, — яко левъ восхищя и рыкая (VI, 36).

Обращали вниманіе противники Никона на отношенія патріарха къ себѣ самимъ. Они обвиняли его въ томъ, что онъ поступилъ съ ними жестоко и будто-бы не по каноническимъ правиламъ — «мірскимъ судомъ, а не по правиламъ св. апостоль и отецъ» (I, 35—36, 52) осудилъ ихъ. «Древле, государь, писалъ Нероновъ, св. отцы и еретиковъ соборнѣ извергали, довольно свидѣтельствовавшие о нихъ отъ писанія... а не остригаху (какъ Никонъ) и тѣхъ злыхъ раскольниковъ, и вскорѣ имъ отмщеніе не творили, но съ многимъ испытавіемъ» (I, 54—55). «Облазнихся, добавлялъ онъ, яко мучительскій санъ на ся воспріялъ» т. е. Никонъ (I, 86 сн. 90—91).

Такъ обвиняя Никона, противники его, конечно, себя всячески оправдывали. Прежде всего они увѣряли, что воздвигли прю на патріарха «не своею волею, но по благословенію Божію и по извѣщенію отъ Спасителя» (I, 99, сн. 40; V, 120—121). А чтобы этой ихъ лжи повѣрили, — приводили слова Златоуста: «паче всего Богъ раздражается отъ раздора церковнаго» (IV, 169, сн. VIII, 117; V, 120) и другія отеческія слова: «аще увидиши брата согрѣшающа и не речеши — да познаетъ грѣхъ свой, отъ рукъ твоихъ възмется кровь его» (VIII, 119). Нероновъ писалъ Стефану Вонифатьеву: «должны есмы другъ за друга души своя полагати, и матере своя святыя... церкви опасно остерегати отъ приходящихъ волковъ» (I, 71). Болѣе другихъ, разумѣется, заботиться объ этомъ надлежитъ пастырямъ церкви. «Зри опасно, любезне, — писалъ Нероновъ тому же Вонифатьеву, — кому за сіе Владыцѣ вашему отвѣщати?» (I, 99). «Лѣпо» есть, — замѣчалъ словами Кормчей и попъ Никита, — священникомъ исполнати божественныя преданія безъ соблазна» (IV, 167). „священника дѣло — еже обличити“ (IV, 2), выражался онъ словами Златоуста въ другомъ мѣстѣ. Но если на нихъ, пастыряхъ, лежитъ долгъ позаботиться о возстановленіи поправнаго древняго благочестія и о утоленіи церковнаго раздора, то какъ имъ дѣйствовать, — чрезъ кого? Чрезъ царя (I, IV, 167; VIII, 117). «Нынѣ, — писалъ Алексію Михайловичу архим. Антоній, святая церковь, общая мати, требуетъ руку помощи отъ тебе — благовѣрнаго сына своего, да приражающіеся волны ей укротиши и отъ многолѣтвыхъ бѣдъ свободиши всесильнаго Христа мощию» (VIII, 115). Противники Никона не считали Алексія Михайловича сторонникомъ патріарха и, нужно сознаться, имѣли на то основанія. Поэтому къ нему они и обращались съ своими челобитными, руководясь тѣмъ, что «лѣпо» есть православнымъ царемъ исполнати божественная преданія безъ соблазна» (VI, 167). Не изъ деликатности и необходимости, а по убѣжденію они называли его «святопомазаннымъ» (VI, 21), равноапостоль-

вымъ (V, 141), христолюбивымъ, христіанскою надеждою, образомъ православія (I, 38—39; VI, 22; IV, 158). «О, Богомъ возлюбленный, вѣнчанный, благовѣрный и христолюбивый великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ,—писаль царю нацр. попъ Никита,—истинный благочестію рачитель, и святаго пути богоуоставнаго закона богошественный и премудрліи исходатай, благоразумный поспѣшникъ, и отческому преданію изыскатель! Ты единъ, великій государь, христоименитый царь, наша христіанская глава, иже во всѣхъ концѣхъ всея вселенныя совершеннымъ благочестіемъ благоразумнѣ цвѣтѣй сіяеши, наипаче же во царѣхъ пресвѣтлѣйшій и великоименитый, а царю царствующихъ Христу Богу нашему благолюбимая царская душа, древнимъ убо благочестивымъ царемъ равнославна, нынѣшнимъ же велелѣйная красота и свѣтлость, будущимъ же сладчайшая повѣсть и слуха наслажденіе, и не токмо превеликой Россіи, но и всея подсолнечныя ты, великій государь, достойнѣйшій царь» (IV, 158). Возлагая надежду на царя, что онъ увидитъ справедливость, противники Никона обыкновенно въ своихъ челобитныхъ не ограничивались мольбою и слезными прошеніями, но указывали и объективныя основанія правоты своихъ прошеній. Били челомъ, чтобы царь выслушалъ ихъ слова, пот. что познать истину можно—лишь по выслушаніи обѣихъ спорящихъ сторонъ (VI, 42—43), дѣйствовали на царя и чрезъ царицу (I, 78 и слѣд.). Но достойно замѣчанія, что челобитчики особенно рассчитывали на два довода: а) свою правоту они доказывали тѣмъ, что потерпѣли наказаніе отъ Никона (VI, 42), а б) чтобы погубить Никона, старались возбудить въ царѣ личное раздраженіе противъ патріарха. «У Никона патріарха,—писаль царю diak. Феодоръ, слышалъ азъ поносныя слова на тебя, царя, о томъ скажу, кого ты, государь, зная, пришлешь, или самъ спросишь» (VI, 44). «Еще же слышалъ, о благочестивый царю,—доносилъ Нероновъ на Никона», твое величество отъ него, владыки, осуждаемо, и испоругаемо, и ни во что же поставляемо» (I, 60). Подобно сему игумень Теокистъ на допросѣ клеветалъ, будто бы въ «книгахъ новой печати обругано царская титла,—во многихъ мѣстахъ государево царево имя складомъ, въ службникахъ во иныхъ выходѣхъ *вселя Руси* есть, а во иныхъ выходѣхъ *вселя Руси* нѣтъ; а патріарша титла печатана... и то мудрованіе блаженно, пот. что тѣ книги печатные идутъ во многіе государства» (I, 343—344).

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе *).

ГЛАВА Ш.

Книжнѣ справщики при и. Никонѣ.—Изданіе книгъ.—Усиленіе церковнаго раздора въ періодъ 1654—1666 г.—Свидѣтельства объ этомъ.—Общаніе собора.—Челобитныя и др. сочиненія противниковъ Никона.—Ихъ содержаніе: 1) главный вопросъ; 2) доказательства: а) въ пользу старыхъ церковныхъ порядковъ. б) Доказательства раскольниковъ челобитныхъ противъ новыхъ церк. порядковъ; а) сужденія апріорнаго характера; б) гаданіе по числу 666; в) замѣчанія о „совѣтникахъ“ Никона; г) критика источниковъ, которыми руководился Никонъ при исправленіи книгъ; д) взглядъ на „новшества“ Никона, какъ на латинскія ереси и главное доказательство его; е) критика новоисправленныхъ книгъ; ж) сужденіе о способѣ распространенія послѣднихъ. 3) Значеніе личныхъ отношеній; взглядъ на царя.

Выводы: а). Причины старообрядческаго движенія, или: что такое расколъ?

Таково содержаніе челобитныхъ и другихъ произведеній представителей того протеста, который имѣлъ произвести и стать расколомъ. Мы остановились на изложеніи его съ тою цѣлью, чтобы имѣть возможность сдѣлать совершенно безпристрастные выводы относительно того: что такое расколъ? и по какимъ причинамъ возникъ онъ? Теперь мы видимъ, что: а) противники Никона говорили только о церкви,—этимъ вопросомъ исчерпывается все содержаніе ихъ сочиненій; б) все подробности состоятъ въ указаніи двоякаго рода доказательствъ: 1) въ пользу древнихъ церковныхъ порядковъ, и 2) противъ—новыхъ. Вытекающіе отсюда выводы очень важны.

А). Говорили и говорятъ, что расколъ при самомъ появленіи своемъ былъ явленіемъ гражданскимъ,—что религіозные привидцы, преслѣдуемые раскольниками, это—ни больше, ни меньше какъ внѣшняя оболочка раскола, которою онъ прикрываетъ совершенно другія цѣли, не имѣющія никакаго отношенія къ вѣрѣ и церкви. Говорили, что расколъ есть общинная оппозиція податнаго земства противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданского,—и даже—не земства вообще, а мѣстныхъ областныхъ правъ и преданій объединявшимъ и уравнивавшимъ стремленіямъ центральной власти. Говорятъ, что

*) См. № 11 Ряз. Епарх. Вѣд. 1890 г.

расколъ явился вслѣдствіе недовольства народа властію и, какъ протестъ, имѣлъ результатомъ: признаніе погрѣшимости церкви и антихристіанства въ „Уложеніи“ Алексѣя Михайловича, — словомъ, раскольническое міросозерпаніе построено было на совершенно иныхъ началахъ, нежели то, которое лежало въ основѣ тогдашняго общественнаго строя, для выраженія же и формулированія этихъ началъ былъ взятъ церковный языкъ, иначе — термины и понятія единственной тогда науки — богословія. Все это говорятъ и утверждаютъ; но все это можетъ допускать и утверждать только полное незнаніе первоначальной исторіи раскола, если не предвзятая тенденціозность. Странная, въ самомъ дѣлѣ, оппозиція „земства“, притомъ областного, которую вчиняютъ протопопы и попы, которой выражаютъ сочувствіе, хотя немногіе, архіереи, на сторонѣ которой оказываются московскіе бояре и ихъ жены! Удивительный протестъ областныхъ преданій противъ объединенія, протестъ, начало котораго положено въ Москвѣ, откуда онъ и распространился по другимъ городамъ! Совершенно непонятная мысль о противленіи противъ всего государственнаго строя, дѣлю котораго является патріархъ, — лицо досточтимое всею русскою землею и самими протестующими, а не царь или бояре, а поводомъ — исправленіе богослужебныхъ книгъ. Изъ сочиненій протестовавшихъ видно, что ихъ тревожило одно, — что Никонъ будто бы вводитъ еретическія новшества. А если такъ, то очевидно, что въ основѣ старообрядческаго движенія лежали интересы чисто и исключительно религіозные: ни одного слова противъ жизни государственной, ни одного намека на тяжесть и ненормальность соціального строя, на безпорядки экономическіе — мы не находимъ во всѣхъ сочиненіяхъ представителей протеста. Да и могло ли быть иначе, когда протестъ шелъ съ стороны духовныхъ лицъ? Могъ ли этотъ протестъ имѣть не религіозный характеръ, когда онъ раздавался въ келліяхъ архимандритовъ и монаховъ, отказавшихся отъ мірской жизни и посвятившихъ себя на служеніе Богу. — или изъ устъ женщинъ, которыя въ то время были лишены всякаго участія въ общественной жизни и на долю которыхъ оставалось только одно утѣшеніе въ ихъ теремномъ заключеніи — религія? Неужели, читая сочиненія первыхъ расколоучителей, можно и не понять ихъ истиннаго смысла — quasi потому, что тамъ все выражено въ условной формѣ? Въдѣ это странно! Въ такомъ случаѣ отчего протестовавшіе не были поняты своими современниками? А съ другой стороны, почему бы имъ не высказаться прямо, когда они видѣли, что ихъ никто не понимаетъ? Нѣтъ, совершенно лишній трудъ отыскивать у другаго то, чего у него нѣтъ, — произведеніе своей фантазіи нельзя навязывать другому! И дѣйствительно, ревнители старины и нужды не имѣли говорить страннымъ, непонятнымъ языкомъ. Что нужно было сказать, о томъ они

говорили прямо и просто. У нихъ мы находимъ, между прочимъ, откровенная сужденія о возможности блага государственнаго и общественаго. Только это не значить, чтобы въ основѣ ихъ протеста лежали принципы гражданскіе. Объ этомъ говорится вскользь и оно есть нѣчто выводное. „Егда святыя и божественныя церкви безъ пакости и нематежни въ мирѣ бывають, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бывають подаема (IV, 167), небреженія же ради церковныхъ вещей вся злая приходитъ на ны“ (I, 177)—вотъ все, что хотѣли сказать протестовавшіе, когда указывали на политическое состояніе государства русскаго,—и ничего больше. Очевидно, возможность говорить о „государственномъ и общественномъ“ была, но за этимъ не скрывалось другой мысли—кромѣ той, что въ мирѣ все, отъ жизни частнаго человѣка до состоянія государства, зависитъ не отъ людей, а отъ Бога. Говоря о государствѣ и благѣ общества, противники Никона, хотя и указывали на нѣкоторыя современныя бѣдствія, но собственно грозили бѣдствіями будущими, нестройніями, имѣющими быть, что было согласно и съ существомъ дѣла, ибо еще не терялась надежда на возстановленіе древняго благочестія; да и подъ указанными современными бѣдами разумѣлось совсѣмъ не то, что хотѣлось бы видѣть сторонникамъ взгляда на расколъ, какъ явленіе гражданское,—Итакъ, противники п. Никона, какъ мы уже знаемъ, говорили не о централизаціи власти, не о поправіи земскихъ правъ, не о социальныхъ порядкахъ, а о церкви, о древнемъ благочестіи. „Нѣсть наша брань плоти и крови,—писаль прот. Нероновъ: вѣсть вседержитель владыка Христось“ (I, 85 ср. 120). „Смушеніе веліе, государь, въ великой Россіи о церковныхъ вещѣхъ, яко же и самъ вѣси“ (I, 170)—такъ писаль Нероновъ царю Алексію Михайловичу. Но тоже самое онъ говорилъ и въ откровенномъ письмѣ къ протопопу Стефану Вонифатьеву. „Или еще не уразумѣль настоящей бѣды всей Русіи“?—обращался онъ къ нему. „Всяко благочестіе преста... колѣнное поклоненіе отметаемо и крестнаго знаменія сложеніе персть пререкуемо“ (I, 72). Стефанъ Вонифатьевъ не одобрялъ Неронова за распрю его съ патріархомъ и совѣтывалъ ему искать примиренія; но Нероновъ съ этимъ не соглашался и даже упрекалъ прежняго своего друга и единомысленника за такія совѣты. „Содрогнися, о превожделенне! писаль онъ ему, инъ вѣкъ насъ ожидаетъ, и неволею скоротлимый покой оставити же будетъ, но никакая же намъ будетъ польза его дѣла“ (I, 73). „Аще ли о церкви нерадити будеши, и чадомъ ея блазнь сотвориши, не умолимъ судъ обрящещи въ день праведнаго суда Христова“ (I, 77). Такимъ образомъ смотря на свое дѣло, и ратуя за него „да имени Божию будетъ слава“ (I, 313), ревнители старины и награду за него надѣялись получить не въ здѣшней жизни, а въ загробной: „да свѣтлѣе

вѣнчаніи будемъ,—говорилъ напр. Нероновъ,—и съ Владыкою Христомъ царствовать будемъ“ (I, 71), да ни одинъ отъ христіанъ праваго пути погрѣшить, но вси спасеніе да улучать и чисти предъ Сотворшимъ ны предстануть въ день праведнаго суда (I, 80 ср. 93). Тоже самое говорили и другіе расколо-учители. Напр. попъ Никита писалъ царю: „мы, государь, боимся, чтобы намъ отъ истинной вѣры не отпасть и душами не погибнуть (IV, 163). О, великій государь, попекися добръ нашими душами! Вели о семъ разсудить, чтобы намъ душъ своихъ не погубить“ (IV 77). Для большей наглядности въ изображеніи важности своего дѣла противники Никона прибѣгали къ сравненіямъ. „Блаженіи алчущіи—не хлѣба и воды, но правды—истины и по Христѣ житія“,—писалъ Нероновъ (I, 92). Я согласенъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что прилично быть смиренномудрымъ, послушнымъ и покорнымъ, но точію въ томъ и тамъ, идѣже не вредитъ душа; а идѣже поврежденіе души, тамо не требова молчати, но и крѣпко вопити и понудити во спасеніе „да пожерта будетъ мертвенная животомъ. Кольми паче идѣже вредъ пріемлетъ церковь и многимъ блазнь бываетъ и гибель душевная. Какое тутъ молчаніе? (I, 75) Правда, противники Никона говорили и о своемъ положеніи, но сами же и утверждали, что они оказались въ немъ по причинѣ своего ратованія за „церковное“, а потому и самый взглядъ на него у нихъ является въ религіозной окраскѣ. „Намъ вящшая честь, еже благочестія ради страдати,—писалъ Нероновъ царюцѣ Марьѣ Ильиничнѣ, во ему, государю, не лѣпо сіе въ радость зрѣти, еже при его державѣ, *благочестиваго* царя, рабомъ Христовымъ говимымъ быти“ (I, 83). Эти слова совсѣмъ не имѣли бы смысла, если бы протестъ виждился не на церковной почвѣ! Въ заключеніе остается указать памятникъ, имѣющій въ данномъ случаѣ особенное значеніе. Бояринъ Андрей Плещеевъ, самъ бывший на сторонѣ противниковъ Никона, но „благодатію и челоуѣколюбіемъ Бога вразумленный внутрь благочестивыхъ догматовъ“, въ увѣщательномъ посланіи къ Аввакуму прямо говоритъ, что раздоръ въ томъ состоитъ „яко нѣціи въ церкви не входятъ, и служебники исправленные отрицають, и крестное воображеніе въ словеніи переть пререкують и, спроста рещи, всѣхъ исправленныхъ нынѣ церковныхъ догматъ... не примати учать“. (Праз. Собесѣд. 1858 г. ч. II стр. 597). Такъ прямо, такъ откровенно говорить челоуѣкъ, желавшій, какъ говорится, раскрыть глаза фанатику Аввакуму. Нужно принять во вниманіе, что защита земскихъ интересовъ для протопопа еще болѣе странна, чѣмъ для боярина. А между тѣмъ у Плещеева объ этомъ нѣтъ ни единого слова!....

По новѣйшей постановкѣ вопроса о расколѣ, господствующей въ свѣтской литературѣ, возможность первоначальнаго протеста обуслов-

дивалась вступленіемъ народнаго воззванія въ свои права; результатомъ этого было прежде всего признаніе погрѣшимости церкви; а затѣмъ къ этому примѣшались соціальныя тенденціи и стремленія, имѣвшія въ виду уложеніе“ Алексѣя Михайловича. А между тѣмъ въ сочиненіяхъ расколовождей, писанныхъ до собора 1666 г. постоянно встрѣчаются свидѣтельства не о томъ, будто бы они въ это время уже отрицали церковь, подобно нынѣшнимъ безпоповцамъ, и стремились къ отдѣленію отъ нея, а о томъ, что они все мѣры употребляли къ тому, чтобы церковь была чиста отъ новшества и ереси. Они называли ее своею матерію (I, 60, 65; V, 65—66) и утверждали, что она непогрѣшима. Напрасно „называютъ насъ отпадшими церкви,—писалъ діаконъ Θεодоръ. Мы, государь, ни отъ чего не отпали; якоже прицѣпихомся своей маслинѣ Христу и святѣй его соборной и апостольской церкви, тако присво ея и держимся и держатися будемъ“ (VI, 36). Никонъ и его сторонники, дѣйствительно, по словамъ діакона Θεодора, „святою церковію мутятъ, яко слѣпій съ праваго пути совратшеся, заблуждаютъ и блудятъ *внѣ церкви* Христовы безъ матери“ (VI, 38). Облагаютъ церковь, яко бы поблудила въ церковныхъ догматѣхъ. Не правда то. Яко поколебатися церкви Христовой! Непреклонну и недвижиму тоя утверди Христосъ кровію и глагола: *се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка, аминь*. Аще во вся дни Христосъ съ нею: како поблудила? Слово Христово живо и дѣйственно“ (VI, 36—37). Желая пребывать въ церкви, они просили царя „установити бурю, смущавшую церковь“ (I, 38), прекратить „искушеніе, ее потрясавшее“ (I, 54),— и только; къ этому ничего не примѣшивалось. Не „уложеніе“ царя служило предметомъ нападеній со стороны протестовавшихъ,—они жаловались на книгу „Скрижаль“ (за ея мнимыя *ереси*, IV, 3), издавную патриархомъ и содержащую толкованіе на литургію и прочія священнодѣйствія. При этомъ царя совсѣмъ не считали причастнымъ даже дѣлу патриарха, почему и возлагали на него всю свою надежду по возстановленію древняго благочестія.

Русскій расколь старобрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе *).

ГЛАВА III.

В Возможность протеста при всей ложности основаній его. Критическая оцѣнка послѣднихъ. 1) Вопросъ о Церкви, обрядахъ и книгахъ. 2) О поводѣ и причинахъ, побудившихъ п. Никона на дѣло церковныхъ исправленій; полная основательность этихъ причинъ; препятствія на пути правильного пониманія этого: а) взглядъ на грековъ.

В. Если представители «новоявлягося» раздора не преслѣдовали другихъ цѣлей—кромѣ религиозныхъ, то возможность старообрядческаго движенія и устойчивость его вполне понятны. Русь уживалась и съ суровостію и съ злоупотребленіями властей и съ разными тягостями общественными; но она положительно не могла уживаться съ еретичествомъ; подозрѣніе въ еретичествѣ возбуждало противъ виновнаго и преслѣдованіе власти и народное негодованіе. Русскій народъ перенесъ иго татарское и тяжелыя времена Грознаго, пережилъ также смуты самозванцевъ. Но народное негодованіе всякій разъ не знало предѣловъ, когда кто-либо обвинялся въ еретичествѣ.—былъ ли онъ изъ простыхъ смертныхъ, или занималъ патриаршій и даже царскій престолъ. Поэтому, когда п. Никонъ взялся за исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ, онъ встрѣтилъ протестъ и на послѣдній откликнулись во всѣхъ слояхъ общества.—Читая сочиненія расколуучителей, легко понять возможность противленія дѣлу Никона, хотя столь же легко видѣть, что патриархъ былъ правъ, а противники его возставали противъ святаго дѣла.

Возражая противъ патриарха, его противники начинали съ того, что Церковь «не подлежитъ времени тлѣнія и потому не требуетъ никакихъ улучшеній». Нужно сознаться, что въ данномъ случаѣ разсужденія ихъ были не только совершенно справедливы, но и вполне основательны и отличались неотразимою силою доказательствъ. Но

*) См. Научно-литературный отдѣлъ Рязанскихъ Епарх. Вѣдомостей за 1889 г. №№: 23 и 24 и 1890 г. № 1-й (глава первая), 2, 4, 5, 7 (глава вторая), 9, 10, 11, 12 (начало третьей главы).

они могутъ идти только въ обличеніе ихъ потомковъ — старообрядцевъ, неприемлющихъ священства, иначе — безпоповцевъ, а не православной Церкви, принявшей исправленія п. Никона. Дѣло въ томъ, что неодолимость обѣщана Христомъ Церкви вселенской и притомъ въ существенномъ ея устройствѣ; исправленія же Никона касались только обрядовой стороны и притомъ помѣстной Церкви русской. Вопросъ о церковныхъ обрядахъ и текстахъ рѣшается съ догматической точки зрѣнія такъ.

Вѣра, по апостолу, есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ (Евр. XI, 1); т. е. вѣра есть нѣчто незримое, неосязаемое, непостижимое нашими вѣшними чувствами; содержаніе ея заключается въ отвлеченныхъ созерцательныхъ истинахъ, изложенныхъ Церковію въ исповѣдуемыхъ христіанами символахъ и воспринимается нами внутренно, нашимъ сердцемъ. Но человѣческой природѣ свойственна неотразимая потребность выражать свои внутреннія чувствованія во вѣ, наружнымъ образомъ. Такая потребность удовлетворяется, какъ извѣстно, различными церковными, касающимися вѣшняго благоустройства, религіозными обычаями, священными текстами. Тексты и обряды символически выражаютъ содержаніе вѣроученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ узнаемъ послѣ, тексты и обряды суть вѣшнія средства, помощью которыхъ религіозное мышленіе усваиваетъ сокровенную сущность вѣроученія. Разумѣется, грубо ошибся бы тотъ, кто сталъ бы утверждать, что эти различныя церковныя постановленія, различныя богослужебныя обряды, обычаи и тексты, служащія только къ наглядному изображенію вѣры, также непреложны и неизмѣнны, какъ и самая вѣра, также неприкосновенны какъ и догматы вѣры. Вѣдь эти формы вѣшняго обнаруженія внутренняго духа и смысла религіи явились не сразу въ своемъ строго опредѣленномъ видѣ, но выработывались постепенно — по мѣрѣ развитія христіанскаго сознанія и соотвѣтственно обстоятельствамъ, среди коихъ протекала жизнь христіанскаго общества. Церковь сама выработывала ихъ, сама вводила ихъ въ употребленіе, и, когда находила нужнымъ, измѣняла ихъ, добавляя или убавляя, и даже нѣкоторыя изъ нихъ уничтожала совсѣмъ, замѣняя новыми, лучшими. Такое право Церкви измѣнять, добавлять и перемѣнять на лучшее все то, что не имѣетъ характера догматическаго, т. е. съ измѣненіемъ чего не измѣняется, согласно съ словомъ апостола, самая вѣра или какой-либо изъ ея догматовъ, всегда ей принадлежало и принадлежитъ доселѣ неотъемлемо, ибо она всегда есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тимое. III, 15). Такъ рѣшается вопросъ объ обрядахъ и текстахъ на почвѣ сравненія ихъ съ догматами вѣры. Разясняя его, учителя церковные прибѣгаютъ къ слѣдующему сравненію. Они

уподобляютъ догматы вѣры жизни, а правила—сравниваютъ съ пищею; безъ пищи человѣкъ можетъ нѣсколько времени жить, и пища безъ жизни бесполезна и не нужна. Какъ пища бываетъ разнообразна, и существенное въ ней составляетъ питательность, такъ и въ правилахъ не образъ ихъ (т. е. свящ. тексты) наблюдается, но ихъ мысль и цѣль, а образъ иногда и престоупается. Идя далѣе, обряды церковные можно уподобить сосудамъ, служащимъ для приготовления пищи. Они, какъ и сосуды, въ различныя времена и даже въ одно и то же время были различны, по разнымъ мѣстамъ, по потребностямъ и уменьшались, и умножались, и сокращались, и забывались, и правилами упраздняемы бывали (толков. на II прав. соб. лаодик.).

Такимъ образомъ, ратуя за неизмѣнность обряда и буквы и поставляя вопросъ о Церкви въ зависимость отъ вопроса объ обрядахъ, ревнители мнимой старины ео ipso оказывались очень плохими защитниками «древняго благочестія» въ болѣе серьезномъ смыслѣ, пот. что плохо понимали самый догматъ о Церкви. При этой точкѣ зрѣнія, потомкамъ пришлось отрицать то, что защищали ихъ предки: на столь ложной почвѣ стояли эти послѣдніе!

Если исправленія п. Никона не касались существа вѣры, то противники его совершенно напрасно указывали на св. угодниковъ Божіихъ, «просіявшихъ въ русской землѣ». Православная Церковь этихъ угодниковъ почитаетъ и хвалится ими. Но справедливость требуетъ сказать, что святые угодили Богу не обрядами, а вѣрою и жизнью по вѣрѣ, которая была возможна для нихъ при ихъ пребываніи въ Церкви и въ послушаніи ей. Нужно замѣтить, что аргументъ этотъ не новый. И прежде Никона, точно также былъ обвиняемъ со стороны русскихъ книжныхъ людей преп. Максимъ Грекъ, исправлявшій у насъ древле-письменныя книги. «Велію,—говорили они противъ него,—велію, о человѣче, тѣмъ дѣломъ прилагаеши досаду возсіявшимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцемъ. Они бо сицевыми священными книгами благоугодиша Богу. На это преподобный отвѣчалъ: «и азъ поклоняюся» тѣмъ чудотворцамъ «аки вѣрнымъ Божіимъ угодникомъ»; но говорю, что «онѣмъ апостолоподражательнаго ради ихъ смиренномудрія и кротости и житія святольбнаго дадеся дарованіе исплѣненій чудесъ предивныхъ». «Всеи неложнии Божіи угодницы со всякимъ смиренномудріемъ къ Богу ищутъ и приемятъ исправленіе отъ всякаго человѣка, могущаго пользовати ихъ». Посему,—заключаетъ преподобный Максимъ,—«ни едина досада прибудетъ преподобнымъ чудотворцемъ русскимъ исправленіемъ книжнымъ», какъ «ни единъ понось или досажденіе прибудетъ отъ..... исправленій свящ. Писавія Симмахомъ, Ѳедотіономъ и Акилою» бывшимъ

прежде нихъ угодникамъ и преподобнымъ¹⁾. Осылаясь на святыхъ, противники п. Никона (а равно и нынѣшніе старообрядцы) должны бы были знать и помнить эти слова преподобнаго....

Такимъ образомъ, эти общаго характера замѣчанія по адресу дѣла Никона были вполнѣ неосновательны, хотя, — нельзя не видѣть, — эта неосновательность, по недомыслию разсуждавшихъ, и не была для нихъ замѣтна. Въ дальнѣйшихъ ихъ разсужденіяхъ по вопросу о причинѣ, побудившей Никона взяться за дѣло церковныхъ исправленій и объ основаніяхъ своего престоа противъ послѣднихъ находимъ столь же мало справедливости, хотя не менѣе замѣчается въ нихъ искренности.

Никона «смутилъ» чернецъ Арсеній грекъ, а также южно-русскіе пріѣзжіе, которыхъ патриархъ послушался потому, что желалъ какъ-нибудь пріобрѣсти себѣ славу: такъ увѣряли противники Никона! Но справедливо-ли это?

По собственному сознанію Никона, на исправленіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ побудили его главнымъ образомъ греческіе іерархи, пріѣзжавшіе въ Москву за милостыней, и въ этомъ случаѣ онъ руководился ихъ совѣтами, указаніями и наставленіями. На соборѣ 1656 г. Никонъ заявилъ, что ему «зазирали» за разныя неисправности въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, въ томъ числѣ и за употребленіе дуперстія, восточные патриархи: Паисій іерусалимскій, Гавріиль назаретскій, бывшіе въ 1639—52 г.г.,²⁾ и затѣмъ въ 1653 г. — Аванасій константинопольскій.³⁾ Противъ этихъ официальныхъ данныхъ возраженій быть не можетъ. Митр. Никонъ былъ любимецъ царя и потому бесѣды съ нимъ Паисія и др. вполнѣ повѣтны. Въ одномъ изъ писемъ къ Алексѣю Михайловичу Паисій, между прочимъ, писалъ: «находясь въ прошедшіе дни у вашей милости, я говорилъ съ преподобнымъ архимандритомъ спасскимъ Никономъ, и полюбились мнѣ бесѣды его.... Прошу, да будетъ онъ имѣть свободу приходить къ намъ для собесѣдованій». ⁴⁾ А о чемъ, какъ не о богослужбныхъ чинахъ и обрядахъ, могъ бесѣдовать Паисій съ Никономъ?

Что дѣйствительно замѣчанія восточныхъ святителей имѣли вліяніе на царя и патриарха, это доказываетъ фактъ посольства на востокъ Арсенія Суханова, строителя Троицкаго Сергіева Богоявлен-

¹⁾ Выписки *А. Озерскаго*, ч. II стр. 22—25 по изд. 1862 г.

²⁾ Слово отвѣщательно при Скрижали изд. 1656 г.

³⁾ О пріѣздѣ Аванасія см. *Чт. общ. люб. дух. просвѣщ.* за 1889 г. № 10, стр. 358.

⁴⁾ *Прав. Обзор.* 1888 г. № 1-й, стр. 56

скаго монастыря «для осмотрънія святыхъ мѣстъ и церковныхъ чиновъ греческихъ»⁵⁾, который и отправился вмѣстѣ съ Паисіемъ 10-го іюня 1649 г., хотя въ Яссахъ былъ задержанъ до 5 мая 1651 г. Впечатлѣвіе отъ «зазираній» восточныхъ святителей было такъ сильно, что патр. Іосифъ подъ конецъ своей жизни тревожился за прочность своего престола: «перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, говорили оны, — а будетъ и не отставятъ, я — де и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ». Говоря объ этихъ тревогахъ покойнаго патріарха, царь въ письмѣ къ Никону замѣчалъ: «а у меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей ни на умѣ того не бывало.... что его совѣта отставить или посадить съ безчестіемъ..... *хотя бы онъ и еретичества держался*». ⁶⁾ Т. е. патр. Іосифъ сознавалъ, что отвѣтственность за неисправности въ богослужбныхъ книгахъ падаетъ на него; онъ дочустилъ въ книги статью съ ученіемъ о двуперстіи, а между тѣмъ это двуперстіе на Востоку не употреблялось и на Аѳонѣ признаваемо было даже еретическимъ.⁷⁾ Опасенія патріарха понятны.....

Но п. Іосифъ умеръ; его преемникомъ сдѣлался Никонъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что новый патріархъ, получавшій наставленія и вразумленія отъ восточныхъ святителей и прежде того, «впалъ», какъ говорится въ предисловіяхъ къ служебникамъ — 1655 и 1658 г., «въ великій страхъ», когда въ грамотѣ объ утвержденіи патріаршества въ Россіи 1593 г. прочиталъ, что на немъ лежитъ обязанность «потреблять всякую новину въ оградѣ церкви», — потому что такія «новины» въ русской Церкви были.....

Нѣтъ нужды доказывать, что стпы собора 1654 г., давши согласіе на исправленіе нашихъ церковно-богослужбныхъ книгъ, не насилывали своей совѣсти. Что нужда въ исправленіи книгъ была — вопросъ этотъ хорошо разработанъ въ нашей литературѣ. Уже «Пращица» Питирима⁸⁾ (изд. 14 дек. 1721 г.) указывала на массу разностей и неисправностей старопечатныхъ книгъ (отв. 14); а въ «Исторіи русскаго раскола» преосв. Макарія число ихъ очень увеличилось (стр. 125—135). А когда въ 1875 и 1876 г.г. появились статьи іером. Филарета («Опытъ сличенія церковныхъ чиновослѣдованій по изложенію церковно-богослужбныхъ книгъ московской печати, изд.

⁵⁾ Челобит. Сухановъ, въ Хр. Чт. 1883 г., № 11—12, стр. 721—722.

⁶⁾ Авт. арх. экск. т. IV, стр. 83.

⁷⁾ «Шреніе съ Греки о вѣрѣ» А. Суханова въ Хр. Чт. за 1883 г., № 11—12.

⁸⁾ О Пращицѣ и др. полемич. сочиненіяхъ Питирима см. въ нашей статьѣ въ Прав. Обзорѣніи за 1889 г., май—іюнь, стр. 162—176.

первыми 5 россійскими патріархами и чинъ литургіи св. Іоанна Златоустаго по изложенію старопечатныхъ, новоисправленнаго и древлеписьменныхъ служебниковъ), то вопросъ о томъ, правильны-ли были наши книги до Никона, рѣшенъ безапелляціонно. Остается сказать, что неисправность нашихъ книгъ сознавалась и въ свое время. Въ той же «Исторіи русскаго раскола» (стр. 120—125 по изд. 1855) и въ «Выпискахъ» А. Озерскаго (стр. 1—66 ч. 2 по изд. 1862 г.) приведены выдержки изъ предисловія и послѣсловія старопечатныхъ московскихъ книгъ, въ которыхъ неисправность послѣднихъ засвидѣтельствъ вана самими справщиками. О томъ же сознаниіи еще краенорѣчивѣе говорятъ попытки исправленія книгъ при п. Гермогенѣ, въ междупатріаршество (преп. Діонисій), при п. Филаретѣ, Іоасафѣ I и Іосифѣ. Патріархи указали на исправность книгъ самими рѣзкими фактами. Такъ, п. Филаретъ Никитичъ въ 1633 г. окружною грамотою повелѣлъ отобрать по всѣмъ мѣстамъ Россіи и прислать въ Москву для сожженія экземпляры устава, издавнаго въ 1610 г. — въ патріаршество Гермогена 9). Патр. Іоасафъ въ Потребникѣ 1639 г. отмѣнилъ положенный въ Филаретовскомъ требникѣ особый «чинъ погребенію священническому», съ замѣчаніемъ, что онъ «учиненъ отъ еретика Ермѣя, попа болгарскаго» 10). Такимъ образомъ оставалось только указать путь исправленія, при которомъ была бы возможность издавать книги вполне исправныя. Этотъ путь впервые былъ указанъ преп. Максимомъ Грекомъ, который совѣтывалъ непремѣнно обращаться къ греческому подлиннику 11). Хотя на нѣкоторое время этотъ совѣтъ былъ забытъ, но при патр. Іосифѣ поняли всю мудрость этого совѣта и даже приложили его къ дѣлу. Ниже мы увидимъ, что книжные справщики іосифовскаго времени постарались прежде всего поколебать (въ т. н. Кирилловой книгѣ и Книгѣ о вѣрѣ) предубѣжденіе русскихъ противъ православія грековъ. Но на этомъ они не остановились; въ 1648 г. была издана Грамматика Мелетія Смотрицкаго; въ предисловіи къ ней приведены обширныя выписки изъ тѣхъ сочиненій Максима Грека, гдѣ онъ говоритъ о книжномъ исправленіи 12).

9) Акт. арх. Эксп. III стр. 337.

10) Ист. русск. раск. стр. 127.

11) Чт. общ. ист. и древ. 1847 г. кн. 7; — Кіев. универ. извѣст. 1865 г. № 7—10; Ист. р. Церк. *Макарія* т. VI

12) Изъ 11 и 12 слова преп. Максима Грека; въ сочин. Максима, изд. казан. дух. акад., ч. III стр. 60 и слѣд., 79 и слѣд.; также см. въ «Выпискахъ» А. Озерскаго ч. 2 стр. 14—27 по изд. 1862 г. «Предисловіе», изд. брат. св. Петра митр. (стр. 19—33).

Здѣсь подъ покровомъ авторитета всѣми уважаемаго и почитаемаго преподобнаго, іосифовскіе книжные справщики, смѣло и рѣшительно проводятъ не ту только мысль, что русскія церковныя книги очень неисправны и потому нуждаются въ немедленномъ тщательномъ исправленіи, которое не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго или противнаго благочестію, но и ту, что исправлять наши церковныя книги слѣдуетъ по греческимъ, какъ своимъ первообразамъ, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ наши книги могутъ издаваться вполнѣ исправными, что исправленіе должно быть поручено людямъ не просто только знающимъ греческій и славянскій языкъ, но людямъ правильно и научно образованнымъ, такъ какъ только они могутъ понимать всѣ тонкости языка греческаго и славянскаго. Эти заявленія произвели свое дѣйствіе. При печатаніи Кормчей и Шестоднева въ патриаршество Іосифа руководились греческимъ подлинникомъ, причѣмъ для книжнаго дѣла были вызваны кіевскіе ученые ¹³⁾. Съ этимъ было согласно и опредѣленіе собора 1654 года, — тѣмъ болѣе, что соборъ опредѣлилъ исправлять книги по *древнимъ* греческимъ; а съ другой стороны и п. Никонъ въ выборѣ ученыхъ справщиковъ былъ только продолжателемъ п. Іосифа.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что тѣ же раскольники, которые выставили недоверженность до—никоновскихъ книгъ, въ минуты спокойствія говорили другое. Аввакумъ, напр., писалъ изъ Пустозерска: «многіе наши духовные люди возмутились и хулятъ книги Іосифовы патриарха, не вѣдуще писанія ни силы его, заблуждаютъ отъ пути истиннаго; будто де не сходны съ Филаретовыми и Іоасафовыми. И мы въ нихъ несходства и ереси не разумѣемъ». ¹⁴⁾ Въ «посланіи къ неизвѣстному» тотъ же Аввакумъ писалъ: «держиися книгъ Филаретовыхъ и Іосифовыхъ: тутъ правость чиста и неблазненна» ¹⁵⁾ Очевидно, іоасафовскихъ и гермогеновскихъ книгъ онъ не признавалъ вполнѣ вѣрными и правильными. Въ числѣ отобранныхъ въ 1666 году у расколоучителя игумена Θεоктиста, проживавшаго въ Вяткѣ у епископа Александра, ¹⁶⁾ книгъ, между прочимъ оказалась, «тетрадь о неисправныхъ рѣчахъ печатныхъ московскихъ книгъ, печатанныхъ до 162 году» т. е. до 1654 г. ¹⁷⁾ Діаконъ Θεодоръ въ «посланіи изъ Пустозерска къ сыну Максиму и прочимъ сродникамъ и братьямъ

¹³⁾ Подроб. см. въ кн. «П. Никонъ и его противники» гл. 3, стр. 42—49.

¹⁴⁾ Мат. д. ист. раск. т. V, стр. 215.

¹⁵⁾ Ibid. стр. 223.

¹⁶⁾ Ibid. т. I, стр. 320—322.

¹⁷⁾ Мат. для ист. раск. т. I, стр. 328, № 31.

по вѣрѣ» (не ранѣе 1678—1679 г.) указываетъ разности въ разныхъ изданияхъ одной и той же книги. По его словамъ, у него, Θεодора, была Псалтирь учебная іосифовская, у протопопа же Аввакума—іосафовская; ¹⁸⁾ въ первой въ 104 псалмѣ читалось: *вниде Израилъ во Египетъ и возрасти люди своя*, во второй—*возврати люди своя*. И за сию опись, говоритъ Θεодоръ, больши года бранился (Аввакумъ) со мною, еже азъ велѣлъ глаголати ему *возрасти люди своя*.... Лазарь съ намъ же на мя брюжжалъ... И не мудрая та рѣчь, и не богословская, да и о той велика голка была. ¹⁹⁾ «И не диво то,—продолжаетъ онъ,—еже и въ старыхъ кнѣгахъ какія описи бывають и есть, и тому бываетъ правое разсужденіе, и послѣди исправляется отъ искусныхъ мужей». ²⁰⁾ Однако самъ же Θεодоръ указываетъ въ старыхъ іосафовскихъ «цвѣтныхъ тріодахъ», «въ преполовенскомъ канонѣ, въ 6 пѣсни, въ трійческомъ стихѣ» такое выраженіе, которое нельзя назвать только «описью»: «Поклоняемся Троицѣ трисущней единой», исправленное при Іосифѣ такъ: «поклоняемся тріемъ во единомъ существѣ». ²¹⁾ Наконецъ, монахъ Сергій, авторъ первой стрѣлочной челобитной, на допросѣ (въ 1682 г.) говорилъ, что онъ пришелъ въ Москву по жребію, чтобы «бити челомъ великимъ государемъ,—быть Служебникомъ и инымъ церковнымъ книгамъ противъ печати святѣйшаго патріарха Филарета Никитича», ²²⁾ т. е. объявлялъ, что изданія Филарета самыя лучшія.

Если ярые противники п. Никона способны были повѣять дѣйствительное положеніе вещей, то можно видѣть—какъ несправедливо увѣреніе раскольничающаго автора «Историческихъ изслѣдованій, служащихъ къ оправданію старообрядцевъ», будто Никонъ хитростію и коварствомъ выманилъ у членовъ російскаго собора (1654 г.) согласіе на перемѣну древне-церковной обрядовой практики и исправленіе книгъ: ²³⁾ развѣ собственная совѣсть членовъ собора не подсказывала имъ тоже!.. Такъ нагло лгутъ новѣйшіе защитники раскола!

¹⁸⁾ Ibid. т. VI, стр. 127.

¹⁹⁾ Ibid. т. VI, стр. 119.

²⁰⁾ Ibid. стр. 127.

²¹⁾ Мат. т. VI, стр. 121—122.

²²⁾ Ibid. т. IV, стр. 299.

²³⁾ Стр. 56, изд. 1881 г. Авторъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ извѣстному раскольническому писателю Павлу Вѣлкриницкому (*Церк. ист.* ч. III, стр. 27), который въ свою очередь повторилъ слова Семена Денисова (*Виногр. Россійск.* въ Опис. раск. соч., ч. I, стр. 127).

Но если исправленіе книгъ было необходимо, если и обряды русскіе требовалось привести въ единеніе съ обрядами Церкви греческой, и за то и другое патр. Никонъ взялся велѣдствіе «зазираній» восточныхъ святителей, то почему же эти основанія и мотивы не были убѣдительны для противниковъ Никона, которые, совсѣмъ напротивъ, въ томъ, что Никонъ въ своемъ дѣлѣ опирался на восточную Церковь, видѣли недобрый призвакъ, уклоненіе патріарха отъ православія, чѣмъ и охарактеризовала всѣ его церковныя исправленія?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо прослѣдить, хотя кратко, прежде всего исторію взгляда русскихъ на грековъ.

Въ основу отношеній русскаго народа къ грекамъ легко чувство недовѣрчивости. Извѣстны слова лѣтописца, высказанныя имъ по поводу упоминанія о первомъ столкновеніи русскихъ съ греками: «а греци льстиви суть и до сего дне». Недовѣрчивостію къ грекамъ объясняется равнодушіе перваго русскаго христіанскаго общества къ греческимъ монастырямъ, основаннымъ въ Кіевѣ, и къ греческимъ инокамъ, выходявшимъ на Русь, — равнодушіе, видимое изъ повѣствованія тогоже лѣтописца; между тѣмъ какъ тогда же, тоже самое общество выказывало горячее сочувствіе монастырямъ и инокамъ чисто — русскимъ. Недовѣрчивостію отчасти можно объяснить и извѣстныя всѣмъ пошутки русскихъ князей поставлять себѣ митрополита въ Кіевѣ, или, если въ Константинополь, — по крайвей мѣрѣ съ согласія великаго князя. Недовѣрчивость эту усиливали иногда сами царьградскіе патріархи своими опрометчивыми дѣйствіями относительно русской Церкви, поставляя иногда двухъ митрополитовъ, одного при жизни другаго, отъ чего происходили церковныя смуты на Руси. Чувство народной антипатіи перешло въ религіозную подозрительность со времени флорентійской уніи (1437 — 29); подписавшаго унію московскаго митр. Исидора, родомъ грека, великій князь московскій не привялъ, и даже внесъ въ архіерейскую присягу пунктъ, по которому архіерей обязывался не принимать посвященнаго въ Царьградѣ. Въ уніи застало Константинополь и паденіе его. На это событіе русскіе посматрѣли какъ на наказаніе Божіе за унію. По случаю явленія Тихвинской иконы Богоматери русскіе приписывали самимъ константинопольскимъ патріархамъ слова, что «крѣпкая помощница гордости ради и братоненавидѣнія и неправды ихъ конечно отъ нихъ отиде». Сочинена даже была «повѣсть о бѣломъ клубукѣ Новгородскомъ», въ которой явившіеся патр. Филоею Конставтинъ Великій и папа Сильвестръ говорятъ, что клубукъ не можетъ остаться въ Константинополь, потому что вѣра и благочестіе

только на Руси существуют²⁴⁾. Какъ на бѣду, появившіеся на Руси греки оправдывали взглядъ на нихъ русскихъ. Достаточно указать на грека же—патріарха Игнатія, потоковника латинства, измѣнника православію именно въ то время, когда русскій народъ ожесточенно боролся за православіе противъ латинства²⁵⁾... Это было въ тяжелыя времена самозванщины. Неудивительно, если пережившіи эти времена патр. Филаретъ пріѣзжавшихъ къ намъ грековъ отдавалъ подь крѣпкій «началь» для испытанія въ вѣрѣ.

²⁴⁾ «Сказаніе» о Тихвин. иконѣ напечат. въ Брат. Слов. за 1888 г., т. 2, стр. 787—791 (тоже сказаніе въ поздн. ред. подь именемъ «новѣсти» напечат. въ Гродно въ 1789 г.) «Новѣсть» о бѣломъ клубкѣ издана Кожанчиковымъ въ 1861 г. въ СПБ.

²⁵⁾ См. подр. въ ст. *Отева* въ Прав. Обозр. за 1861 г., № 11.

Русскій расколъ старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе *).

ГЛАВА III.

б) психологическое значеніе обрядовъ и текстовъ; в) историческія причины обрядоваго направленія въ древней Руси; г) особыя обстоятельства XV вѣка; д) личныя отношенія представителей протеста къ Никону—прежняя дружба враговъ. Почему п. Никонъ рѣшился указывать на грековъ? Заключение.

Сколь твердо установились въ XVII в. невыгодныя мнѣнія русскихъ о грекахъ, это съ наглядностію показываетъ сочиненіе Арсенія Суханова «Преніе съ греки о вѣрѣ». Достаточно привести двѣ три выдержки изъ него, чтобы видѣть это. Такъ, гречане говорили Суханову: «вы крещеніе приняли отъ грековъ». Очевидно, греки желали присвоить себѣ званіе учителей русскихъ въ дѣлахъ вѣры. Но

*) См. Приб. къ № 13 Ряз. Епарх. Вѣд. 1890 г.

Сухановъ на это отвѣчалъ: «мы вѣру приняли отъ апостола Андрея; а хотя бы и отъ грекъ, но отъ тѣхъ, которые непорочно сохранили правила св. апостоль и седми вселенскихъ соборовъ, а не отъ нынѣшнихъ, которые не соблюдаютъ правила св. апостоль». «Вѣра изыде отъ Сіона и что есть добраго, то все отъ насъ изыде, иво мы корень и источникъ всѣмъ», говорили гречане. Нѣтъ, возражалъ Арсеній, «тоѣ вѣры не держите, которая отъ Сіона изыде, но токмо словомъ говорите.... Писано въ 50 правилѣ св. апостоль — велѣно крестить въ купѣли въ три погруженія... и у насъ то апостольское правило твердо хранять, а вы въ купѣли въ три погруженія не креститесь, но обливааетесь, и то знатно, что вы не тоѣ вѣры держите, которая отъ Сіона изыде». «Мы источникъ», наставляли греки. «Быль у васъ источникъ, говорилъ Сухановъ, только нынѣ пересохъ, и сами жаждою стражете, нежели вамъ весь свѣтъ напоить своимъ источникомъ». Отсюда Сухановъ дѣлалъ такое заключеніе: «будетъ лобро станете писать, — иво послушаютъ, а станете писать противно св. апостоламъ и на Москвѣ о томъ и четырехъ патриарховъ не послушаютъ; знаютъ на Москвѣ древнее преданіе, како преданъ св. апостолы и отцы и безъ четырехъ патриарховъ». ²⁶⁾ Такъ обр. Сухановъ утверждалъ не то только, что греки потеряли православіе, но и то, что въ своей неповрежденной чистотѣ оно сохранилось и сохраняется въ русской Церкви. Таково было народное воззрѣніе!

Но это лишь одна сторона вопроса, такъ сказать, отрицательная. Она хорошо извѣстна и вопросъ объ отношеніи русскихъ къ грекамъ разработанъ въ литературѣ удовлетворительно. Но есть другая, положительная сторона. Исслѣдователи почти не сосредоточивались на ней; а между тѣмъ, по нашему мнѣнію, она имѣетъ значеніе наибольшей важности. Постараемся же, насколько хватить силъ нашихъ, уяснить и раскрыть вопросъ въ этой положительной его части. —

Мы видѣли, что А. Сухановъ утверждалъ не то только, что греки потеряли православіе, но и то, что во всей неповрежденной чистотѣ оно сохранилось у русскихъ. Дѣйствительно, еще въ XV—XVI в. русск. книжниками была высказана мысль, что русская Церковь есть единственная хранительница православія. Презрительное отношеніе русскихъ къ другимъ церквамъ, не исключая и православной восточной, соединялось съ самомнительнымъ представленіемъ о непогрѣшимости русской Церкви не только въ вѣрѣ, но и въ обрядахъ. Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, но онъ требуетъ объясненія. На какомъ основаніи р. книжники, имѣвшіе успѣхъ въ народѣ, за-

²⁶⁾ Христ. Чт. за 1883 г. № 11—12, стр. 699, 703, 704, 711.

ключили все православіе въ одну и именно русскую Церковь? Почему даже въ обрядахъ считали её непогрѣшимою и стали утверждать, что слѣдуетъ умирать за одинъ «азъ», въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ написанный?

Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ другому вопросу: о значеніи церковныхъ обрядовъ и текстовъ. Мы уже имѣли случай рѣшить этотъ вопросъ съ одной точки зрѣнія и сказали, что обряды и тексты не имѣютъ догматической неизмѣняемости. Но есть другая сторона, усматриваемая подъ другимъ угломъ зрѣнія. Выше мы сказали, что тексты и обряды, символически выражая содержаніе вѣроученія, суть вмѣстѣ съ тѣмъ высшія средства, помощью которыхъ религиозное мышленіе усволяетъ сокровенную сущность вѣроученія. Въ этихъ заключается психологическое значеніе текстовъ и обрядовъ. Вѣроученіе состоитъ изъ истинъ (догматы) и требованій (заповѣди), свыше откровенныхъ, превосходящихъ познавательныя способности разума и естественныя влеченія человѣческой воли. Если такъ, то спрашивается: какимъ образомъ усвоится вѣроученіе? Какъ, напримѣръ, человекъ можетъ усвоить непостижимый догматъ христіанскій о троичности Лицъ въ Богѣ? Или: какимъ образомъ можно воспитать человека въ мысли, что послѣдователю Христа слѣдуетъ любить враговъ своихъ? Эта цѣль достигается при посредствѣ религиознаго воспитанія, отличительную черту котораго составляетъ то, что въ немъ истины вѣры преподаются воспитываемому въ извѣстныхъ готовыхъ, определенныхъ формахъ. Религиозныя истины и требованія (догматы и заповѣди) выражаются въ извѣстныхъ священныхъ текстахъ. Пособіемъ для ихъ усвоенія служатъ извѣстныя церковныя дѣйствія, богослужебные обряды. Очевидно, что тексты и обряды имѣютъ для религиозновоспитываемаго то значеніе, что въ его представленіи они неразрывно срастаются съ самыми усвояемыми истинами, — форма не отдѣляется отъ содержанія. Здѣсь замѣчается подобіе того, что бываетъ въ области поэзіи, художества и музыки. Извѣстно, что самое гениальное стихотвореніе теряетъ силу обаятельности, какъ скоро поэтическія формы перелагаются въ прозаическія. Или: мелодія перестаетъ звучать въ ушахъ, какъ скоро забывается сочетаніе звуковъ. Тоже самое и въ области вѣры. — Думается, никто не станетъ отрицать того, что религиозная истина чувствуется нами болѣе и сознается яснѣе, если предлагается въ формѣ, намъ извѣстной. Напримѣръ, — наши старообрядцы крестятся двуперстно, слагая извѣстнымъ образомъ два перста въ знакъ двухъ естествъ Богочеловѣка и три перста — во имя св. Троицы, — и не хотятъ помириться съ православнымъ троеперстіемъ, хотя въ немъ тѣ же догматическія истины и выражаются гораздо совершеннѣе. Но и для православнаго символи-

ческое обозначеніе двуперстіемъ тѣхъ же догматовъ по крайней мѣрѣ не привычно. Еще: древняя русская православная Церковь воспѣвала пророку Вожію Іліи: «Плотскій ангель, пророкомъ степеньъ».... Между тѣмъ въ настоящее время этотъ текстъ могъ бы по крайней мѣрѣ на моментъ прервать молитвенное настроеніе присутствующаго при богослуженіи, потому что онъ привыкъ слышать выраженіе той же мысли въ другой формѣ, именно: «во плоти ангель, пророковъ основаніе»... Такимъ образомъ, не имѣя догматической неизмѣняемости, церковные тексты и обряды имѣютъ значеніе для религіознаго сознанія, какъ мыслимыя формы, въ которыхъ это сознаніе усваивается вѣрующимъ. Но были историческія причины того, что внѣшняя сторона христіанства получила особенно важное значеніе въ русской Церкви.

Тогда какъ греческая Церковь, подъ вліяніемъ преобладавшей тогда александрійской учености, усвоила христіанство какъ доктрину и работилась преимущественно о развитіи богословскаго мышленія, о созданіи строгой и сложной догматики,—русская Церковь усвоила христіанство преимущественно какъ дисциплину и съ особымъ усиліемъ разработывала церковный уставъ. Если въ греческой Церкви были вѣка христіанства, когда можно было встрѣтить разсуждающихъ и спорящихъ о жизни Лиць святой Троицы или о воплощеніи единаго изъ сихъ Лиць—и на рынкахъ, и въ пекарнѣ; то, напротивъ, въ русской Церкви было время, когда все вниманіе было сосредоточено исключительно на внѣшней сторонѣ религіи, объ ней одной разсуждали и въ выполненіи ея видѣли «душеполезный путь, возводящій къ Богу». Объясняется это слѣдующимъ. Во время принятія христіанства русскій народъ по умственному своему развитію находился въ младенческомъ состояніи. Поэтому онъ и не въ силахъ былъ останавливаться своею мыслию на глубокихъ истинахъ христіанства, чтобы уяснять ихъ въ своемъ сознаніи. Вниманіе его было обращено на внѣшнюю сторону религіи: на церковное богослуженіе, на обряды, и уставы церковные. Монгольское иго, остановивъ зарождавшееся образованіе, развило чувство религіозное, потребность къ молитвѣ; а чѣмъ болѣе развивалась эта потребность, тѣмъ сильнѣе и вниманіе останавливалось на доступныхъ, видимыхъ сторонахъ религіи. И по существу дѣла, и тѣмъ болѣе благодаря отсутствію образованія, возможность теоретическаго усвоенія системы христіанскаго вѣроученія внѣ обряда была недоступна. Напротивъ, внѣшняя обрядовая сторона христіанства, какъ наглядное выраженіе отвлеченныхъ истинъ, была ближе и понятнѣе для простаго, необразованнаго народа, мало способнаго къ отвлеченному мышленію. Обрядъ такимъ образомъ естественно выступалъ на первый планъ въ христіанской жизни рус-

скихъ: не отъ вѣроученія переходили они къ обряду, какъ бы слѣдовало, а совершенно наоборотъ,—они начинали прежде всего съ обряда и уже чрезъ обрядъ и при его посредствѣ переходили не къ усвоенію только и пониманію самаго ученія, но и къ оцѣнкѣ послѣдняго. При этомъ имѣло значеніе еще одно обстоятельство,—именно то, что къ русскимъ обрядъ перешелъ уже готовый, въ существенныхъ чертахъ вполнѣ сформировавшійся и законченный,—процессъ его историческаго происхожденія и постепенной выработки остался для нихъ совершенно неизвѣстнымъ; а отсюда вышло то, что русскіе приписали обряду одинаковое происхожденіе и значеніе съ самымъ вѣроученіемъ. Для нихъ обрядъ былъ тоже, что вѣроученіе; онъ также важенъ, святъ, спасителенъ, и неизмѣненъ, какъ и вѣроученіе. Измѣнить обрядъ, по ихъ мнѣнію, значило тоже, что измѣнить вѣроученіе; иной обрядъ указывалъ и на иное ученіе, разность въ обрядѣ указывала и на разность въ ученіи, а не на иную только внѣшнюю форму его выраженія; правый обрядъ повсюду одинъ, какъ едино повсюду правое ученіе.

Такъ было въ первые вѣка христіанства на Руси. Съ теченіемъ времени дѣло осложнилось. Приравнивая обрядъ къ догмату, на Руси стали приписывать характеръ неизмѣняемости именно *русскимъ* обрядамъ, только *русскіе* обряды признавались за *православные* обряды. Причина такого направленія русской религіозной мысли кроется въ политическихъ обстоятельствахъ русскаго государства.

Извѣстно, что въ XV столѣтіи Константинополь палъ подъ напоромъ османовъ. А Москва въ это время (1480 г.) свергнула съ себя иго татарское. То и другое событіе русскіе объясняли съ религіозной точки зрѣнія, на томъ и другомъ народѣ они увидѣли мановеніе перста Божія. Греческое царство пало за измѣну православію; Русское государство возвысилось за твердое храненіе вѣры Христовой. Такой взглядъ на дѣло проводился въ сочиненіяхъ русскихъ книжниковъ того времени. Вотъ что, на примѣръ, говорилъ старецъ Елеазарова монастыря Филоеѣ въ посланіи къ великому князю. «Стараго убо Рима церкви падеся невѣріемъ аполинаріевы ереси; втораго-же Рима Константинова града церкви агаряне внуцы сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери. Сія же нынѣ третьяго новаго Рима державнаго твоего царствія святая соборная апостольская церкви, иже въ концѣхъ вселенныя въ православной христіанской вѣрѣ, во всей поднебесной паче солнца свѣтитя. И да вѣсть твоя держава, благодѣтельный царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снисдошася въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прады великій Константинъ и блаженный Владимиръ, вели-

кій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихъ же корень и до тебе.. Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христіанская царства свидошася въ твое едино; яко два Рима палаша, а третій стоитъ, а четвертому не быти: уже твое христіанское царство инемъ не останется, по великому Богослову»²⁷⁾. Что дѣйствительно политическое возвышеніе Москвы обязано храненію русскими чистоты вѣры, эту мысль высказывали даже восточные іерархи. Такъ, извѣстны слова Іереміи, патріарха константинопольскаго, рукоположившаго перваго нашего патріарха Іова: «ветхій Римъ падеся апопливаріевою ересью; вторый же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуцы отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ. Твое же, о благочестивый царю, великое русійское царствіе: третій Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая въ твое царствіе во едино собрашася, и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешися во всей вселеннѣй во всѣхъ христіанѣхъ»²⁸⁾. Другой патріархъ, Теофанъ іерусалимскій, поставившій у насъ на патріаршій престолъ Филарета Никитича, говорилъ: «видѣхъ на востоцѣ и на полуднѣ отъ поганныхъ агарянъ св. Божиимъ церквамъ запустѣніе и православнымъ христіаномъ св. греческаго закона великое насиліе и погубленіе, и утѣшенія ни откуда нѣсть, тоцію слухъ благочестиваго христіанскаго Русійскаго царя, яко той единъ на вселеннѣй владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовы... еда како благоволить Богъ сими (царями русскими) въ плѣву держимымъ грекамъ свободу, и отъ мучительства отраду (тамъ же л. 26—26 об.). Такія мысли и похвалы должны были поселить въ русскихъ религіозную самомнительность. Россія есть единственная хранительница истиннаго христіанства, чистаго православія: это доказывается и политическимъ благоденствіемъ Россіи. Русское христіанство, со всѣми мѣстными особенностями, есть единственное въ мірѣ истинное христіанство; другаго чистаго православія, кромѣ русскаго, нѣтъ, нигдѣ и быть не можетъ. Русская Церковь стала синонимомъ Церкви вселенской. Идеаль Церкви вселенской былъ заключенъ въ географическіе предѣлы церкви Русской. Отсюда сама собою слѣдовала мысль, что не о томъ слѣдуетъ заботиться, чтобы поднять уровень русской Церкви до уровня Церкви вселенской, — напр. во внѣшней сторонѣ религіи путемъ сравненія русскихъ текстовъ и обрядовъ церковныхъ съ таковыми другихъ православныхъ Церквей, — а о томъ, чтобы сохранить во всей неприкосновенности все то, что имѣла тогда Цер-

²⁷⁾ П. Никоиъ и его противники, стр. 147, примѣч.

²⁸⁾ *Кормчая*, ч. 1, (ст. со пришествіи Іереміи патріарха) л. 15—15 обор. по изд. 1787 г.

ковъ русская. А такъ какъ въ русской церковной жизни преимущественное, если не исключительное, вниманіе было обращено на вѣшнюю сторону, то обряды, обычаи и тексты церковные и именно русскіе и получили характеръ догматической неприкосновенности во мнѣніи русскихъ людей.

Такого именно мнѣнія, такого убѣжденія и были противники п. Никона. Здѣсь они и имѣли для себя принципиальную точку опоры. Къ сожалѣнію дѣло осложнилось личными ихъ счетами съ патриархомъ.

Во главѣ раздорнической партіи за все время до собора 1666 г., да и послѣ собора, стояли нѣкоторые изъ тѣхъ лицъ, которые оказали сопротивленіе патриарху при самомъ первомъ его распоряженіи — «памяти». Поэтому для разъясненія дѣла, важно знать прежнія отношенія этихъ лицъ къ Никону, когда онъ еще не былъ патриархомъ.

Полагаютъ, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, подъ главенствомъ и руководствомъ его духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, образовался особый кружокъ, въ составъ котораго вошли люди книжные, уже ранѣе заявившіе себя борьбою съ пороками и недостатками. Это были, кромѣ самого Стефана, извѣстные протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Даниль, Логгинъ и, вѣроятно, другіе. Изъ чернаго духовенства къ кружку ревнителей принадлежалъ Никонъ, какъ его видный и дѣятельный членъ, вѣроятно и епископъ коломенскій Павелъ, а изъ свѣтскихъ лицъ кружокъ пользовался особымъ сочувствіемъ и поддержкою знаменитаго ревнителя просвѣщенія, боярина Θεодора Ртищева. Благодаря своему патрону, Стефану Вонифатьеву, ревнители кружка хорошо были извѣстны царю, царю и членамъ царской семьи, которые вполне сочувствовали направленію и всей дѣятельности кружка, оказывали, особенно вѣкоторымъ его членамъ, свое полное расположеніе и благоволеніе. Дѣятельность кружка опредѣлялась наличностію существовавшихъ пороковъ и недостатковъ. На борьбу съ общественными пороками и недостатками, на борьбу съ лѣнностію и распущенностію духовенства и вооружился кружокъ ревнителей. Благодаря сочувствію и поддержкѣ царя и лицъ, его окружающихъ, кружокъ мало по малу дѣлается крупною, видимою силою, начинаетъ оказывать замѣтное вліяніе и давленіе на ходъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ. Среди его обсуждались и рѣшались разные церковные вопросы, изыскивались мѣры къ исправленію церковной и общественной жизни, и выработанныя имъ рѣшенія, благодаря царю, приводились въ исполненіе, становились обязательнымъ закономъ для всѣхъ. Даже такія дѣла, какъ на-

значеніе митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ предварительно обсуждались членами кружка, ибо царь, отъ котораго собственно зависѣло назначеніе, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по совѣту и указаніямъ своего духовника, а тотъ съ своей стороны отдавалъ эти вопросы на обсужденіе въ средѣ кружка. Вслѣдствіе этого, руководство всею церковною жизнію стало переходить въ руки кружка ревнителей благочестія, которые фактически дѣлались управителями всей русской Церкви.²⁹⁾

Такъ было въ патріаршество Іосифа. Когда умеръ этотъ патріархъ, кружекъ желалъ избрать въ патріарха самого главу ревнителей, ихъ главную силу и опору, Стефана Вонифатьева. Но, по словамъ Аввакума, тотъ отказался и рекомендовалъ Никона. «Посемъ, рассказываетъ объ этомъ Аввакумъ, Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита. А прежде его прїѣзду, духовникъ Стефанъ, моля Бога и постясь седмицу съ братією,—и я съ ними тутъ же,—о патріарсѣ, да дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ. И съ митрополитомъ казанскимъ Корнилиемъ, наисавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ—о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патріархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ». ³⁰⁾ Если дѣло было дѣйствительно такъ, то, очевидно, не только Стефанъ, но и прочая «братія» видѣли въ Никонѣ самого подходящаго человѣка для занятія патріаршей кathedры. Очень можетъ быть, что съ избраніемъ Никона у нихъ соединялись особыя надежды: они рассчитывали при немъ играть болѣе видную и дѣятельную роль въ церковныхъ дѣлахъ, нежели какую они играли при п. Іосифѣ, такъ какъ видѣли въ Никонѣ не врага, а своего друга, сторонника и даже свою креатуру. Но расчеты ихъ не оправдались. Оказалось, что «егда поставили Никона патріархомъ, такъ друзей не сталъ и въ крестовую пускать». Можно понять, какое озлобленіе, какую страстную, непримиримую ненависть должны были почувствовать къ Никону особенно болѣе пылкіе члены кружка,—тѣмъ болѣе, что прежняя солидарность Никона съ кружкомъ во взглядѣ на дѣло послѣдняго оказалась недействительною; борьба должна была перейти съ личной на принципиальную.—

Состоя преимущественно изъ провинціальныхъ протопоповъ, кружекъ ревнителей, хотя и признавалъ недостатки современной жизни и долгъ пастырей энергично бороться съ ними, но въ тоже время,

²⁹⁾ Патр. Никонъ и его противники. *Н. Кантерева*. М., 1887 г., гл. VI, стр. 102—161.

³⁰⁾ Мат. для ист. р. раск. т. V, стр. 17, стр. 261—262.

во взглядъ на русскую Церковь вообще и на отношеніе ея къ другимъ православнымъ Церквамъ, стоялъ на почвѣ тѣхъ исторически сложившихся воззрѣній, которыя были высказаны нашими книжниками еще въ концѣ XV и началѣ XVI в., и по которымъ русской Церкви отводилось первое мѣсто въ ряду другихъ православныхъ Церквей, которыми Русь признавалась единственною хранительницею и опорою чистаго, ни въ чемъ неповрежденнаго православія, уже замутившагося у самихъ грековъ. Они видѣли погрѣшности не въ самыхъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ русскихъ, а только въ неправильномъ или небрежномъ выполненіи ихъ пастырями Церкви и паствою, что дѣйствительно и нуждается въ исправленіи. Сама же русская Церковь, по мнѣнію ревнителей, до самыхъ послѣднихъ обрядовыхъ мелочей всегда оставалась и остается вѣрною во всемъ истинному православію, никогда ни въ чемъ не измѣняла ему, ни въ чемъ, даже самомъ незначительномъ обрядѣ, ничего не потеряла изъ него, и потому «не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей частицѣ канонѣвъ и пѣсней, ни у какого слова, ни у какой рѣчи, ни убавить ни прибавить ни единого слова не должно». Очевидно, что патр. Никонъ, взявшись за исправленіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, долженъ былъ разойтись съ своими бывшими друзьями кореннымъ образомъ.—

Но остается еще вопросъ. Если существовавшій на Руси подозрительный взглядъ на греческую Церковь, соединенный съ извѣстнымъ представленіемъ о Церкви русской, давалъ возможность противникамъ патр. Никона бороться за идею, то какъ же Никонъ рѣшился на дѣло приведенія русскихъ чиновъ церковныхъ и обрядовъ въ согласіе съ таковыми греческой Церкви? Не было-ли это съ его стороны произволомъ?

Дѣйствительно, указанный народный взглядъ на греческую и русскую Церковь былъ такъ устойчивъ, что имъ думалъ воспользоваться въ трудныхъ обстоятельствахъ самъ патр. Никонъ,— тотъ Никонъ, который во имя единенія съ греками предпринялъ исправленіе русскихъ книгъ и обрядовъ церковныхъ. На одномъ засѣданіи сзудившаго п. Никона собора, когда прочитали правило, что отрекшійся отъ каедръ епископъ не можетъ возвратиться на нее,—Никонъ возразилъ: «тѣ правила не апостольскія и не вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, потому что ихъ нѣтъ въ Русской Кормчей, а греческія правила не прямыя, печатали ихъ еретики». А когда, при лишеніи Никона сана, патріархъ александрійскій Паисій снялъ съ Никона клобукъ и украшенную жемчугомъ панагію, Никонъ сказалъ: «возмите все это себѣ, бѣдныя пришельцы, и раздѣлите на ваши нужды».

³¹⁾. Но очевидно, что эти слова обуславливались тою горечью, которая накопилась на душѣ подсудимаго патріарха. Но когда Никонъ стоялъ во главѣ русской Церкви и смотрѣлъ на дѣло безъ предвзятыхъ мыслей, онъ требовалъ единенія съ греческою Церковію. Важно знать, что онъ не былъ новаторомъ въ этомъ отношеніи.

Дѣло въ томъ, что указанный нами взглядъ народа на греческую Церковь утверждался на совершенно ложныхъ основаніяхъ ³²⁾. Это хорошо понимала какъ духовная, такъ и свѣтская власть. Представители ея не считали Востокъ потерявшимъ православіе и единенія церковнаго съ нимъ не разрывали. Извѣстно, что еще митр. Иона обвинялъ въ уніи только царя да патріарха греческихъ, народъ же греческій считалъ держащимся православія. Затѣмъ, хотя патр. Филаретъ съ пріѣзжавшими къ намъ греками обращался осторожно, но когда при этомъ патріархѣ троицкій архимандритъ Діонисій доказалъ свою справедливость въ спорѣ о прибавкѣ въ водосвятной молитвѣ слова «и огнемъ», то дѣло кончилось не прежде, какъ по сношеніи съ востокомъ ³³⁾. Когда при п. Іосифѣ возникъ вопросъ объ уничтоженіи въ церквахъ многогласія, московскій патріархъ счелъ необходимымъ снестись по этому дѣлу съ цареградскимъ патр. Пареніемъ ³⁴⁾. И Филаретъ и Іосифъ входили въ сношенія съ Востокомъ, конечно, не безъ согласія съ свѣтскою властію, о солидарности которой съ властію духовною во взглядѣ на православный Востокъ свидѣтельствуютъ «заздравныя» и «заупокойныя» милостыни великихъ князей и царей московскихъ, посылавшіяся на востокъ ³⁵⁾. Такъ обр. предшественникъ Никона собственнымъ примѣромъ показалъ, что слѣдуетъ «слушати и повиноватися» восточнымъ патріархамъ, — конечно, потому, что они вполне православны.

Эта мысль о православіи восточной Церкви и восточныхъ патріарховъ съ особенною силою и опредѣленностію проведена была въ двухъ изданныхъ при патр. Іосифѣ книгахъ: Кирилловой 1644 г. и особенно — въ «Книгѣ о вѣрѣ» 1648 г. «Четыре вселенскихъ патріарха, — говорится въ книгѣ Кирилловой, — даже и до днесь каждаго лѣта соборнѣ, такоже и по единому, писанными своими право и неизмѣнно вѣру, данную имъ отъ св. апостоль, и ихъ учениковъ, и седми вселенскихъ соборовъ, и помѣстныхъ соборовъ, ни въ чемъ не

³¹⁾ *Макарія* «Ист. русск. Церкв.» т. XII, стр. 733—735 и 744.

³²⁾ *Субботина*: О православіи греческой Церкви въ Душ. Чт. 1865, № 6 и 12, а также въ Прав. Собесѣд. 1866 г., № 10.

³³⁾ А. И. I, № 47; *Макарія* т. XI, стр. 10—20.

³⁴⁾ *Макарія* Ист. р. Церкв. т. XI, стр. 170—175.

³⁵⁾ Характеръ отнош. Россіи къ правосл. Востоку въ XVI и XVII ст., гл. IV, стр. 105—145.

разрушающе, ни прикладая, ни отлагая, проповѣдали и проповѣдуютъ, держали и держать, и славятъ Пресвятую Троицу, Отца, и Сына, и Св. Духа». Еще прямо характеризуется положеніе греческой Церкви подъ игомъ невѣрныхъ турокъ въ Книгѣ о вѣрѣ. Здѣсь читаемъ: «святая восточная въ грецѣхъ обрѣтенная церковь правымъ царскимъ путемъ, аще и вельми тѣснымъ, но обаче отъ Исуса Христа Бога и Спаса нашего и истинныхъ его наслѣдниковъ утлаченнымъ, ни направо, ни на лѣво съ пути не совращаяся къ горнему Иерусалиму сына своя препровождаетъ, въ давномъ отъ Господа Бога терпѣніи; и ни въ чемъ установленія Спасителя своего и блаженныхъ его учениковъ, и святыхъ отецъ преданія, и седми вселенскихъ соборовъ, Духомъ святымъ собранныхъ уставъ не нарушаетъ, ни отмѣняетъ, и въ малѣйшей части не отстуетъ, ни прибавляя, ни отнимая что, но яко солнце одинакою лучею правды всегда, аще и въ неволѣ пребывая, свѣтится правою вѣрою». Поэтому, говорится далѣе, — «да заградятся всякая уста глаголющихъ неправду, гордынею и уничиженіемъ, на смиренныхъ грековъ». «Русійскому народу патріарха вселенскаго, архіепископа Константинопольскаго, слушати и ему подлежати и повиноватися въ справахъ и науцѣ духовной есть польза, и приобрѣтеніе велие, спасительное и вѣчное»³⁶). Можно судить, какой сильный удар наносили эти книги тѣмъ представленіямъ русскихъ, по которымъ истинному благочестію теперь слѣдовало учиться не русскимъ у грековъ, а совершенно на оборотъ. Но... пока еще не всѣ усвоили эти мысли книгъ Кирилловой и о вѣрѣ. Никонъ глубоко былъ убѣжденъ въ несомнѣнной справедливости ихъ. Поэтому, послѣ «восточныхъ патріарховъ онъ не могъ не позаботиться объ устраненіи повода этихъ «зазираній». Но, какъ мы уже знаемъ, иначе смотрѣли на дѣло противники патр. Никона.....

И такъ, теперь понятнымъ становится фактъ первоначальнаго столкновенія патр. Никона съ противными ему протопопами. Дѣло объясняется такъ. Никонъ взялся за исправленія церковныя по поводу извѣстъ, вслѣдствіе зазираній восточныхъ патріарховъ. Слѣдовательно, онъ началъ дѣло не «самъ собою», не самопроизвольно. Но съ другой стороны слѣдованіе указаніямъ восточныхъ святителей не было слѣдствіемъ невѣдѣнія со стороны Никона. Напротивъ, онъ искренно вѣрилъ въ свое дѣло, былъ глубоко убѣжденъ въ его справедливости. Необходимость единенія съ Церковью восточною создалась и прежде и въ патріаршество, предшествовавшее никонову, эта мысль получила особенную силу и значеніе. Такимъ образомъ и съ этой

³⁶) Кириллов. книга, л. 93 по изд. 1786 г. Гродно. — Кн. о вѣрѣ, л. II, XX, XXV, л. 27 об. — 28 и др. по изд. 1648 г.

стороны произвола не было; патриархъ только и сдѣлалъ, что выполнилъ завѣщанія своего предшественника. Онъ не могъ оставить этого дѣла. Всею своею тяжестью оно ложилось на его совѣсть, какъ первенствующаго іерарха русской Церкви. Кому, какъ не патриарху, было позаботиться о поднятїи уровня помѣстной русской Церкви во внѣшней сторонѣ религіи до уровня Церкви вселенской?! Какъ несправедливы поэтому увѣренія противниковъ п. Никона, будто бы онъ взялся за дѣло самопроизвольно, безъ всякой нужды, не зная того, что дѣлалъ, и удовлетворялъ только своему честолюбію, «ища славы»!

Противники п. Никона заблуждались. Они стояли на почвѣ ложныхъ воззрѣній. Къ тому же они дали просторъ и личнымъ страстямъ. Поэтому ихъ образъ возстаетъ подъ мрачными тѣнями. Правда, и они дѣйствовали по увѣженію, и ихъ поступки обуславливались искренностію. Недовольные патриархомъ лично, они боролись вмѣстѣ и за идею. Но идея эта была ложною идеею. А потому она можетъ дать только объясненіе факту, но не даетъ оправданія лицамъ, въ фактѣ этомъ замѣшаннымъ. Дѣйствительно, можно вѣрить и въ неправое дѣло, можно искренно защищать ошибку. Такъ и было съ первыми противниками патр. Никона. Они дѣйствовали по принципу; но подъ давленіемъ личнаго раздраженія они не хотѣли обсудить свой принципъ по существу и не замѣчали его ложной подкладки. Они подозревали православіе греческой Церкви и, напротивъ, русской Церкви приписывали характеръ вселенскій, — считали ее непогрѣшимой не только въ вѣрѣ, но и въ обрядахъ и послѣднимъ приписывали значеніе догматической неизмѣняемости, — это ошибка. Они ошибочно полагали, что стоять за обряды значитъ стоять за вѣру. Но на этой ошибкѣ, на этомъ ложномъ основаніи они воздвигали великое знамя православія. Они утверждали, что ратуютъ за вѣру Христову, — а всѣ знали, что бороться за вѣру есть первая и главнѣйшая забота, ибо въ жизни все, отъ малѣйшаго житейскаго шага, до состоянія государства, зависитъ не отъ людей, а отъ Бога. На Руси всегда болѣе всего боялись еретичества; обвиненіе въ ереси было самымъ страшнымъ. Теперь противники патр. Никона въ своей борьбѣ съ патриархомъ взяли именно эту точку отправленія. А отсюда слѣдовалъ, хотя въ существѣ и несправедливый, но логически необходимый выводъ, что исправленія п. Никона затрогиваютъ и разрушаютъ то, что дорого и само по себѣ, и какъ завѣтная и неприкосновенная основа всей русской жизни. Этотъ выводъ казался сильнѣе каноническихъ правилъ, и потому возмутившіеся протопопы, вопреки церковнымъ канонамъ, отдѣлились отъ своей законной іерархіи. Однимъ словомъ, сопротивленіе исполнѣ понятно и нужно было

ожидать, что оно будет упорно. И такъ, принципиальная сторона дѣла разъясняетъ— какъ завязывался узелъ великой исторической борьбы, известной подъ именемъ раскола; но, повторяемъ, этимъ не смывается окончательно черное пятно съ личности противниковъ Никона.

Русскій расколь старообрядства.

(Изъ публичныхъ чтеній).

Продолженіе *).

ГЛАВА III.

3). Эсхатологическія чаянія на Руси въ половинѣ XVII вѣка, какъ основаніе для протеста дѣлу п. Никона. Сущность ученія первыхъ противниковъ Никона о «настаніи послѣднихъ временъ». Историческая справка по данному вопросу: а) эсхатологическія идеи въ твореніяхъ отцовъ и учителей Церкви первыхъ вѣковъ христіанства; б) причины усиленія и развитія таковыхъ идей въ византійскій періодъ, историческія свидѣтельства объ этомъ; в) ожиданія кончины міра въ Россіи въ періодъ до половины XVI в.

Изъ вышесказаннаго можно видѣть, какъ легко было впасть въ заблужденіе людямъ, составившимъ оппозицію дѣлу п. Никона. Къ точно такому же выводу мы придемъ, если обратимся къ другимъ старонамъ дѣла. Выше, при изложеніи содержанія сочиненій представителей оппозиціонной партіи, мы указывали, что противники

*). См. прлбав. къ 14—15 МЖ ряз. епарх. вѣд. за 1890 г.

Никона говорили между прочимъ, что Никонъ началъ свои «исправленія» *въ послѣднія времена*; а въ послѣднія времена — думали темные люди — какое можетъ быть исправленіе вѣры? Основіемъ для нихъ въ давномъ случаѣ служило то, что событія происходили не только въ 8 вѣкѣ или, что тоже, въ 8 тысячѣ лѣтъ, когда должна послѣдовать кончина міра, но и близко 1666 г., заключавшаго въ себѣ апокалипсическое число звѣря (апок. XIII, 18) и потому, по предсказанію Книги о вѣрѣ, очень опаснаго для чистоты вѣры. Данный аргументъ имѣлъ громадное значеніе въ глазахъ противниковъ Никона, а потому всѣ относящіяся сюда разъясненія должны пролить обильный свѣтъ на вопросъ о происхожденіи раскола.

Издавна существуетъ въ литературѣ мнѣніе, по которому ученіе первыхъ противниковъ Никона о «настатіи» послѣднихъ временъ заключалось будто бы въ томъ, что въ 1666 году въ русской Церкви воцарился антихристъ — именно въ лицѣ патр. Никона. Въ качествѣ несомнѣннаго и вѣрнаго, это мнѣніе повторяется въ сочиненіяхъ послѣднихъ дней, ¹⁾ даже специалистами, ²⁾ и вошло въ «руководства» по обличенію раскола. ³⁾ Тѣмъ не менѣе мнѣніе это ошибочно. Въ настоящее время, когда большая часть сочиненій первыхъ расколотыхъ учителей уже напечатана, этотъ вопросъ приходится рѣшать иначе, — и это уже въ литературѣ основательно доказано. ⁴⁾ Насколько известно, только двое изъ первыхъ противниковъ Никона учили, что съ 1666 г. настало царство антихриста: это — игуменъ Златоустовскаго монастыря Теофилъ и монахъ Визюкова монастыря Ефремъ Потемкинъ. Первый въ своемъ сочиненіи «объ антихриствѣ и тайномъ царствѣ его» доказывалъ бытіе духовнаго, мысленнаго антихриста, ⁵⁾ а второй видѣлъ антихриста въ патр. Никонѣ. ⁶⁾ Правда, были и другіе ревнители старины, которые «блзняясь о послѣднемъ антихриствѣ» (Мат. д. ист. раск. т. V, стр. 250), «Никона, бывшаго патріарха, мнили самого антихриста быти» (т. VI, стр. 267) а равно и

¹⁾ Прав. Обзор. 1889 г. май—июнь, стр. 202—203.

²⁾ Собр. соч. арх. Павла, ч. III, Москва, 1888 г., № 10, стр. 176.

³⁾ Проф. *Ивановскаго*, ч. I стр. 62—63, Казань, 1887 г. — *К. Плотникова* стр. 162—163, Петрозаволскъ, 1889.

⁴⁾ Христ. Чт. 1889 г., № 5—6 стр. 693—719.

⁵⁾ *Сырцовъ*, возмущ. Солов. мон. въ XVII в. стр. 130—140.

⁶⁾ Дѣян. Моск. собор. 1666—67 г.г., изд. 1881 г., стр. 25 и 62. *Врагъ Слово* за 1875 г., кн. IV, стр. 645—646.

такіе, которые «пришествіе пророковъ» (Иліи и Эноха) полагали «въ притчи, а не истинно» (т. V стр. 216); но, по выраженію діакона Θεодора, это были «лжесловестники». «не вѣдущіе святыхъ писаній и прельщенные бабьими баснями» (VI, стр. 268), «мудрствовавшіе», по суду прот. Аввакума, «неправедно, нечестиво и противно писанію» (т. VIII, стр. 78) или, какъ выражался инокъ Авраамій, — «отъ невѣдѣнія божественнаго писанія» (т. VII, стр. 419). Что же касается тѣхъ противниковъ Никона, которые стояли въ главѣ протеста и руководили другими, то они учили только о томъ, что съ 1666 года началось въ мірѣ то всеобщее отступленіе, о которомъ говоритъ апостоль Павелъ (2 сол. II, 3) и послѣ котораго должно послѣдовать пришествіе въ мірѣ антихриста, а затѣмъ и кончина міра. Эту главную мысль они старались доказать какъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ до собора 1666 г.—что мы выше и видѣли,—такъ и въ сочиненіяхъ, писанныхъ послѣ этого года. Вѣря въ истинность словъ писателя Книги о вѣрѣ, расколоучители утверждали, что сказанное имъ (въ 30 главѣ о числѣ 1666) уже исполнилось — «сбылось» (т. V, стр. 227; т. VI, стр. 65—66), но не въ томъ смыслѣ, будто бы въ 1666 году явился антихристъ и настало его царство, чего не утверждалъ даже и писатель Книги о вѣрѣ, а въ томъ, что съ 1666 года, и даже раньше этого года, и великая россія, согласно предсказанію писателя Книги о вѣрѣ, начала отступать отъ православія и поклоняться къ Риму и его нечестію, съ 160 года, по словамъ Аввакума, патр. Никонъ и царь Алексѣй «начаша казити въ россіи христіанскую вѣру» (т. V, стр. 229), или, по выраженію діакона Θεодора, «по исполненіи 60 лѣтъ послѣ увѣи въ величій Россіи, попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради нашихъ, ведѣй раздоръ церковный учивился и Никонъ патріархъ символъ православной вѣры инако измѣнилъ и вся церковныя догматы переложилъ и книги старыя превратилъ безъ вины» (т. VI стр. 17 и 156), а съ 1666 года, по богохульному выраженію Аввакума, «мерзость запустенія, сирѣчь на олтари не православная служба стала» (т. V, стр. 227), или, по словамъ діакона Θεодора, «Богу попустившу, сатана восхотѣ свое дѣло совершити и великое россійское царство отторже сатана хоботомъ своимъ Никономъ» (т. VI, стр. 284). Попъ Никита старался доказать одну только мысль—ту, будто бы въ изданныхъ п. Никономъ книгахъ и особенно въ Скрижали «древнихъ еретиковъ останки богохульные» содержатся (т. IV, стр. 3), и это потому, что Никонъ «богоотмѣтную всю римскую вѣру» возлюбилъ, а Богомъ любимую непорочную во Христа вѣру россійскаго государства всю возненавидѣлъ, и въ ней издревле отцепреданные христіанскіе обычаи до конца отринулъ» (т. IV, стр. 85—6). Все это, по словамъ Никиты, совершилось про

тивъ (т. е. согласно) писанія Книги о вѣрѣ, авторъ которой, указавши на «отпаденіе отъ восточной Церкви, по 1000 лѣтъ отъ воцѣленія Божія слова, Рима», и на «оторваніе отъ восточной Церкви въ 95-е лѣто по тысящи жителей въ малой Русіи», «оберегая», писалъ: «егда исполнися 1666 лѣтъ, да не ято бы отъ прежде бывшихъ винъ зло некаково не пострадати и намъ» (т. IV, стр. 163—164). По увѣренію расколоучителей, это «отступленіе» — уже послѣднее. «Инаго отступленія уже нигдѣ не будетъ, говорили они: вездѣ бо бысть; послѣдняя Русь здѣ. И отъ часа сего на горшее происходить будетъ царьми нечестивыми» (т. V, стр. 227—228; т. VI, стр. 66 и 311) «Слышите паки, паки, правовѣрніи братіе, писалъ диаконъ Ѳеодоръ, — яко второе Христово пришествіе близъ есть..... Уже всѣ отступленія совершишася, по писанію, во всѣхъ царствахъ» (т. VI, стр. 181); а «по отступленіи антихристъ придетъ скоро» (т. VI, стр. 178) «по антихристъ же скоро яко молнія придетъ Христосъ и убіетъ его духомъ устъ своихъ упразднить явленіемъ пришествія своего, по апостолу» (т. VI, стр. 181). Итакъ, вотъ какой Х смыслъ имѣло ученіе противниковъ п. Никона о «послѣднихъ временахъ»: въ послѣднее время подобаетъ быть послѣдному «отступленію»; этимъ — то именемъ противники Никона и окрестили всѣ его *исправленія*.

Здѣсь нельзя не отмѣтить одного, именно: въ какомъ году и великая Россія пострадала также, какъ прежде пострадали «римляне и литва» (т. VII, стр. 423) и въ ней началась чрезъ Никона «пестробразная антихристова прелесть» (т. VII, стр. 265 и 428)? Какъ сказано выше, такимъ годомъ расколоучители признавали, согласно предсказанію Книги о вѣрѣ, 1666-й. «Число звѣря 666, по выраженію инока Авраамія, сошлось на нынѣшныя лѣта (т. VII, стр. 404). Но подъ этимъ годомъ у нихъ разумѣлся не тотъ 1666 годъ, когда происходилъ извѣстный московскій соборъ, а 1658 й по нашему численію. Какъ извѣстно, раскольники отличаютъ отъ насъ въ лѣтосчисленія отъ сотворенія міра, полагая, что Спаситель міра родился не въ 5508, какъ принято у насъ, а въ 5500 году отъ созданія міра. Вслѣдствіе этой разности — на 8 лѣтъ (т. IV, стр. 194), 7160 годъ отъ сотворенія міра, когда Никонъ вступилъ на патриаршій престолъ, по нашему лѣтосчисленію будетъ 1652 годомъ отъ рождества Христова, а по исчисленію противниковъ Никона, 1660-мъ (т. V, стр. 229, 264; т. VI стр. 15 и 17); а слѣдовательно и 1666 годъ отъ воцѣленія Господня, по исчисленію расколоучителей падалъ на нашъ 1658, и, наоборотъ, 1666 годъ, по нашему лѣтосчисленію, у расколоучителей былъ уже 174 годомъ (т. V, стр. 226; т. VI, стр. 63) Читатель будетъ имѣть случай узнать, какое значеніе имѣетъ настоящее

замѣчаніе о лѣтосчисленіи. А мы пока пойдемъ дальше въ разъясненіи даннаго вопроса.

Какъ ни интересенъ вопросъ о томъ, когда настануть «последнія времена», будетъ пришествіе антихриста и кончина міра,—слово Божіе не рѣшаетъ его. *Не ваше дѣло знать времена и сроки, которые Отецъ положилъ въ своей власти* (дѣян. I, 7)—вотъ отвѣтъ Спасителя своимъ ученикамъ и вообще всѣмъ, желающимъ знать о времени втораго пришествія Спасителя и вообще о послѣднихъ временахъ. *Внезапно день тотъ, какъ спятъ, найдетъ на всѣхъ живущихъ по всему лицу земному* (Лук. XXI, 35)—говорилъ Спаситель о времени скорбей и бѣдствій, ожидающихъ христіанъ въ послѣднія тяжкія времена. И апостолъ Павелъ, преподавши солунскимъ христіанамъ ученіе о второмъ пришествіи Христовомъ (1 Сол. IV, 13—18), о времени этого пришествія замѣчалъ: *о временахъ же и срокахъ нѣтъ нужды писать къ вамъ, братіе: ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень придетъ, какъ тать ночью* (V, 11—12). И Христосъ (Мѡ. XXIV, 5—41) и апостолъ (2 сол. II, 5—8) указали только признаки послѣдняго времени. Между тѣмъ, съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства человѣческое чувство стремилось къ тому, чтобы приподнять завѣсу будущаго, опредѣлить время наступленія послѣднихъ событій міра и Церкви. Явились мнѣнія о времени пришествія антихриста и кончины міра. Условія жизни, въ которыхъ находились христіане первыхъ временъ, способствовали и даже останавливали ихъ вниманіе на этомъ именно предметѣ. Съ одной стороны еретики въ нѣдрахъ самой Церкви, съ другой—внѣшнія гоненія отъ римскаго владычества—все это настроивало на мысль о скоромъ наступленіи конца міра. Въ своихъ разсужденіяхъ о послѣднихъ дняхъ міра христіанскіе писатели старались дополнить и разоблачить въ ясную и положительную форму то, о чемъ въ сваш. Писаніи сказано кратко и прикровенно. По свидѣтельству епископа ліонскаго Иринея ⁷⁾ и историка Евсевія, ⁸⁾ первый, кто развивалъ эсхатологическія идеи, былъ Папій, еп. іерапольскій, жившій еще въ вѣкѣ апостольскій. Затѣмъ раскрытіе того же предмета находимъ у о. Церкви: а) Иринея Ліонскаго († 202) въ его извѣстномъ сочиненіи «Противъ ересей», б) ученика Иринея св. Ипполита (III в.), епископа пристани близъ Рима въ сочиненіи «о Христѣ и антихристѣ», в) св. Кирилла Іерусалимскаго (IV в.) въ «XV огласительномъ словѣ», и др. Писатели старались

⁷⁾ Противъ ересей V, стр. 674. Москва 1871.

⁸⁾ Церков. ист. кн. III, глав. 39.

прежде всего опредѣлить время пришествія Мессіи, каковое, согласно съ іудейскимъ преданіемъ, назначалось по истеченіи 6 тысячъ лѣтъ отъ сотворенія мира. Основаніемъ для такого вычисленія служила главнымъ образомъ исторія міротворенія, а потомъ и другія событія ветхозаветной Церкви. ⁹⁾ Но для насъ важнѣе знать то, откуда выводили антихриста и что считали главнымъ признакомъ его пришествия. Отвѣтъ на это находимъ не только у указанныхъ отцовъ Церкви, но и у другихъ. Уже у Иринея *римская имперія* представляется послѣднею державою, съ паденіемъ которой долженъ явиться антихристъ: причемъ антихристомъ будетъ одинъ изъ 10 царей, между которыми, по Даніилу, раздѣлится римское царство. Поэтому, прилагая къ антихристу разныя имена, заключающія, по Апокалипсису, въ себѣ число звѣрино 666, св. Иринеи придаетъ особенную силу имени *λαβειρος* ¹⁰⁾ Затѣмъ Тертулліанъ, пресвитеръ карагенской Церкви (около 150—240), считалъ твердость римскаго государства замедленіемъ конца міра. Назвавши царство антихриста «величайшею силою, угрожающею всему міру», этотъ церковный учитель говоритъ далѣе: «мы знаемъ, что самый конецъ міра, угрожающій страшными жестокостями, задерживается (2 сол. II. 7) строемъ римской имперіи. ¹¹⁾ Вполнѣ согласно съ Иринеемъ училъ и св. Ипполитъ, полагавшій явленіе антихриста въ самой римской имперіи. ¹²⁾ Отъ IV в. до насъ дошли мнѣнія св. Златоуста (347—407) и Кирилла Іерусалимскаго. Первый, толкуя слова апостола, прямо говоритъ, что въ 2 Сол. II, 7 апостоловъ «глаголетъ о римстѣй власти». ¹³⁾ Св. Кириллъ, послѣ характеристики антихриста, замѣчаетъ: «придетъ же предсказанный антихристъ тогда, когда окончатся времена римскаго царства, и приблизится скончаніе міра.» ¹⁴⁾ Вообще въ древнѣйшей христіанскій періодъ времени явленіе антихриста тѣсно связывали съ паденіемъ римской имперіи, такъ что эти два событія представляли почти одновременными. Вмѣстѣ съ тѣмъ самый антихристъ выводился изъ

⁹⁾ Подр. см. въ книгѣ Сахарова: эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древн. русск. писм., стр. 5—19.

¹⁰⁾ Противъ ересей, кн. V, гл. 26, 28 и 30, стр. 651—52, 658.

¹¹⁾ Прав. Обозр. 1889 г. т. II, стр. 432—433.

¹²⁾ Слово св. Ипполита объ антихристѣ. М. 1882. гл. 28—29, 43, 50 стр. 51—53, 77 и 99.

¹³⁾ Бесѣд. на 14 послан. ч. 2, стр. 1193, изд. 1767 года.

¹⁴⁾ Оглас. поуч. XV, пер. 1822 г., стр. 318—319.

Рима. Возможно — ли было соединить то и другое и какое значение имело последнее обстоятельство на учение объ антихристѣ въ послѣдующее время, — узнаемъ послѣ.

Римъ палъ политически въ V вѣкѣ; но кончины міра не послѣдовало. Тогда стали думать, что подъ Римомъ нужно разумѣть не древній языческой Римъ, а второй, новый христіанскій Римъ — Константинополь, который и будетъ существовать до скончанія вѣка. Пытливия гаданія о кончинѣ міра теперь не только не прекратились, но и въ некоторомъ отношеніи еще больше усилились. Причиной этого заключалась въ состояніи просвѣщенія того времени и въ историческихъ обстоятельствахъ. Состояніе просвѣщенія въ Византіи съ начала 6-го вѣка, со времени Юстиніана до паденія Константинополя (529—1453), характеризуется упадкомъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ. При отсутствіи научныхъ изслѣдованій, отрезвляющихъ мысль человѣка и сообщающихъ правильный взглядъ на вещи, въ обществѣ развивалось суевѣріе и мистицизмъ. Вопросы о кончинѣ міра и о будущей загробной жизни, какъ самыя таинственные и неизвѣстные, естественно должны были больше всего занимать вниманіе человѣка. Общему характеру просвѣщенія явились на помощь историческія обстоятельства, чтобы совместно волновать людей и заставлятъ ихъ ожидать скорого конца міра. Въ это время церковь Христова начинаетъ терпѣть величайшія оскорбленія и притѣсненія отъ варваровъ — негріателей. Достаточно вспомнить, что въ VII в. явился Магометъ, имѣвшій огромное влияние на міръ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ и причинившій неслыханное зло истинной Церкви Жестокости и убійства, поруганія надъ вѣрой и насилія знаменовали набѣги послѣдователей Магомета на христіанъ. Въ XI в. явился жесточайшимъ гонителемъ вѣры христіанской въ тетеліи 20-лѣтняго своего царствованія (1021—1040) калифъ египетскій Хакимъ изъ фамиліи Фатимидовъ, овладѣвшихъ Сирією и Палестиною. Весьма естественно было христіанамъ и безъ того настроеннымъ, какъ мы видѣли, мистически, представлять тогдашнее время послѣдними временами міра, не находя утѣшенія въ этой жизни, обратиться всеми своими помыслами къ жизни будущей. И вотъ, явилось множество легендарныхъ сказаній, которыя спеціально посвящаются изображенію судьбы міра; кромѣ того — житія святыхъ, толкованія на св. Писаніе и сочиненія историческія — трактуютъ о приближеніи кончины міра. Въ этихъ произведеніяхъ упоминались мнѣнія христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ; но при этомъ другія условія жизни и новыя историческія обстоятельства давали всему древнему новый колоритъ. Шеститысячный годъ промель, а потому гаданія о времени кончины міра, на разныхъ осно-

ваніяхъ, перенесены были на 7000-й годъ отъ сотворенія міра. Византійская имперія не въ примѣръ имперіи римской, не считается колыбелью антихриста (онъ производится отъ тѣхъ народовъ, которые дѣлають гибельныя нашествія на христіанъ), а признается силою, удерживающею явленіе антихриста т. е. византійская имперія теперь считается какъ прежде римская, послѣднею, по совершеніи судебъ которой долженъ кончиться міръ. Первымъ памятникомъ въ которомъ явленіе антихриста и кончина міра связывается съ 7000 мь годомъ, служить пророчество Тибуртинской Сивиллы¹⁵⁾. А въ житіи Андрея Юродиваго¹⁶⁾, жившаго по однимъ: въ V—VI в., а по другимъ: въ IX—X в.,—и въ житіи Іакова Жидовина¹⁷⁾, крестившагося при Иракліѣ,—кромѣ того, окончаніе міра связывается съ паденіемъ Константинополя. Тоже самое находимъ въ словѣ «О царствѣ народовъ»¹⁸⁾. На ряду съ легендарными сказаніями мысль о близости кончины міра проводилась и въ другихъ литературныхъ памятникахъ историческаго и истолковательскаго характера. Георгій Кедринъ, византійскій историкъ XI в., пытался опредѣлить время кончины міра, въ началѣ своей исторіи говоритъ о 7 днѣ творенія, какъ о прообразѣ седьмой тысячи, за которою послѣдуетъ конецъ міра. Въ XII в. Григорій Коринскій находилъ прообразъ 7000 лѣтняго существованія міра въ семи воскресныхъ дняхъ пятидесятницы. Многіе доходили до опредѣленія времени кончины міра посредствомъ мистическаго толкованія чиселъ, заключающихся въ именахъ Χριστός и Σταυρός¹⁹⁾ (1480 и 1271). Къ Парю-граду ближе и ближе подступали тогда невѣрныя. Чтобы утѣшить и успокоить себя, христіане сильнѣе и сильнѣе выражали ту мысль, что Константинополь падетъ вмѣсто съ окончаніемъ міра. Іосифъ Врѣвнній, жившій незадолго до паденія Константинополя, сказавши, что градъ Константина не долженъ погибнуть, какъ посвященный Богоматери, сразу же добавилъ: «и подлинно, великій сей городъ уничтожится, когда уничтожится самый міръ сей»²⁰⁾. Общее настроеніе проникло и въ древнія греческія пасхалии. Самая обширная изъ греческихъ пасха-

¹⁵⁾ Эсхатол. сказан. Сахарова стр. 25—26. Тула, 79.

¹⁶⁾ Житіе св. Андрея подъ 2 октября въ Чет. Минеи Макарія, изд. археолог. комиссії, стр. 209—220.

¹⁷⁾ Прав. Собесѣд. 1858 г., ч. 2, стр. 148—149.

¹⁸⁾ Памятн. отреч. литер. II. 213.

¹⁹⁾ Прав. Собесѣд. 1860 г. ч. 3, стр. 343.

²⁰⁾ Православ. Собесѣд. 1858 г. ч. 2, стр. 146—148.

лій, составленныхъ въ періодъ времени отъ X—XV в., не простирается далѣе седмтысячнаго года отъ сотворенія міра. Сами пасхаліи указывали на причину этого, говоря, что по окончаніи 7 тысячъ лѣтъ послѣдуетъ кончина міра.²¹⁾ Въ XIV в. мысль о кончинѣ міра съ окончаніемъ седьмаго тысячелѣтія перешла въ богослужебныя книги греческой Церкви. Никифоръ Каллистъ († около 1341) въ синаксарѣ своемъ на недѣлю мясопустную хотя и говоритъ, что время втораго пришествія Христова никому не извѣстно, но прибавляетъ: «говорятъ, что оно совершится по седьмой тысячи».²²⁾ Такими ожиданіями волновались христіане! Въ 1453 году Константинополь дѣйствительно палъ, но кончины міра не послѣдовало даже и въ 7000 т. е. 1402 году. Тѣмъ не менѣе, византійскія эсхатологическія идеи имѣли очень важное значеніе для развитія подобныхъ же идей въ Россіи. Россія приняла христіанство изъ Византіи въ то самое время, когда тамъ вопросъ о близости кончины міра былъ въ полномъ разгарѣ. Не замедлили и русскіе писатели приобщиться къ общему настроенію умовъ на Востокѣ и едва не съ первыхъ временъ христіанства въ Россіи мы встрѣчаемся съ мыслью о близости кончины міра, которая въ XV и XVI в. — обратилась въ главный вопросъ времени. Въ первый разъ въ русской письменности съ этою мыслью мы встрѣчаемся въ словѣ «о небесныхъ силахъ», которое приписывается то Кириллу Туровскому, то Авраамію Смоленскому²³⁾. «Устави Богъ, говорится здѣсь, рокъ на земли житія челоувѣческаго 7000 лѣтъ».²⁴⁾ Въ XIV в. мысль о кончинѣ міра по окончаніи 7000 лѣтъ мы находимъ въ житіи св. Сергія Радонежскаго (1319—1397). Епифаній, авторъ житія этого святаго, говоритъ, что такой свѣтильникъ въ русской землѣ, какъ св. Сергій, недаромъ возсіялъ на скончаніи седьмой тысячи лѣтъ.²⁵⁾ Тотъ же Епифаній, описывая жизнь Стефана Пермскаго († 1396), передаетъ мнѣніе о немъ его современниковъ, которые говорили, что Господь помилосерствовалъ о народѣ Пермскомъ и на исходѣ числа седьмой тысячи лѣтъ послалъ ему христіанскаго

²¹⁾ *ibid.* 1860 г. ч. 3, стр. 347.

²²⁾ Эсхатолог. сказан. Сахарова стр. 31.

²³⁾ *Шевыревъ.* Ист. р. словенс. Моск. 1858, ч. 3 прел. стр. XII.

²⁴⁾ Эсхатолог. сказанія Сахарова, стр. 54.

²⁵⁾ *Шевыревъ.* Ист. р. словесн. Моск. 1860, ч. IV, стр. 82.

²⁶⁾ *ibid.* ч. III, стр. 139, сн. ч. IV стр. 82—83.

просвѣтителя въ лицѣ Стефана.²⁶⁾ Касательно же изобрѣтенія имъ пермской грамоты замѣчали, что не стоило изобрѣтать ее къ концу вѣка, который послѣдуетъ чрезъ 120 лѣтъ.²⁷⁾ Въ посланіи митр. Кипріяна (1376—1406) къ высокому игумену Аѳанасію, кромѣ наставленій, вызванныхъ разными мнѣніями высококихъ монаховъ, находимъ также мысль о скоромъ наступленіи кончины міра.²⁸⁾ Въ одномъ часословѣ, который названъ кипріяновскимъ, и, судя по всѣмъ признакамъ, долженъ быть отнесенъ къ XIV в., читаемъ: «посланіе отъ невидимаго отца Господа нашего Іисуса Христа», гдѣ, между прочимъ, сказано: «а лѣта и времена и дни кончаются, а страшный судъ готовится».²⁹⁾ Въ XV в. вопросъ о близости кончины міра все болѣе и болѣе занималъ умы людей, пот. что седьмое тысячелѣтіе приближалось къ концу. Къ тому же въ это время русскую землю стали постоянно посѣщать голодъ, черная смерть, засуха, пожары; эти бѣдствія понимались современниками въ смыслѣ Мс. XXIV, 7—8. Эту мысль раздѣляли и тогдашніе писатели. Такъ, митр. Фотій (1410—1431) называлъ свое время послѣднимъ.³⁰⁾ Въ грамотахъ въ которыхъ архипастырей упоминается роковое *послѣднее сто*. Въ грамотѣ 1455 г. Ѳеодосія, архіепископа ростовскаго, читаемъ такія слова: «яко же нынѣ прилучися седьмая тысяща послѣдняго ста 63 го лѣта».³¹⁾ На рукописи, содержащей слово Аѳанасія Александрійскаго († 373), въкто Тимоѳей Веніаминъ, переписчикъ, окончивая въ 1489 г. свой трудъ, написалъ: «писахъ къ вечеру солнечнаго дне захода, седморичнаго реку вѣка»,—по обще распространенному тогда мнѣнію въ это время уже началось царство антихриста.³²⁾ Подобно греческимъ пасхаліямъ, наши пасхаліи доведены были тоже до седмьтысячнаго года отъ сотворенія міра, причемъ въ нихъ указывалась и причина этого обстоятельства. Такъ, въ одной русской пасхаліи противъ 1492 г. было написано: «здѣ страхъ, здѣ скорбы! Аки въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть, сіе лѣто и на концѣ явися, вл. неже чаемъ и всемірное твое пришествіе».³³⁾ Согласно съ нѣкоторыми апокрифическими сказаніями, мартъ мѣсяць считался тогда

²⁷⁾ *ibid.* ч. IV стр. 83.—*Порфирьевъ*. Ист. р. слов. ч. I, стр. 374.

²⁸⁾ *Порфирьевъ* Ист. р. словесн. ч. I стр. 350, Казань, 1870.

²⁹⁾ *Шевыревъ*. Ист. русск. слов. ч. IV, стр. 83—84.

³⁰⁾ *ibid.* ч. III, стр. 339, Москва, 1858.

³¹⁾ и ³²⁾ *ibid.* ч. IV, стр. 83.

³³⁾ *Порфирьевъ* Ист. русск. слов. ч. I, стр. 374, изд. 1870,

роковымъ мѣсяцемъ ³⁴⁾. «Для умовъ, одержимыхъ грубымъ суевѣ-
ріемъ вѣка, говорить Шевыревъ, тяжела была ночь на 25 марта
1492 г.. Рѣбкіе люди въ эту ночь съ трепетомъ ужаса ожидали
всемірнаго звука трубы архангеловъ Михаила и Гавріила». ³⁵⁾. Когда
1492 годъ прошелъ благополучно, многіе повѣрили хуламъ появив-
шихся тогда еретиковъ жидовствующихъ, будто христіанская вѣра
содержитъ въ себѣ ложныя пророчества,—и совратились въ ересь.
Іосифъ Волоцкій, защищая въ 8 словъ своего «Просвѣтителя» про-
тивъ жидовствующихъ тѣ отеческія писанія, на основаніи которыхъ
ожидали кончины міра по истеченіи 7 тысячъ лѣтъ, разъяснялъ, что
въ этихъ писаніяхъ выраженіе: «семь вѣковъ» означаетъ не 7 тысячъ
лѣтъ, а все вообще время существованія міра—такъ «все отцы по-
лагають». ³⁶⁾. Однако и послѣ того у насъ не переставали еще ждать
кончины міра. Воображеніе, однажды мистически настроенное и
не управляемое просвѣщеннымъ разумомъ, не скоро оставляетъ
запугивающія его мечтанія. Этимъ мистическимъ настроеніемъ
невѣжественныхъ умовъ воспользовался, для распространенія въ
русскомъ народѣ своихъ заблужденій, извѣстный Николай «вѣ-
мчивъ родомъ, латинянинъ вѣроу» и доказывалъ, что въ 32 году
осьмой тысячи будетъ измѣненіе всей вселенной. ³⁷⁾. И замѣ-
чательно, что даже просвѣщенный Максимъ грекъ, преслѣдовав-
шій своими сочиненіями и Николая, и русскихъ, внимавшихъ его
бреднямъ, былъ увѣренъ въ скоромъ явленіи антихриста, который,
по его словамъ, «не зѣло далече есть но при дверехъ уже стоитъ,
якоже божественная писанія учатъ насъ, явственнѣ глаголюща: на
осмомъ вѣдѣ быти хотящу... началу мучительства богоборца антих-
риста и второму на земли Спаса Христа пришествію». ³⁸⁾. И все
вообще памятники вашей письменности XVI в. проникнуты, такъ
сказать, чаяніемъ близкой кончины. При этомъ, послѣ паденія Кон-
стантинополя, идея вѣчнаго Рима была перенесена на Москву. Но
прежде, чѣмъ указывать доказательства этого намъ нужно сказать о
томъ: *гдѣ*, по мнѣнію русскихъ, долженъ былъ явиться антихристъ?

³⁴⁾ Шевыревъ. Ист. русск. слов. ч. IV, стр. 83.

³⁵⁾ *ibid.* ч. IV стр. 85.

³⁶⁾ Просвѣтитель. Стр 375—385, изд. 1855, Казань.

³⁷⁾ Прав. Собесѣд. 1858 г., ч. 2 стр. 150.

³⁸⁾ *ibid.* стр. 152—154.